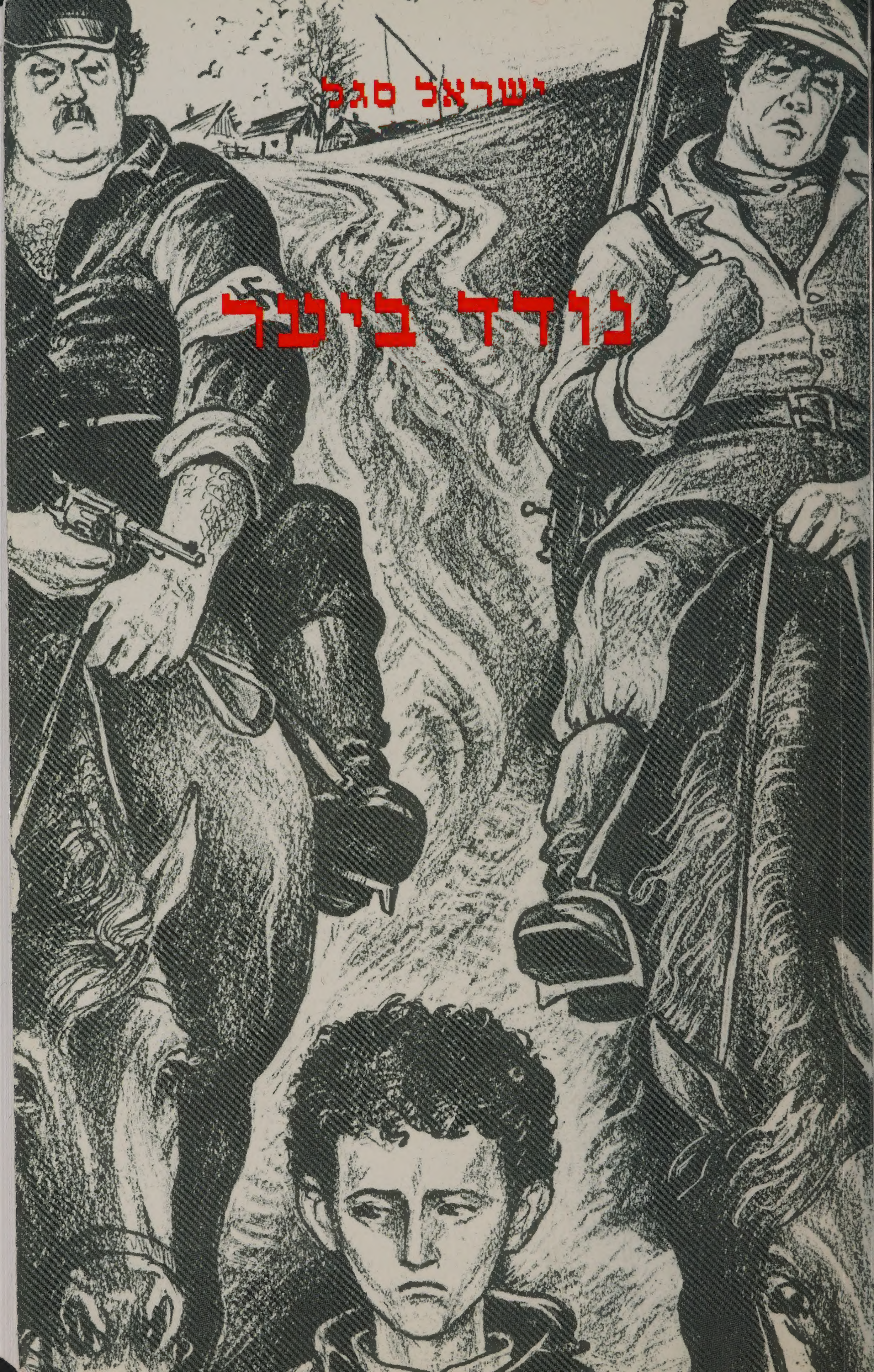
ישראל סגל

נודד ביער



ישראל סגל
נספח
לספר
"נודד ביער"

הוצא לאור ב-1996
בתל-אביב

קטעים
מספרו החדש של ישראל סגל
שיתפרסם בארה"ב
באנגלית וברוסית

פגישות עם יצחק שמיר
ושמעון פרס

פניה לבנימין נתניהו

בשואה נספו לא שישה
אלא יותר משבעה מיליון נפשות

על הקמת קרן להגנת זכר היהודים
שנספו בשואה

איך מנוצל כספם ורכושם של קורבנות
השואה

פעילות יד ושם

תוכן העניינים

לקורבנות השואה - הנספים והחיים

ילדתי, קרובי -
מכל בור אני שומע
את זעקותיהם...
איליה ארנבורג

דברי המחבר

עליתי ארצה ב-1992 ומיד פניתי לציבור באמצעות עיתון בהצעה להקים קרן להגנת זכר היהודים שנספו בשואה. שלחתי מכתבים למנהיגים ולאנשים בעלי שם בארץ - לנשיא המדינה מר עזר וייצמן, לראשי הממשלה מר יצחק רבין ומר בנימין נתניהו, לראשי הסוכ-נות היהודית, מר שימחה דיניץ ומר אברהם בורג, נפגשתי עם ראשי הממשלה מר יצחק שמיר ומר שמעון פרס.

היהודים שנספו בשואה לא צריכים לקבל נדבות אלא ראוים רחמים פעילים, לכבוד עמוק לזכרם. הם השאירו מספיק אמצעים כדי שנוכל למצוא את קברם ולהקים מצבות. אני מאמין שדור חדש של מנהיגי עמינו יפתרו את הבעיה הכואבת הזו.

אך חבל מאוד שאלפי חפים מפשע שנספו בשואה ילכו לאבדון. הם אינם ראוים לזה.

פרק חמש עשרה

ארבעים דקות
עם יצחק שמיר

ב-30 במאי 1993, בשעה תשע בבוקר צילצל הטלפון. קול גברי בירך לשלום ושאל:- "אפשר לדבר עם מר סגל?"

"הוא לא בבית. הוא באולפן,- ענתה בתי, - מה למסור לו?"

"מי מדברת?"

"בתו".

"מדברים מלשכתו של יצחק שמיר. קיבלנו מכתב מאביך ובו בקשה להגיע לשיחה. אנו צריכים מידע".

"איזה מידע?"

"קודם כל, תעודת הזהות שלו. רישמי את מספר הטלפון שלנו שיתקשר אלינו".

"המתן רגע ואנסה למצוא את התעודה שלו". היא מצאה אותה ומסרה לו את המספר.

" אם נצטרך עוד משהו נצלצל מחר בשמונה וחצי".

ב-6 ביוני נשמע צלצול. קול נשי אמר:

"מיסרו בבקשה למר סגל שהפגישה עם יצחק שמיר נקבעה ליום שני הבא בשעה עשר. אם הוא יזדקק למתרגם, אנא הודיעו מראש את שמו ומספר תעודת הזהות שלו."

קול נשי אחר חזר על ההודעה ברוסית. הבת ביקשה אישור מעבר גם עבורה. אם אפשר, גם היא היתה רוצה להשתתף בפגישה.

היה עוד צלצול, האשה הסבירה שמכיון שהיא תהיה בתורנות, הצורך במתרגם בוטל, מה עוד שבתי תשתתף בפגישה.

ב-14 ביוני התייצבנו במשרדו של יצחק שמיר, עברנו במסדרון ומצאנו עצמנו מול דלת עם עינית. צלצלנו. בכניסה פגש אותנו אדם צעיר:- "מר סגל שלום. תנו לי, בבקשה, את התעודות שלכם". מעבר לשולחן יצאה אשה והושיטה את ידה:

"שבו. מה תשתו- מים, מיץ?"

שלוש דקות לפני השעה עשר נכנסה חיילת ואמרה: "קוראים לי אולה" ופתחה את דלת המשרד.

מאחורי השולחן ישב יצחק שמיר ובחיוך של טוב לב הביט בי בעיון. בפינה השמאלית ניצב דגל מדינתנו. יצחק שמיר התרומם והושיט לי את ידו לברכת שלום. בתנועת יד הזמין אותנו לשבת והקשיב לנו בתשומת לב

"מר שמיר, תודה רבה שמצאת זמן להפגש איתי ובמובן, סלח לי שעדיין אינני יכול לדבר עברית. אני מבין ומדבר מעט אידיש, אך לא עד כדי כך שאוכל להציג לך את הדבר החשוב שבאתי לומר".

"בסדר", הוא צחק.

סיפרתי לו היכן התגוררתי, איך הסתתרתי, כיצד עברו הפרעות, כיצד מספר היהודים שנהרגו מושתק באופן מודע, איך לא מתבצע חיפוש של אתרי קבורה המוניים. הוא הקשיב בעיון רב, שאל שאלות ופרש את מחשבותיו.

"אתה צריך לכתוב על מה שעברת, כל שעבר עליך. זה חשוב מאד. כולם צריכים לדעת את זה, במיוחד הנוער. אתה רוצה להקים קרן הנצחה ליהודים שנהרגו בשואה? במה היא תעסוק, מהיכן ימצא הכסף הדרוש? האם הקרן תיוחד ליהודי בילורוסיה או למקומות אחרים? האם פנית ל"יד ושם? מה הם אמרו?"

"הם איחלו לי בריאות והצלחה בפעילותי והבטיחו שאם קרן כזו תוקם, הם ישתתפו בה".

הוא חייך חיוך מבין.

"מר יצחק שמיר, אתה עשית רבות למען העם הזה.דורות רבים של יהודים יהיו אסירי

תודה על מה שעשית. אלפי יהודים יעריכו את מאמציך להנצחת זכר הנופלים. אני מאמין בך וסומך עליך כמו על אלוהים".

זמן רב הוא הביט בי בעיון. באופן רציני ומהורהר אמר: "אני רחוק מלהיות אלוהים".

הוא הפנה ראשו לעבר בתי: "בת כמה את? איפה אתם גרים? מה המקצוע שלך? איפה אמך?"

תוך כדי שיחה, הוא תיקן בטוב לב את טעויותיה בשפה.

"היא יודעת עברית, ואתה?"

"היא הרבה יותר צעירה".

הוא פרץ בצחוק:- "את זה רואים. איפה עבדת בשנים האחרונות?"

"במכון לתכנון".

"במכון לתכנון", הוא חזר על המילים ברוסית. והוסיף:- "אני אדבר עם אנשי, הם יודיעו לך".

"מר שמיר, נכדי לא יסלח לי אם לא נצטלם ביחד".

"נו,טוב, בוא נצטלם".

התייצבתי בצד אחד של הכיסא ובתי-מצידו השני. הוא הניח את ידו על ידי. אמרתי:- " אני מאחל לך מכל המשפחה בריאות טובה ואריכות ימים".

האדם המבוגר עם העיניים הנבונות ישב

בלי להוציא את ידו מידי. אנחנו התרגשנו. צולמו שלושה צילומים. שכחנו להפעיל את המבזק. לא שמנו לב.

שיחה עם בן-אֶרֶץ

שמעון פרס הזמין אותי לפגישה. בתי צלצלה למשרדו ומזכירתו השיבה שהוא כעת בחו"ל.

- אתם יכולים להפגש ב-2 במרץ,אמרה, בעשר וחצי בבוקר. אם משהו ישתנה, אצלצל אליכם.

-חנה, תסלח לי, אבי לא מדבר עברית.

- את תתרגמי.

- אני לא בטוחה שאוכל לתרגם שיחה רצינית.

- אל תפחדי. תשתדלי.

הגענו בזמן.

-שבו, אומרת המזכירה, הוא נמצא בעת בישיבה. הרי חזר מחו׳ל בלילה. תסלחו לי, אתם תאלצו להמתין קצת.

בלישכה גבר קצב העבודה. אין ספור צל-צולי טלפון. הוא מדבר צרפתית עם מישהו, עובר לאנגלית, אחר כך לעברית, נותן הנחי-ות למזכירה...

הישיבה הסתיימה, כל משתתפיה עוזבים את המשרד.

-בבקשה, תכנסו.

שמעון פרס עומד ליד הדלת, חיוך על פניו, מושיט יד. הרגשתי שאנו מכירים זה את זה מזמן ורק נפרדנו. עיניו החודרות מביטות בי. פניו עיפים.

- מר פרס הנכבד, אנו משפחה יהודית גדו-לה. 50 שנה לא דיברתי באידיש. כעת אני כבר יכול להבין בשפה זו את בן-שיחי ולד-בר, אך קל לי להביע את מחשבותי ברו-סית.

- אני מדבר אידיש, אך תדבר איך שיותר קל לך. אבין ובתך תעזור לי. קראתי את ספרך "נודד ביער". הוא מצא חן בעיני מאוד.

- תודה רבה לך על המילים החמות על ספ-רי. יובל שנים כבר עבר מימי השואה, שבה נספו מיליוני נפשות של עמינו. אך עד כה עשרות אלפים מהם אפילו לא נקברו. עצמו-תיהם מפוזרים ביערות ובערוצים. עשבים פראים מעליהם ומזבלות.

הרי ראית את זה במו עיניך. ידוע לי ש פע-מיים ביקרת בכפר וישנבה במחוז וולוז'יין ליד מינסק, שם נולדת ושם עברו ימי ילדות-ך. ראית את בית הקברות היהודי הישן והמ-וזנח בולוז'ין, שם נקברו קרוביך.

סיפרו לך שבבית הכנסת המקומי נשרפו חיים יהודי וולוז'ין וביניהם סבא שלך עם משפחתו. בניין בית הכנסת אינו מסוגל לקל-וט את כל היהודים. היכן נקברה השארית?

אני משוכנע שאף ורק הקמת קרן להגנת זכר היהודים שנספו בשואה לא תתן לשמו-תיהם לרדת לטימיון, תבלום את הטרגדיה השניה שלהם. אסור להמתין - אין זמן.

המטרה העיקרית של הקרן הזו היא חיפוש קברים, אתור טופוגרפי שלהם, עריכת מסמ-כים, הקמת מצבות במקומות שאינם. זו גם תהיה הוכחה משפטית להכחדת העם היהודי.

כל זה ניתן להשגה, אין כאן שום דבר מסובך, יקר.
חלק מסוים מהעבודה כבר בוצע ע"י הסוכנות היהודית, ה"ג'וינט", ארגונים אחרים בקהילות יהודיות, בארגוני קורבנות הנאצים, וגם ע"י יהודים בודדים, אך כל זה - הוא טיפה בים. עמלם של האנשים הללו שאין להם אמצעים ואפשרויות חוץ מאצילותם, הוריד את סיום העבודה הקדושה הזאת למינימים..
בינתיים, מוסדות מיוחדים בארה"ב, איטליה, יפן, גרמניה, פינלנד, רוסיה ממשיכים לחפש קורבנות.
מר פרס, תשע עשרה שנה עבדתי במכון פרויקטים לבניה ועסקתי בהערכה כלכלית של הבניה. ארבע עשרה שנה מתוכם פעלתי כחבר מועצת הבינוי והשיכון כמומחה לביצוע הערכות בספיות של בניה במחוז סמרה - אחד מהגדולים ברוסיה. מובן שלקרן נחוצים משאבים ואני רוצה לומר שבזמן האחרון בעתונים כותבים הרבה על החזרת רכוש שגנבו מהיהודים בזמן השואה. מדובר על חסבונות בנקים, על דברי ערך. מדובר על תופעה שיכולים להשוותה אותה ל"קד-חת זהב". בקרב הזה משתתפים פוליטיקא-ים, עורכי-דין, פרלמנטים, הסובנות היהודית, קונגרסים וכו'.
מועצת הבנקים בשוויץ כבר הקציבה 71 מיליון דולר ומתכוונת להוסיף עוד 600 מיליון.
ליד וינה נשמרים שבעת אלפים דברי אמנ-

ות בשווי של מיליוני דולרים. רומניה ופולין קיבלו חוקים להחזרת רכושם של קורבנות הנאצים.

והנה כבר פרץ מיקוח בין ארגונים רבים של יהודי פולין, שנוסדו לאחרונה, ביו ההתאח-דות העולמית של יהודי פולין, קהיליות יהודיות בפולין עצמה וההתאחדות הלאומית של יהודי פולין וכו'.

לפני המלחמה גרו בפולין שלושה וחצי מיליון יהודים מהם 3 מיליון נרצחו באכז-ריות. גופותיהם נטמנו בכל רחבי פולין, אך חלק בכלל לא נקבר.

בעת מתגוררים בפולין 8 אלפים יהודים, שמהם רק ניצולי שואה אחדים. רשימת קורבנות הנאצים ניתן להמשיך עד אין סוף.

המון גומלי-חסד פתחו בפעילות נמרצת כדי להחזיר את הרכוש והתחילו להביע דא-גה לבבית על החזרת כספי הנספים. אך לא שומעים אף מילה על הנספים עצמם ולמי שייך הרכוש והכסף. אולי כבר הופיעו צ'יצ'יקובים חדשים (הגיבור הראשי של הרומן "נפשות מתות" של גוגול) רק בהבדל אחד: הוא קנה את הנפשות המתות ובעת עושים בהם סחר-מכר.

מדינת ישראל קיבלה מ1951 עד 1992, אחרי התמוטטות בריה"מ, מגרמניה יותר מ-65 מיליארד דולרים בפיצוים בעד הנספים בשואה. המשאבים הללו נוצלו לפיתוח הכל-כלה ולחיזוק יכולת ביטחונית של מדינתנו - ובצדק.

בעת ניצול כספי קורבנות השואה על-ידי כל מיני ארגונים שאינם קשורים להנצחת זכרון הקורבנות, אינו מוסרי ולדעתי שווה לפשע.

קיים צורך לברר על איזה בסיס הוקמו הא-רגונים הללו בכל ששמותיהם מצלצלים - בינלאומי או כלל-ארצי. לבדוק את פעיל-ותם. לתת מנה לאוהבי הרווח הקל לכל אחד לפי גמולו. הרי ישנם יהודים בעולם שאינם אדישים לגורלם של קורבנות השואה! כן, ישנם!

אסור לשכוח שלכסף המגואל בדם הנספים - ריח רע!

בשנות קיומו ביצע יד ושם עבודה גדולה. נאספו מיליוני עדויות, נכתבו אלפי ספרים, נוצרו סרטים, הוקם "אולם השמות". מכון מחקר השואה פועל במסגרת יד ושם. מיליוני תיירים מגיעים מכל רחבי העולם. אך לצערי כל הפעילות הזו מיועדת לתיירים ולא להי-סטוריה. חייבים להקים "פנטיאון" לזכרם מיליוני יהודים שנספו בשואה. מוזיאוני שו-אה קיימים בהרבה ארצות בעולם, אך ה"פנ-טיאון" צריך להיות אחד ויחיד במדינת היהודים.

אחרי שפרסמתי מאמרים (שבועון "פנור-מה" מס. 285 מ-19.11.92, עיתון "וסטי" מ-19.08.93, "נובוסטי נידלי" מ-26.05.95), הופעתי ברדיו רק"ע ב 14 ליוני 1996, פרסמתי את ספרי, - קהיליות היהודיות, ארגוני קורבנות הנאצים ויהודים בודדים

עשו עבודת גדולה בחיפוש אחר מקומות קבורה המונית של היהודים הנספים.

בבלרוסיה גולו 820 אלף נספים, באוקר-אינה - מיליון ושש מאות אלף. לפי ניתוני הקונגרס היהודי העולמי, בבלרוסיה נספו 350 אלף ובאוקראינה - 850 אלף יהודים.

הנתונים שנאספו רק בבלורוסיה ואוקרא-ינה, המסמכים מארכיון הלאומי של ארה"ב ומא-רכיוני הק.ג.ב. מעידים שבשואה נספו לא שישה אלא יותר משבעה מיליון יהודים.

חייבים להקים ועדה ממלכתית כדי ללמ-וד בעומק את הבעיות הללו, לנתח את הפעי-לות של יד ושם ולעבד המלצות לממשלה, כדי שתנקט צעדים רלוונטיים.

דיברתי לאט ברוסית, לעיתים באידיש. לע-יתים עיניו הביעו שאלה ובתי תרגמה את דברי לעברית. לפי עניין הבנתי, האם יש להמשיך או להמתין לתרגום.

- מאין אתה?

- נולדתי במינסק. שנות ילדותי עברו בע-ירה פלשניצה ליד מינסק.

- פלשניצה? זה ממש ליד ויישנבה. הרי אנו ממש בני אותה עיר. תכתוב בקיצור בדף אחד את כל שאמרת: איך להקים קרן, מה קונקרטי אתה מציע, מי ישקיע בה, מי ינהל? והצעות אחרות. אכתוב המלצותי, אדבר עם נפתלי לאבי - סגן יו"ר של הארגון היהודי העולמי להחזרת רכושם. הוא יקבע איתך פגישה. אדבר עם אברהם בורג.

תוכל לכתוב ברוסית אך יותר טוב בעברית.

בשעת הצורך אתה רשאי לפנות אלי.

אין אף מילה מיותרת אחת - הכול שקול, קונקרטי ויפה.

- שלחתי מכתבים בנושא זה לבנימין נתניהו ולאברהם בורג. מנתניהו אין תשובה. בורג קבע פגי-שה. כשהזכרתי את נתניהו פרס הביע אי-שביעות רצון:

-על מי אתה מדבר? אברהם זה עניין אחר. הוא ידיד נפש שלי אמור לו שהיית אצלי. תראה לו את מכתבי. אמור שאני מוכן לע-זור ולעודד בכל דבר. לא התעסקתי בעניני הכסף של קורבנות השואה ולא היה לי שום קשר לכך. בעת איני בל-יכול אך אעזור לך במה שאוכל.

שעה וחצי עברה מהר מאוד. הצטלמנו ביחד. הוא מלווה אותנו לדלת.

- שמעון פרס הנכבד, אני מאחל לך בריא-ות ואושר עד מאה ועשרים. זייט געזונט - תהיה בריא!

הוא נרגש מאוד. משיב ברוסית:

- אני אעזור לך.

ובדי להשתכנע, שהבנתי אותו נכון, חזר בעברית כשפנה לבתי: "אני תומך בך, תרגמי לאבא".

שכך יהיה.

אני עוזב בתקווה את המשרד של המנהיג הגדול, שעמל רבות למען ביטחון מדינתנו,לרווחתה ולכלכלתה ולקשרים הבי-נלאומיים שלה.

הוא מלא אנרגיה יצירתית ורעיונות - הוא נראה צעיר לגילו.

עוד פעם להתראות, בן-הארץ.

לכבוד
ישראל סגל
זלמן שז"ר 26/46
תל-אביב 68190

2 בפברואר 1998

ישראל היקר,

קראתי את ספרך "נודד ביער". זה ספר מרתק על חיים מרתקים. אשמח לראותך. אנא התקשר למשרדי לתיאום פגישה.

בברכה

שמעון פרס

שמעון פרס

תל-אביב, ו' בשבט, תשנ"ח
2 בפברואר 1998

לכבוד
ישראל סגל
זלמן שזר 26/46
תל-אביב 68190

ישראל היקר,

קראתי את ספרך "נודד ביער". זה ספר מרתק על חיים מרתקים.

אשמח לראותך. אנא התקשר למשרדי לתיאום פגישה.

בברכה,

שמעון פרס

ישראל סגל היקר,

תודה על מכתבך מיום 8.9.98.
בהזדמנות הקרובה שאראה את ברונפמן* -
אדבר אתו.
ועד אז, שנה טובה לך ולכל בני ביתך.

23.9.98

* אדגר ברונפמן - נשיא הקונגרס היהודי העולמי.

שמעון פרס
Shimon Peres

ישראל טבל יקיר,

תודה על מכתבך מ.ו.פ מ-8.9.98.

בהזדמנות קרובה שאראה את
ברוטמן - אזכיר אותו.

ושר אני, שוב מודה לך וגם
בני ביתך.

23.9.98

לכבוד
מר ישראל סגל

12 באוגוסט 1998

מר סגל הנכבד,

העתק מכתבך לח"כ שמעון פרס, הועבר לידיעתנו ע"י לשכת יו"ר הנהלת הסוכנות.

הנושאים שהעלית במכתבך חשובים ומטרי-דים. הפתרון להם לא יימצא ע"י חילופי מכ-תבים. נראה לי, לכן, מתאים וראוי שנשוחח בעל פה ונחליף אינפורמציה ודעות שאולי גם יסמנו דרכי פעולה.

עם זה מקובל עליך - אשמח אם תתקשר טל-פונית ונתאם פגישה לשיחה בכל הנושאים הנזכרים במכתבך (טל. 02-6751606).

בברכה

יוחנן ביין
שגריר
סגן יו"ר ההנהלה

YAD VASHEM יד ושם

רשות הזיכרון לשואה ולגבורה

כ' באב תשנ"ח
12 באוגוסט 1998

לכבוד
מר ישראל סגל
רח' זלמן שזר 26/46
תל אביב 68190

מר סגל הנכבד,

העתק מכתבך לח"כ שמעון פרס, הועבר לידיעתנו ע"י לשכת יו"ר הנהלת הסוכנות.

הנושאים שהעלית במכתבך חשובים ומטרידים. הפתרון להם לא יימצא ע"י חילופי מכתבים. נראה לי, לכן, מתאים וראוי שנשוחח בעל פה ונחליף אינפורמציה ודעות שאולי גם יסמנו דרכי פעולה.

עם זה מקובל עליך – אשמח אם תתקשר טלפונית ונתאם פגישה לשיחה בכל הנושאים הנזכרים במכתבך (טל. 02-6751606).

תודה.

בברכה

יוחנן ביין
שגריר
סגן יו"ר ההנהלה

שיחה ארוכה התקיימה עם סגן יו"ר מועצת יד ושם מר יוחנן ביין.

הוא סיפר על עבודת המחשוב של כל המסמכים הנמצאים בארכיוני המוזיאון. מתבננים להקים בית ספר להשתלמות מורים בנושא השואה בכל מוסדות החינוך. מתכוו-נים לבנות מחדש בניניי המוזיאון כדי לשפר את עבודתו. העלתי אותן בעיות שאליהן דיברת עם שמעון פרס, יצחק שמיר, כתבתי לבנימין נתניהו.

- מר יוחנן ביין הנכבד, יש לזכור כי יד ושם הוקם על סמך חוק שהתקבל בכנסת עוד ב-1953, שהוא בתוקף עד היום

ברוב המדינות סבורים שעל הכחדת מליוני יהודים מתעדות רק עדויות של אלה שנשארו בחיים, שזה בסיס לא מספיק ולפי חוקי המשפט הבינלאומים זו אינו הוכחה.

בית המשפט העליון של ישראל בשפעל בקפדנות לפי חוקי המדינה שחרר את הרוצח איבן דימיניוק למרות עדויות של קורבנות הנאצים.מי בעת זוכר את הטרגדיה של העם האר-מני שנספו מיליונים מהם ב-1915-1917 בקיסרות הטורקית? וביצד להוכיח היום מספר הקורבנות?

באילו מסמכים משפטיים יכול יד ושם לא-שר הכחדת מיליוני יהודים בשואה? אני מדגיש - במסמכים משפטיים.

בריה'מ התמוטטה, מסך הברזל נפל. הגיע זמן ויש צורך לקבל תיקונים לחוק על פעילות יד ושם נוכח השינוים מרחיקי הלכת בעולם.

אני משוכנע שחובה קדושה ליד ושם להשתתף בהקמת קרן להנצחת מקומות מותם של קורבנות השואה.
הנתונים מעידים שבשואה נספו לא שה אלא שבעה מיליון יהודים.
נא להרהר על מה שקרה, ולפי מצפונך, לפי חוקי היהדות, בתפקידך תעשה הכל מה שתלוי בך. האמת חייבת לנצח. אסור שזכרם של מיליוני יהודים פלוניים ירד לטמיון. כאן אין מקום לאמביציות.
הועד היהודי למחקר בארה"ב בצע סקר דעת קהל על השואה. 42 אחוזים מהאמרי-קאים חושבים שהשואה בכלל לא הייתה.
29 אחוז לא היו מסוגלים להשיב על השא-לה, יותר מחצי מהנשאלים בקרב הנוער בע-ולם לא שמעו על השואה. הרוב המוחלט לא ידע בכלל שהנאצים רצחו מיליוני יהודים.
האם אצלנו בוצע סקר כזה בכלל? ואם כן, מתי זה היה ומהן תוצאות?
הנוער שלנו מקבל את השואה במושג אב-סטראקטי ולא במציאות. אני נפגש עם נוער. הם אומרים לי: " איננו יהודים, אלא ישרא-לים - כמו צרפתים, אמריקאים, רוסים... אין לנ ממה לחשוש".
יעבור לא הרבה זמן והנוער בכלל לא יאמ-ין שדבר כזה היה יכול להתרחש.
שכחנו את העבר הנוראי של עמנו. את העבר אי-אפשר לשנות, אך אנו חייבים לעשות הכל, שזה לא יחזור חלילה.
האנטישמיות גוברת בכל העולם.
מדינות שונות באופן גלוי קוראות לחיסול

העם היהודי אין הוצאה לסיכוי השואה החד-שה. הנוער חייב לזכור ולדעת את העבר עמו. להתיחס בזילזול לשואה זה ממש פשע לגבי עמנו. התקשורת מוסרת לפי מקורות שונים שבמדינתנו חיים יותר משלוש מאות אלף ניצולי שואה, דהיינו אסירים במחני-ריכוז נאצים. ובגיטאות וכן יהודים, שהסת-תרו בשטחים שנכבשו על ידי הנאצים.

ניתוח אלמנטרי מכחיש את הנתונים הללו. המספר הוא פי עשר קטן יותר.

אלפי פקידים עובדים בכל מיני מוסדות בנושא השואה - היא הפכה לעסק מוצלח, לפעילות מסחרית.

בעסק הזה אין מקום רק לקורבנות עצמם - דעתם וגורלם אינם מעניינים את אף אחד. הם מפריעים. קל להציג אותם כחולי נפש. יותר פשוט עם הנספים.

ניצולי השואה, אדוני החוקרים, הם אנשים מבוגרים, חולים, אך זכרונם צלול, הם אנשי גבורה וסבלנות. אך הם מרגישים מושפלים בגלל האדישות המוחלטת כלפיהם מצד מדינתנו שעד בה לא חתמה על האמנה הבינ-לאומית בנושא המעמד של אסירי הנאצים שכבר התקבלה על ידי רוב מדינות העולם.

ביום הזכרון לשואה נשמעת צפירה. כל מדינת עוצרת נשימתה וצעדיה, ולמחרת כבר שוכחת עד הצפירה בעוד שנה.

קיים צורך דחוף לרשום את כל קורבנות השואה ולתת להם חסות, לעמוד בראש ארגונים מפוזרים ולאחד אותם להתאחדות כלל-ארצית של קורבנות השואה.יש לממן תכניות אלו על חשבון כספם של הנספים.

***

הפגישה עם יוחנןביין שכנעה אותי שוב שקיים צורך בהקמת ועדה ממלכתית שתכלול מומחים בעלי שם בינלאומי לזכויות בן-אדם, היסטוריונים, ניצולי שואה - כדי לדון על הפעילות רבת השנים של יד ושם ולעבד את מעמדו החדש.

למה אנו, היהודים, אזרחי המדינה היהודית מתיחסים כל כך באדישות לטרגדיה השניה שפוקדת את קרובינו, הורינו ומכרינו שנספו בשואה? למה?

המנהיגים הנכבדים של עמנו ומדינתנו לשעבר ושל ימינו! עצמות אבותיהם מפוזרים גם היום על אדמות בלורוסיה, פולניה, ליטה ומדינות אחרות.

עשיתם פלאים ממש לצמיחה ולביטחון ארצנו. אך הדורות הבאים לא יסלחו לכם על שלא עשיתם את הכל כדי שמיליוני היהודים שנרצחו ללא עוול בכפיהם ירדו לטימיון. עדיין לא מאוחר.

כבר התחלפה הממשלה הקודמת עם גורמים בכירים שפניתי אליהם וזעקתי על מצפונם ועל עזרתם. אך לצערי הרב התיחסות לשואה ולקורבנותיה, גם הנספים, גם החיים, - לא השתנה.

מומים נכבדים, משפטנים בינלאומיים יהודים - מי מהם יגן על קורבנות השואה?!

מי מכם יעצור את הטרגדיה השנית?

מי מכם יגן על הקורבנות וניצולי השואה מהגזל מצד אוהבי טרף קל, רודפי בצע?

מי מכם לא יתן למיליוני קורבנות השואה לרדת לטמיון?מי?

כבוד
ראש ממשלת ישראל
מר בנימין נתניהו

מר נתניהו הנכבד!

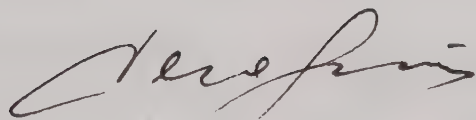
פונה אליך עולה מרוסיה ישראל סגל.
אני שולח לך את ספרי "נודד ביער", שתורגם לעברית.

בספר שפורסם בעברית חסר פרק של "דברי המחבר", בו מדובר על עבודת המוזיאון "יד ושם", אירגונים העוסקים בקבלת כספים עבור הנספים בשואה, הקמת "קרן לזכרם של יהודים שנספו בשואה".

על בסיס חומר זה הנני מסיים את עבודתי על ספר חדש.

אני רואה בחובתי, טרם פרסום הספר באנגלית ורוסית בארה"ב, להציג בפניך את אחד הפרויקטים "לכסף יש ריח".

הנני מבקשך לקבל אותי למרות עסוקיך הרבים.

בכבוד רב,

ישראל סגל

06.01.98
רח"זלמן שז'ר 26/46
ת"א 68190

העתקים מהמכתב הנ"ל נשלחו ליו"ר הסוכנות היהודית אברהם בורג, ליו"ר הכנסת דן תיכון, למבקרת המדינה מרים בן-פורת.

משרד ראש הממשלה
הלשכה לפניות הציבור

11 בנובמבר 1998

לישראל סגל שלום רב,

אנו מאשרים שמכתבך אל ראש הממשלה התקבל בלישכתנו ב-5.11.98.

אנו מעריכים מאד את העובדה שהנך כותב ומספר לדורות הבאים על התלאות והזוועות של תקופת השואה. בעשייה זו מתועדים ומונצחים דברי תולדות עמנו שאותם אסור לשכוח לעולמי-עד.

אנו מאחלים לך שעוד שנים רבות יעמדו לך כוחות הנפש והנחישות הדרושים למשימה הקשה שלקחת על עצמך, ושתזכה להצלחה ונחת.

באשר לבקשתך להיפגש עם ראש-הממשלה, צר לנו על שלא התאפשר להענות לבקשתך זו.

בכבוד רב
רותי הורניק
ראש ענף פניות הציבור

משרד ראש הממשלה
הלשכה לפניות הציבור

כ"ב בחשון התשנ"ט
11 בנובמבר 1998
שנ/98

לכבוד:
ישראל סגל
רח' זלמן שז"ר 26/46
תל-אביב 68190

לישראל סגל הנכבד שלום רב.

אנו מאשרים שמכתבך אל ראש הממשלה התקבל בלישכתנו ב-5.11.98.

אנו מעריכים מאד את העובדה שהנך כותב ומספר לדורות הבאים על התלאות והזוועות של תקופת השואה. בעשייה זו מתועדים ומונצחים דברי תולדות עמנו שאותם אסור לשכוח לעולמי-עד.

אנו מאחלים לך שעוד שנים רבות יעמדו לך כוחות הנפש והנחישות הדרושים למשימה הקשה שלקחת על עצמך, ושתזכה להצלחה ונחת.

באשר לבקשתך להיפגש עם ראש-הממשלה, צר לנו על שלא התאפשר להענות לבקשתך זו.

בכבוד רב,

רותי

רותי הורניק
ראש ענף פניות הציבור

כבוד
ראש ממשלת ישראל
מר בנימין נתניהו

22.11.98

א.נ.

כעבור 10 חודשים קבלתי תשובה מהלישכה לפניות הציבור מיום 11.11.98 שמספרו שנ/98 ולתשובה זו אין שום קשר למכתב שהו-פנה אליכם.

ראיתי לנכון לפנות אליכם שוב פעם וזאת לאור עיסוקיכם הרבים.

עברו למעלה מ-50 שנה מהשואה, שבה אבדו חייהם של מיליונים ועד היום הזה אלפי קורבנות לא זכו לקבורה. שרידיהם מפוזרים ביערות ובבורות. במקומות רבים אין קברים כלל, גיא הריגה מכוסה בצמחית פרא או משמש כמזבלה.

בנקים בשוויץ הקציבו לקרן מיוחדת 1,25 מיליארד דולר, ממשלת שוויץ -190 מיליון, חברת הביטוח "ג'נראלי" - 100 מיליון. לפי דיווחי הטלויזיה האמריקאית, מדינתנו קיבלה מהקרן של שוויץ סיוע בסך 59 מיליון דולר.

עד היום הזה לא נעשה דבר על מנת להנצ-
יח מקומות מותם של קורבנות השואה, להם
שייכים הכספים הנ"ל לפי החוק. לדעתי,
הממשלה צריכה להקים קרן שמטרתה היחי-
דה: איתור מקומות קבורה, רישום טופגרפי,
עריכת פרוטוקולים משפ-טיים, הצבת מצב-
ות זה ישמש הוכחה משפטית להשמדת העם
היהודי.

חיפוש אחר קברים שנערך באוקראינה ובב-
לורוסיה, מידע השמור בארכיון הלאומי של
ארה"ב, מידע ארכיוני של הק.ג.ב. השמור
במוזיאון השואה בוושינגטון, מוכיחים
שבשואת יהודי אירופה הושמדו למעלה מ-7
מיליון יהודים ולא 6. אין כאן מקום לאמבי-
ציות. מדובר במיליוני חיי יהודים.

הכרחי לבדוק את מלוא היקף הפעילות של
מוזיאון השואה "יד ושם". מעמדו חייב לה-
שתנות. כיום המוסד עוסק רק במתן סיורים
לתיירים ומבקרים,אבל לא בשימור היסטורי.

מר בנימין נתניהו הנכבד, הנני מבקשך
להקים ועדה, אשר תלמד את הנושא ותגיש
מסקנות לצורך נקיטת צעדים על ידי הממ-
שלה.(ברצוני ליטול חלק בפעילותה).

הקמת הקרן, קביעת המספר האמיתי של
קורבנות השואה, שינוי מעמד המוזיאון,
בזמן בה מורכב לקיום מדינתנו, ישפר

לאין שיעור את שמה של ישראל בעיני עמי העולם וישחקו תפקיד חשוב בחינוך הנוער.

הנני סמוך ובטוח, שנקיטת צעדים אלו ימנעו סקנדל בלתי נמנע.

בתקווה, שמכתב זה יגיע לידך ואוכל לקבל תשובה בעניין.

בכבוד רב,
ישראל סגל

הערה: עיתון "נובוסטי נידלי" ("חדשות השבוע") מ-20.11.98 במאמר "פולין מחזירה רכוש ליהודים" כותבת: "ארגונים יהודיים ומנהיגי קהיליות יהודיות בפולין חתמו הסכם עם הממשלה על החזרת אדמות ורכוש דלא ניידי בסכום של שלושה מיליארד דולרים".

לכבוד
ישראל סגל
רח" זלמן שז"ר 26/46
תל-אביב 68190 4 בינואר 1999

למר ישראל סגל הנכבד שלום רב,

אנו מאשרים שבמשרדנו התקבל מכתבך הנוסף מיום 22.11.98 המופנה אל ראש הממשלה.
לנוכח עומס עבודה עצום המוטל על ראש-הממשלה, אין אפשרות להעביר לעיונו את מכתבך. וצר לנו שניבצר מאיתנו להענות לבקשתך זו.

הצעותיך ובקשותיך בקשר לניצול כספי פיצויים נמצאים כעת בבירור, ובתום הבירור נודיע לך.
בנוסף, העלית טענה הקשורה ב"יד ושם", והצעת לשנות את פעילותו של ארגון "יד ושם". בעניין זה, עליך לפנות ישירות אל הנהלת "יד ושם" כדי לקבל את התייחסותם להצעתך. משרדנו לא יתערב בעבודתם המקצועית ובשיקוליהם.

באשר לתשובתנו אלחך מיום 11.11.98, הנאמר בה התייחס לעצם כתיבת "הנודד ביערות".
אנו מאחלים לך הצלחה.
בכבוד רב,
רותי הורניק
ראש ענף פניות הציבור

משרד ראש הממשלה
הלשכה לפניות הציבור

ט"ז בטבת התשנ"ט
4 בינואר 1999
99/009

לכבוד:
ישראל סגל
רח' זלמן שזר 26/46
תל-אביב 68190

למר ישראל סגל הנכבד שלום רב,

אנו מאשרים שבמשרדנו התקבל מכתבך הנוסף מיום 22.11.98 המופנה אל ראש הממשלה.

לנוכח עומס עבודה עצום המוטל על ראש-הממשלה, אין אפשרות להעביר לעיונו את מכתבך. וצר לנו שניבצר מאיתנו להענות לבקשתך זו.

הצעותיך ובקשותיך בקשר לניצול כספי פיצויים נמצאות כעת בבירור, ובתום הבירור נודיע לך.

בנוסף, העלית טענה הקשורה ב"יד ושם", והצעת לשנות את פעילותו של ארגון "יד ושם". בעניין זה, עליך לפנות ישירות אל הנהלת "יד ושם" כדי לקבל את התייחסותם להצעתך. משרדנו לא יתערב בעבודתם המקצועית ובשיקוליהם.

באשר לתשובתנו אליך מיום 11.11.98, הנאמר בה התייחס לעצם כתיבת ספרך "הנודד ביערות".

אנו מאחלים לך הצלחה.

בכבוד רב,

רותי הורניק
ראש ענף פניות הציבור

לכבוד
ישראל סגל

14 בפברואר 1999

לישראל סגל הנכבד שלום רב.

בהמשך למכתבנו אליך מיום 4.1.99 הרינו להודיעך כי בימים אלה קיבלנו תשובה מוס-מכת בקשר לניצול כספי הבנקים השוויצרים, והלן תוכנה:

ההסדר אושר בין האירגונים היהודיים והבנ-קים השווייצריייים וקיבל תוקף של פסק דין, לפי 80% מהכספים מיועדים לניצולי השואה, ו-20% מיועדים לאיזכור, הנצחה ופעילות חינוך.

תוך מספר שבועות יתפרסמו בתקשורת הנח-יות לגבי חלוקת הכספים, ואז יובהר לניצו-לים הנכללים בקטגוריות מקבלי הכספים, מה עליהם כדי לממש את זכאותם.

לגבי כספי חברת הביטוח "ג'נרלי", יש לפנות ל"קרן לזכר מבוטחי ג'נרלי במזרח אירופה ובמרכזה אשר ניספו בשואה", ת"ד 36311, ירושלים 91360.
אנו מניחים שקיבלת גם את המכתב ששלחה אליך מנהלת מחלקת ההסברה וההנצחה בארגון "יד ושם.

באיחולי הצלחה ובכבוד רב,
רותי הורניק,
ראש ענף פניות הציבור.

הערה: 59 מיליון דולרים (ללא ריבית) שייכים לקורבנות ולניצולי השואה, התקבלו לפני שלוש שנים על ידי מדינת ישראל ובוזבזו בגלוי ובציניות.

משרד ראש הממשלה
הלשכה לפניות הציבור

כ"ח בשבט התשנ"ט
14 בפברואר 1999
99/009

לכבוד:
ישראל סגל
רח' זלמן שזר 26/46
<u>תל-אביב 68190</u>

לישראל סגל הנכבד שלום רב.

בהמשך למכתבנו אליך מיום 4.1.99, הרינו להודיעך כי בימים אלה קיבלנו תשובה מוסמכת בקשר לניצול כספי הבנקים השווייצריים, ולהלן תוכנה:

ההסדר אושר בין הארגונים היהודיים והבנקים השווייצריים וקיבל תוקף של פסק דין, לפיו 80% מהכספים מיועדים לניצולי השואה, ו-20% מיועדים לאיזכור, הנצחה ופעילות חינוך.

תוך מספר שבועות יתפרסמו בתקשורת הנחיות לגבי חלוקת הכספים, ואז יובהר לניצולים הנכללים בקטגוריות מקבלי הכספים, מה עליהם לעשות כדי לממש את זכאותם.

לגבי כספי חברת הביטוח "ג'נרלי", יש לפנות ל"קרן לזכר מבוטחי ג'נרלי במזרח אירופה ובמרכזה אשר ניספו בשואה", ת"ד 36311, ירושלים 91360.

אנו מניחים שקיבלת גם את המכתב ששלחה אליך מנהלת מחלקת ההסברה וההנצחה בארגון "יד ושם".

באיחולי הצלחה ובכבוד רב,

רותי הורניק
ראש ענף פניות הציבור

לכבוד
הגב' רותי הורניק,
משרד ראש הממשלה,
לשכת פניות הציבור,
רח" קפלן,3, קרית בן גוריון,
ירושלים

מאת
ישראל סגל,
ת.ז. 310223128,
רח"זלמן שז'ר,24/46,
ת"א, 68190

23.02.99

הנדון: בתשובה למכתב 99/009 מיום 14.2.99.

ג.נ.

קבלתי את מכתבך שבנדון, קראתיו בעיון רב וכן ברצוני להודות לך על תשובתך.

לדעתי, לא ערכת הכרות מלאה עם מכתביי, שהופנו אל ראש ממשלת ישראל.

הנני שולח לך העתקים של מכתבים אלו שנשלחו בין התאריכים: 6.01.98-22.11.98. מכתב של סגן יו"ר הנהלת "יד ושם" מר יו-

לכבוד
ישראל סגל

22 במרץ 1999

לישראל סגל הנכבד שלום רב.

אנו מאשרים שמכתבך מ-23.2.99 התקבל במשרדנו, כולל הנספחים שצרפת.

ראשית, נשוב ונציין כי אנו מעריכים את פועלך למען הנצחת זכרם של בני עמנו שהושמדו בשואה.

עם זאת, אין לנו מה להוסיף על הנאמר בתשובות ששלחנו אליך בעבר, והצעות והערות בנושא זה עליך להפנות ישירות אל ארגון "יד ושם".

באיחולי הצלחה ובכבוד רב,
רותי הורניק,
ראש ענף פניות הציבור.

חנן ביין מיום 12.08.98 ותשובותי למכתבו מיום 01.02.99. השיחה שנערכה ביני לבין מר ביין שבנעה אותי בפעם המי יודע כמה, שיש כאן מקום להקמת ועדתה ממשלתית לבדיקת תפקודו של מוזיאון יש ושם, קביעת מספרם המדויק של היהודים שנספו בשואה, הקמת קרן לשמירה על אתרי השמדה, ניצול כספי הקורבנות.

גב' רותי הורניק הנכבדה, הנני פונה אליך שוב בבקשה לערוך בירור בנוגע לבעיות אשר הוזכרו על ידי בפניותיי אל ראש הממשלה, מר בנימין נתניהו. המנעו מסקנדל בלתי נמנע.

בכבוד רב,
ישראל סגל

משרד ראש הממשלה
הלשכה לפניות הציבור

כ"ב בחשון התשנ"ט
11 בנובמבר 1998
שנ/98

לכבוד:
ישראל סגל
רח' זלמן שז"ר 26/40
תל-אביב (69190)

לישראל סגל הנכבד שלום רב.

אנו מאשרים שמכתבך אל ראש הממשלה התקבל בלישכתנו ב-5.11.98.

אנו מעריכים מאד את העובדה שהנך כותב ומספר לדורות הבאים על התלאות והזוועות של תקופת השואה. בעשייה זו מתועדים ומונצחים דברי תולדות עמנו שאותם אסור לשכוח לעולמי-עד.

אנו מאחלים לך שעוד שנים רבות יעמדו לך כוחות הנפש והנחישות הדרושים למשימה הקשה שלקחת על עצמך, ושתזכה להצלחה ונחת.

באשר לבקשתך להיפגש עם ראש-הממשלה, צר לנו על שלא התאפשר להענות לבקשתך זו.

בכבוד רב,

רותי הורניק
ראש ענף פניות הציבור

משרד ראש הממשלה
הלשכה לפניות הציבור

ה' בניסן התשנ"ט
22 במרץ 1999
99/009

לכבוד:
ישראל סגל
רח' זלמן שזר 26/46
<u>תל-אביב 68190</u>

לישראל סגל הנכבד שלום רב,

אנו מאשרים שמכתבך מ-23.2.99 התקבל במשרדנו, כולל הנספחים שצרפת.

ראשית, נשוב ונציין כי אנו מעריכים את פועלך למען הנצחת זכרם של בני עמנו שהושמדו בשואה.

עם זאת, אין לנו מה להוסיף על הנאמר בתשובות ששלחנו אליך בעבר, והצעות והערות בנושא זה עליך להפנות ישירות אל ארגון "יד ושם".

באיחולי הצלחה ובכבוד רב,

רותי הורניק
ראש ענף פניות הציבור

התקיימה פגישה עם יועצו של יו"ר הסוכנות היהודית מר אברהם בורג מר צבי רמות.

קיבלתי מכתב מסגן יו"ר הארגון היהודי הבינלאומי בעניין החזרת רכוש קורבנות וניצולי השואה מר נפתלי לוי.

לצערי, אותם מעניין רק כסף ולא גורלם של הקורבנות.

תשובה רישמית קיבלתי מיו"ר הכנסת מר דן תיכון.

מבקרת המדינה גב" מרים בן-פורת לא מצ-אה לנחון להשיב לי בלל.

לכבוד
שר החינוך, התרבות והספורט
מר זבולון המר.

מר זבולון המר הנכבד!

כותבת לך חנה ברזילאי החיה בארץ 70 שנה. למעלה מ-40 שנה עבדתי בהוראה וחינוך, לימדתי מקצועות רבים. עולה מברה"מ הר-אתה לי ספר בשפה הרוסית מאת ישראל סגל "נודד ביער". מצאתי להכרחי לתרגם ספר זה - שלא על מנת לקבל פרס - לשפה העב-רית, והריני שולחת לך ספר זה בשני עותקים. אני בטוחה שילדינו ונכדינו וכן הנוער - יקראו ספר זה בעניין רב ויפיקו תועלת רבה מקריאתו.

מן הראוי ספר זה יכלל בתכנית הלימודים של בתי הספר ובתי חינוך אחרים, כדי ללמוד על השואה.

בכבוד רב,
חנה ברזילאי

03.08.96

לכ' שר החנוך, התרבות והספורט - מר זבולון המר.

לכ' מר זבולון המר הנכבד!

כותבת לכם חנה ברזלי החיה בארץ 70 שנה. מהן עבדתי למעלה מ-50 שנה בהוראה וחנוך. למדתי את כל המקצועות. עולה מברית-המועצות הראתה לי ספר בשפה הרוסית מאת ישראל סמו: "הנודד בעבר". אני, בגיל גבוה, מצאתי להכרחי לתרגם ספר זה - שלא על מנת לקבל פרס - לשפה העברית, והריני שולחת לך ספר זה בשני עותקים. אני בטוחה שילדינו ונכדינו, ובני הנוער - יקראו ספר זה בענין רב ויקבלו תועלת רבה מקריאתם בו.

ספר זה - מן הראוי, שיכלל בתכנית הלמודים של בתי-הספר ושל בתי חנוך אחרים, כדי ללמוד על השואה.

בכבוד רב חנה ברזלי

3.8.96

הערה: בפגישתנו חנה ברזילאי אמרה: "אני שומרת מכתבים מזבולון ומאוזר שילד על ספרך. רציתי לתת לך אותם במתנה. זבולון המר הלך לעולמו. תשמור על המכתבים הללו".

אני מודה לזבולון המר שעשה כל כך רבות למען אחדות עמנו. במעט על ערש דווי הוא קרא את ספרי והעריך אותו.

יהי זכרו ברוך!

סגן ראש הממשלה
שר החינוך והתרבות והספורט

גברת חנה ברזלי הנכבדה, תודה על מכתבך, ויישר כח על תרגום ספרו של ישראל סגל. אראה לקרוא זו בעיון -וללמוד ממנו וכן אמסור אותו לראש המזכירות הפדגוגית פרופ' עוזר שילד - לעיינו.

מסרי תודתי גם לישראל סגל - המחבר.

בכבוד רב

זבולון המר

סגן ראש הממשלה
שר החינוך התרבות והספורט

ירושלים

גברת רינה ברזילי הנכבדה,

תודה על מכתבך, ויישר כוחך על
תרומת ספרו על ישראל סגל
אראה לקרוא בו בעיון ובחפץ - וללמוד ממנו
וכן אומר אמן לראש המנכ"ר ~
הכבדים כפי עזר שלו - לעיני
באשר הניחם לגבי דתיה.
מסרי תודתי גם לשאול סגל - המחבר.

בכבוד רב
זבולון המר

רח' שבטי ישראל 34 ירושלים 91911 טל. 02/5602330 פקסימיליה 02/5602246

לכבוד
גב' חנה ברזילאי
רמת-גן

8 בספטמבר 1996

שלום רב.

כפי שהשר כתב לך, הוא העביר אלי עותק של הספר "נודד ביער" מאת ישראל סגל. מגיע לך "יישר כח" על מסירותך בתרגום הספר לעברית.

בתור מי שבעצמו היה ילד באירופה בתקופה ההיא (אך ניצל בקלות), קראתי ספרי-זכרונות רבים של ניצולי שואה. אך נדמה לי שהסיפור של ישראל סגל הוא ייחודי. רוב הספרים נכתבו ע"י אלה שעונו במחנות למי-ניהם, ועל חיי היער מסופר בדרך כלל בהק-שר לפרטיזנים או "קבוצות משפחות". להי-ות נודד ביער, ועף בודד ביער שונה מאלה. לכן ריגש אותי הספר.

אם זאת, הכנסת ספר לתכנית הלימודים היא תהליך ארוך. "ועדות תוכניות" ו-"ועדות מקצוע" שהן מורכבות גם ממומחים אקדמיים ומומחים לדידקציה לומדים ודנים, ואף בודקים באיזו מידה וביצד מוצע עשוי להשתלב לתכנית הכוללת (שכבר נותנת דגש לא תעט על לימוד השואה).

בברכה
עוזר שילד

משרד החינוך התרבות והספורט
وزارة المعارف الثقافة والرياضة

יו"ר המזכירות הפדגוגית
رئيس السكرتارية التربوية

תאריך:
כ"ד אלול תשנ"ו
8 ספטמבר 1996
123ע

לכבוד
גב' חנה ברזילאי
<u>רמת-גן</u>

שלום רב,

כפי שהשר כתב לך, הוא העביר אלי עותק של הספר "נודד ביער" מאת ישראל סגל. מגיע לך "יישר כח" על מסירותך בתרגום הספר לעברית.

בתור מי שבעצמו היה ילד באירופה בתקופה ההיא (אך ניצל בקלות), קראתי ספרי-זכרונות רבים של ניצולי שואה. אך נדמה לי שהסיפור של ישראל סגל הוא ייחודי. רוב הספרים נכתבו ע"י אלה שעונו במחנות למיניהם, ועל חיי היער מסופר בד"כ כלל בהקשר לפרטיזנים או "קבוצות משפחות". להיות נודד ביער, ואף <u>בודד</u> ביער שונה מאלה. לכן ריגש אותי הספר.

עם זאת, הכנסת ספר לתכנית הלימודים היא תהליך ארוך. "ועדות תוכניות" ו- "ועדות מקצוע" שהן מורכבות גם ממומחים אקדמיים ומומחים לדידקטיקה לומדים ודנים; ואף בודקים באיזו מידה וכיצד ספר מוצע עשוי להשתלב לתכניה הכוללת (שכבר נותנת דגש לא מעט על לימוד השואה).

ב ב ר כ ה,
[signature]
עוזר שילד

לכבוד שר הביטחון
של מדינת ישראל
מר יצחק מרדכי

מר יצחק מרדכי הנכבד!

כותב אליך עולה מרוסיה ישראל סגל. אני שולח לך את ספרי "נודד ביער" בתגגומו העברי ומבקש במפגיע למסרו למחלקה המתאימה על מנת לרכשו.

דומני, שחיילים ילמדו ממנו על השואה של יהדות אירופה ועל השרדותה וכך תתחזק תחושת חובתם למולדתם.

בכבוד רב, -
ישראל סגל

7.08.96

לשכת שר הביטחון

לכבוד
מר ישראל סגל 31 בדצמבר 1997

שלום רב,

אני מאשר קבלת בכתבך מיום 24.12.97 אל שר הביטחון.

במכתבך מאוקטובר 96 אל שר הביטחון ביקשת להפנות את ספרך " לאגף מתאים במשרד במטרת רכישתו לחיילי צנ"ל.

ואמנם ספרך הועבר לקצין חינוך ראשי בצה"ל המופקד על נושאים אלה ותת-אליף אברהם עשהאל השיב לך שהספר מענין ומרתק אך מסיבת מגבלות תקציב נבצר ממנו לרבוש הספר.

צר לנו, איפוא, שלא נוכל לסייע.

את שלושת העותקים של ספקך ששלחת שוב לשר הביטחון הננו מעבירים ברשותך למפקדת קצין חינוך ראשי.

אתך ההבנה.

בברכה
ח. ישראלי

משרד הביטחון

הקריה, ב' טבת תשנ"ח
31 דצמ' 1997

לשכת שר הביטחון

ק/ 18032

לכבוד
מר ישראל סגל
רח' זלמן שז"ר 26/46
תל-אביב 68190

שלום רב,

אני מאשר קבלת מכתבך מיום 24.12.97 אל שר הביטחון.

במכתבך מאוקטובר 96 אל שר הביטחון ביקשת להפנות את ספרך "לאגף מתאים במשרד במטרת רכישתו לחיילי צה"ל".

ואמנם ספרך הועבר לקצין חינוך ראשי בצה"ל המופקד על נושאים אלה ותת-אלוף אברהם עשהאל השיב לך שהספר מענין ומרתק אך מסיבת מגבלות תקציב נבצר ממנו לרכוש הספר.

צר לנו, איפוא, שלא נוכל לסייע.

את שלושת העותקים של ספרך ששלחת שוב לשר הביטחון הננו מעבירים, ברשותך למפקדת קצין החינוך הראשי.

אתך ההבנה.

בברכה,

ת. ישראלי

/רר

מכתב של המחבר שפורסם בשבועון "פנורמה" (מס'285. 19.11.92)

תודה רבה שפרסמתם את מכתבי ב-22 לאו-קטובר 1992, בו הגבתי על המאמר " ביק-ור באיטקה" . המאמר הכריח אותי לפנות לצי-בור באמצעותכם.

גם כעת בברה"מ לשעבר כמו בתקופת סט-לין מסתירים את הנתונים האמיתיים על מס-פר היהודים שנרצחו על ידי הנאצים בין השנים 41-45. עירות יהודיות לשעבר בבל-ורוסיה שינו שמות והפכו לערי שדה, בתי קברות יהודיים נמחקים מעל פני האדמה וב-מקומם מצמיחים גנים. במקומות של הוצא-ות להורג המוניות איןגדרות, אין מצבות. לא מחפשים את המקומות הללו כלל. על המקומות האלה יודעים אנשים שמספרם הולך ופוחת מיום ליום - כולם כבר קשישים. וכשהם יעלמו, יהי מסובך יותר מסובך לדח-ות את צעקותיהם של כל האנטישמים והפ-שיסטים החדשים, ששואת יהדות אירופה היא מיתוס ושקר.

ברוב העירות בבלורוסיה הנאצים השמידו את היהודים בשני שלבים - רצח המוני ואחר כך חיסול מוחלט. במאמר "ביקור באיטקה" כתוב שבבלורוסיה נרצחו 60 אלף יהודים.

אך המספר הוא גדול יותר. כנראה למחבר סיפרו רק על השלב השני של ההשמדה.

הנני פונה לקוראי עתונכם בהצעה להקים קרן להגנת זכרם של היהודים שנספו במהלך המלחמה בין השנים 1941-1945 בבלורוסיה ובמקומות אחרים. אני משוכנע שצריך לפנות לממשלה הנוכחית של בלורוסיה ולדרוש פיצויים על הרכוש והפרטת בתיהם של קורבנות השואה. בכסף הזה נוכל להנציח את זכר הקורבנות. אני מקווה שלקריאה זו יצטרפו רבנים והסוכנות היהודית.

אני מקווה שראש ממשלת בלורוסיה מר ויאצ'סלו קביץ', אליו אני פונה, ישים לב גם הוא לבעיה הזה.

זו חובתנו לקורבנות, לקרובנו - להנציח את זכרם.

אני פונה בהצעה לארגן "שולחן עגול" של עולים, ותיקים וילידים בנושא שמירת זכרם של קורבנות השואה.

כעת אנו עדים לפרדוקס - לא מעט מיהודי רוסיה מהגרים לגרמניה. אי אפשר להבין את התופעה הזו. רוצה אני לספר לאנשים על סבל רב שנפל בחלקי: ניצלתי בנס, ברחתי מהעירה כשהגיעו הנאצים והוציאו להורג את כל היהודים וגם את משפחתי. ממש ילד, בבדידות מוחלטת הסתתרתי שלוש שנ-

ים ביערות בלורוסיה. עם אחי, שהצליח לברוח, נפגשתי רק אחרי 42 שנה כאן, בא- רץ. לפני עליתי ארצה ביקרתי במקומות ילדותי, מצאתי קבר אחים בו קבורים גם הורי. מתוך אלפי יהודים, שגרו בעיירות פלשניצה, לוגויסק, זמבין ודולגינובו, נותרו אחרי המלחמה אנשים ספורי בלבד.

אנו חייבים לזכור את קורבנות השואה כדי שהנאו-נאצים והאנטישמים ששוב מרימים ראש באירופה לא יוכלו לבצע את זממם.

בכבוד,
ישראל סגל,
רמת-גן.

"וסטי" מתאריך
19 לאוגוסט 1993.

עברו שמונה חודשים מפרסום מכתבי על הקמת קרן להנצחת זכר יהודים שנפלו בשנ-ים 1941-1945 בשטחים שנכבשו ע"י הנאצ-ים. קרן כזו היא דבר בלתי נמנע. בעת, כמו גם בתקופתו של סטלין, לא מפרסמים נתונים מספריים נכונים על היהדות שהושמדה. עיי-רות יהודיות לשעבר החליפו שמות ובתי הקברות נעלמים. ברובם המכריע של אתרי ההוצאה להורג אין מצבות והם לא מגודרים. אפרם של עשרות אלפים לא נקבר. אף אחד לא מחפש ולא מאתר את המקומות שבהם בוצע הרצח. על המקומות האלה יודעים אנשים ספורים בלבד, ובעוד מספר שנים גם הם יעלמו - הם כולם כבר מבוגרים מאוד.

זרם הטלפונים אלי אינו מפסיק. רבים מהם מיהודים, שניצלו בנס, עברו דרך מחנות ובתי הסוהר של סטלין, וקרוביהם, מכריהם נשארו לנצח באזורים הכבושים. רגשותיכם מובנים לי וקרובים אלי. הרבה תודות לכם, על שהינכם זוכרים עדיין ורוצים לדעת את כל האמת, איך ואיפה נהרגו קרוביכם ויקיר-

יכם. אתם שואלים, מה התחדש בזמן הזה, מה נעשה, במה ניתן לעזור?

אני שלחתי מכתבים למנהל מוזיאון "יד ושם, למר יצחק ארד ולארגונים אחרים, שתפקידם המוסרי ויעודם מחייב לקחת חלק בהקמת הקרן.

התשובה שקיבלתי ממוזיאון "יד ושם" אינה מובנת.

חוק, שהתקבל ע"י הממשלה בשנת 1953, מחייב את המוזיאון להנציח את כל קורבנות הנאצידם. למוזיאון ניתנו מטלות כבדות משקל, מחויבות גדולה לעובדיו. לי קשה להאמין שמר יצחק ארד, שחתם על מכתב התשובה, ירד לעומקו.

אני ביקרתי במוזיאון "יד ושם", עברתי בכל האולמות. הייתה לי מטרה מוגדרת, להיפגש עם מנהל המוזיאון למספר דקות. אחת העובדות ניסתה לשכנע אותי שהוא אדם עסוק מאוד, ובכלל, מה אני רוצה, זה בסך הכל מוזיאון?!

עכשיו, כאשר במדינות חבר העמים השונות אחרי פרסום המכתב, התחילו הקהילות והארגונים היהודיים לחפש אחר אתרי קברות האחים, חשוב מאוד להקים קרן ציבורית. מועצת הקרן תיצור את הקשרים עם ממ-שלות המדינות הכבושות לשעבר ותדרוש

מהן להקים מצבות. כמו כן היא תיצור קשר עם הקהילות והארגונים היהו-דיים הרבים ותפקח על פעילותן בנושא. הקרן תקים בסיס נתונים על כל קברות האחים וזה יהווה הוכחה משפטית על הרצח ההמוני שבוצע בעם היהודי. כל הטענות של הניאו-פשי-סטים והאנטישמים, שהשואה הינה "בלוף", לא יעמדו להם.

מקורות הקרן יתבססו על חשבון ההפרטה של מגורי הנופלים, ומקורות אלו ישמשו למימון הקמת המצבות.

החיפוש אתר מקומות קבורה המוניים חייב להתבצע על חשבונו של ארגון בינלאומי לפיצוי יהודים על הנזק החומרי שנגרם להם בזמן הכיבוש הגרמני. זו חובתו של כל יהודי וכל תושב ישראלי להשתתף בקרן זו. כל אחד יתרום כמה שהוא יכול, שקל בודד, אגורה בודדת. שכל העמים בעולם ידעו, שאנחנו לא שכחנו כלום ואף יהודי לא ישכח.

אני משוכנע שגם הממשלות במדינות בהן קיימים קברים של קורבנות הנאצים, לא יסרבו להקציב אמצעים למטרה זו ויחייבו את השלטונות המקומיים להקים את המצבות.

הקרן הציבורית צריכה לקום ליד מוזיאון "יד ושם". בשבילנו, אלה שעברו את תקופת השואה - אסירי הפשיזם, שכל אחד מאיתנו

מייצג עשרות אלפים של יהודים - "יד ושם" אינו מוזיאון, ואפילו לא מכון, אלא "פנטי-און" - מקום קדוש לכל יהודי.

לנו אכפת מהעתיד של המוזיאון, מכיוון שדרכו יועבר המידע האמיתי לדורות הבאים על הגורל שפקד את העם היהודי.

יצירת קרן ציבורית רק תרומם את המוניטין של "יד ושם". חייבים להקים ועדה ממלכתית בהשתתפות קורבנות הנאצים ולנתח ביסודיות את כל הפעילות של המוזיאון.

בישראל גרים יותר מ-30 אלף אסירי פאשיזם לשעבר. קיימת עמותה לאסירים קטינים של הנאצים, ברית אסירי הגיטאות והמחנות וכו' - להם אין אמצעים ולא אפשרויות. ההחלטה הנכונה היחידה - להת-אחד לארגון כלל-ישראלי של קורבנות הנא-צים, שמטרתו העיקרית -להביא לידיעת כל החיים בעת את כל האמת על השואה האיומה ותוצאותיה, לסייע באופן ממשי למוזיאון בפעילותו הברוכה, לייצג את האינטרסים של חבריו. בעתון "חדשות השבוע" מ-19 במאי 1993, יו"ר ארגונים יהודיים באוק-ראינה, מר איליה מיכאילוביץ' לביטאס הו-דיע, שבאוקראינה כבר אותרו 730 קברי אחים. ללא השתתפות הקרן יהיה בלתי אפשרי להקים את המצבות בעזרת השלט-ונות המקומיים.

כתוב שבארץ ביקר בנו של הפושע הנאצי מרטין בורמן, שגם שמו מרטין בורמן, ועוד כמה בנים של התליינים הנאציים. את הביקור הזה יזם פסיכולוג ד"ר דן בורון מאוניברסיטת בן-גוריון בבאר-שבע. בורמן ביקר בארץ בפעם הראשונה ומקווה שזו לא הפעם האחרונה. הוא לא דן את אביו לכף חובה ואסיר תודה לו, מכיוון שהוא היה לו אב טוב, וחושב שרק אלהים יכול לשפוט אותו. הביקור היה סודי. היוזמים חששו לגורל אורחיהם.

אינני מסוגל להבין אותך, ד"ר דן בורון, איך יכולת לפגוע כך בששה מיליון הנספים ובנו, אלה שנותרו בחיים, אשר הזוועה הזו עומדת כל הזמן מול עינינו? טוב, מר בורון, מדינתנו היא דמוקרטית וכל אחד עושה מה שהוא רוצה. אך למה ניתן אישור רשמי מטעם המדינה לכניסת צאצאי רוצחי העם היהודי?

ב"יד ושם" תלויה התמונה של רב המרצחים אייכמן במהלך המשפט, למה רק של אייכמן? היה זה מן הצדק, אם אחרי שדרת חסידי אומות העולם היו מציבים אידשהי מפלצת ומנציחים בה את שמות כל הרוצחים-ה"מניאקים" של המאה ה-20. כל מבקר יכול היה להסתכל בבוז ולפחות לירוק. ילדים, נכדים, נינים של הרוצחים חייבים לדעת מי היו אבותיהם ואיך מתיחסים אליהם אנשים כנים על פני כדור הארץ. זה היה יכול לשמ-

ש שיעור לדוגמה ל"מניאקים" פוטנציאליים בעתיד.

ליד העיר בוריסוב בבלורוסיה, בגיא עמוק וארוך יש קבר אחים יהודי. בשולי הכביש הוצבה מצבה עליה חצובות מילים בעברית והרוסית: "9000! למה?" כל יהודי חייב לפחות פעם אחת בחייו לעמוד על יד אחד מאין ספור הקברים בשטחים שנכבשו על ידי הנאצים בעבר.

שר החוץ מר שמעון פרס עד גיל 11 גר עם הוריו בעירה וישנבה על יד ולוז'ין, כ-20 ק"מ ממקום מגורי לפני המלחמה .מאוד הייתי רוצה שמכתב זה יגיע אליו.

אני לא מאשים אף אחד, אני רק מבקש: חיש-בו על העבר ותעשו כל אחד כל מה שביכול-תכם, על פי חובתכם ותפקידכם, לפי מצפ-ונכם, לפי חוקי היהדות שנכתבו ולא נכתבו.

כבוד הנשיא! כבוד חברי הכנסת!

אני מבקש מאוד, תבררו את הבעיה הזו, אל תתנו שזכר מיליונים ירד לטמיון!

אסור שזה יקרה! היום עדיין לא מאוחר! ילדינו לא יסלחו לנו על כך!

ישראל סגל.

השואה היתה!

מאת שמעון צ'רנוב
(עתון "נובוסטי נידלי" מ-17.03.95)

מילה על "נודד ביער" מאת ישראל סגל או "הרהורי לילה ללא שינה".

ספרנית מספרית רמת-גן ומנחה תכנית הרדיו רק"ע בנושאי ספרות שולמית שליט הראתה לי את ספרו של ישראל סגל שיצא לאור, "נודד ביער". עוד הד על השואה היהודית. אבל איזה הד!!! במבוא לספרו כותב סגל: "הגורל הוא שגרם לכך, שאני, ילד מעירה קטנה, הצלחתי לשרוד בחיים ולהינצל מתוך מאות אלפי יהודים שמצאו את עצמם תחת הכבוש הנאצי בשנת 1941. שלוש שנים, בבדידות מוחלטת, הסתתרתי ביערות בלורוס. כל דקה היתה יכולה להיות גם האחרונה..."

אפשר להיות סופר מקצועי, לכתוב ספרים עבי כרס רבים, שימצאו להם קוראים או שישארו סגורים במחסנים של בתי קברות ספרותיים. ואפשר לכתוב ספר בן 100 עמו-דים לא מקצועי, אחד, שלא עבר קיצוצים ע"י עורכים (למזלנו), אך נצרב באמת הצרופה של דרמה. כזה הוא הספר שנכתב

ע"י ישראל סגל, המספר על מה שקרה לו ללא שום משמעויות נוספות - "נודד ביער".

בספר הזה חי הנער-סופר במרחב ובזמן של אותם מצבים, שניצבו בפניו במלחמת העולם השניה. נער יהודי מעיירה יהודית, אחד ממאות אלפי חסרי בית, דאגות הורים ואושר ילדות...

קראתי את הספר במשך שעתיים בלילה ללא שינה. סגרתי את הדף האחרון בספר מזועזע ממגעי עם הטרגדיה הלא ספרותית של גורל החיים, שבנס צמחה מתחת לשברי השואה של יהדות בלורוס, נתקפתי באימה מהמחשבה שיכולתי לא לדעת על העדות הנדירה הזאת של האדון היהודי בן ה-50 וכן על האושר של אישיותו של המוסר היהודי, מהסוג הגבוה ביותר.

סיפורו של סגל אינו ספרות יפה על המלח-מה, אלא דברי הימים של למעלה מ-3 שנות סבל של אדם בתנאים בלתי אנושיים של חיים במקום שהמוות יכול להגיע בכל שניה, כל רגע, כל שעה ביום ובלילה. והחיים, מעבר לקטעי הזמן הללו הם מתנה בלתי סבירה מהגורל, מכוכב המזל, מהגדירה של השמיים. המחבר כותב על כך בפשטות, כמו על פרט רגיל: "נאלצתי לצאת ממקום שהתרגלתי אליו שוב לקראת הבלתי ידוע. סריקות תמידיות, המזכירות ציד זאבים, אינן יכולות להמשך זמן רב. בכל ששעת

הנצחון קרבה, כך קטנים הסיכויים להצלה. אנשים, השותפים לטרגדיה זו, משתדלים להרחיק בדרכים שונות את העדים המועט-ים..."

עד עתה היתה בי - במעט בן גילו של המ-חבר - המלחמה "שלי": הפצצות ליליות בחרקוב ביולי-אוגוסט 1941, בתים בוערים, טורי חיילים בדרך לחזית. יום אחד, בבוקר, אחרי התקפה מן המנין, מרחוב מעושן, נכנס פתאום לביתנו אחי הבכור מישה, במדי קצין. לפני בחודש הוא התנדב להלחם. הסתבר, שמחלקתו נפגעה בקרבות הראשונים ונשל-חה לארגון מחדש, והוא קיבל לפי בקשתו חופשה בת שעה על מנת לשכנע את אמא להתפנות לעורף. מישה חזר ליחידתו, אך לא חזר בתום המלחמה ולא אחרי 50 שנה... באיזה קבר אחים נמצא אפרו? כמו גם עפרם של יותר מ-20 מקרובי משפחתי, חי-ילים, זקנים וילדים, שנפלו במלחמה?

אחר כך היתה רכבת שהופצצה ע"י מטוסי התקפה גרמניים, קרונות בוערים, זעקות פצועים, גופות הרוגים במורד המסילה, ושוב רכבות, ושוב התקפות... כל זה היה ניסיוני המר במלחמה והפך לנוסחה של אסון מוחלט, שהאדם, בכלל, לא התנגד לאף אחד ולכל הסובב אותו, וחי בהתאם, מפני שהאסון היה של כולם וזה, עד כמה שזה משונה, סייע להתגבר.

לישראל סגל הגורל הציע חלק אחר, אכזרי יותר- הכל וכולם נגד נער רך בשנים - גרמנים, משתפי פעולה עם הגרמנים, פח-דנים, בוגדים, יערות, ביצות, שלגים, גשמ-ים, רעב, מוות מאחורי כל עץ, תווי פנים יהודיים, וללא אף אחד לידו, לא ביום ולא בלילה...

במשך 50 שנה הידע שלנו על המלחמה ההיא התמלא באלפי ספרים, אך הספרים חוזרים על עצמם. ביחוד, בשלעיתים קרובות כתבו על הנצחונות הגדולים ופחות על ימים השח-ורים ועל הגורלות הצנועים והמעוותים. ביניהם נדירים אלה שאינם מעורפלים בגי-בובי מטפורות. אלה ספרים על אנשים שעברו לחיי נצח או נשכחו. ספרי יומנים של מאורעות, ששמרו על רשמים פרטיים וכנים, הרהורים, טעויות, אכזבות, אנחות יאוש שלא נשמעו ע"י אף אחד ותחושה בלתי נלאית של תקווה. ספרים שותתי דם כמו פצעים בלתי מגלידים של אבדון גמור וחשבון ללא כיסוי של צער וסבל, המדכא כבר חצי-מאה את רגשות האשמה הבלתי נסלחת על כל מה שקרה לנו ובצדק נקרא "שואה". אבל, בוו-דאי, לא רק לי אישית ועל כך שאני (אתה, אנחנו) חיים כל הזמן הזה, והוא (הם) אינם. אולי רק הזכרון החי מרגיע את הנפש, והמ-חשבה שנכדי גם הם המשך שלהם בנתיבי הדם, החיים, הגורל...

כמובן, מחשבותי שהתעוררו ע"י דפי סיפורו של ישראל סגל, הן רק הד פרטי של העבר. אך אני רוצה לקוות, שהדרמטיות של הסיפור הבלתי ידוע, יעורר לא רק את האסוציאציות היקרות ללב, אלא גם לא יתנו לאש הקדושה של הזכרון המשותף לכולנו לכבות. "נודד ביער" הוא אחד מאותם ספרים הראויים להיות דפים בספר ההיסטוריה של יהדות אירופה. זהו סיפור עלינו, על החיים ועל אלה שאינם עוד עימנו, אך הפעמון של תקוותנו ודאגותינו ממשיך לצלצל.

ועוד כמה מילים מתוך המבוא לספר: "השואה הפכה להיסטוריה... לספר את האמת האוטוביוגרפית של אותם מאורעות נוראים - מטרת הווידוי - להזכיר, להתריע - השואה היתה!"

כבוד וקניין

מאת ישראל סגל
("נובוסטי נידלי". 26 במאי 1995)

אני מתכוון לומר דברים שלא יהיו נעימים לכולם. ובכל זאת אני מבקש להקשיב לדברי היטב. מדובר על "יד ושם" בירושלים, על מוזיאון השואה והגבורה הכי מפורסם ביותר בעולם.
ב-1991-1992 בריה"מ התמוטטה, "מסך הברזל" נפל, נפתחו גבולותיהן של המדינות הכבושות על ידי האימפריה הסובייטית. קיבלנו אפשרות לחפש את קברי הנספים, לגבש את רשימתם, לאתרם באופן טופוגרפי, להכין מסמכים משפטיים כהוכחה ללא עוררין על השמדת יהדות אירופה.

אך, לצערנו, "יד ושם" אוסק עד כה רק בבפעילות הסברה לתיירים ולא להיסטוריונים. כנסת ישראל חייבת באופן רציני ביותר לדון בבעיה זו. לדעתי קיים צורך להקים ועדה שתכלול מומחי חוק בינלאומי, היסטוריונים ומדענים בעלי שם, בדי לחקור באופן מעמיק את פעילותו של "יד ושם" ולעבד עקרונות חדשים לפעילותו. יש צורך להקים בישראל "פנטאון" לזכר המיליונים שנספו בשואה,מרכז היסטורי ומדעי ולא מוזיאון. הרי מוזיאונים באלה הוקמו בארה"ב

ואפילו בגרמניה. אך ה"פנטאון" חייב להיות אחד ויחיד - בירושלים, בירת מדינת היהוד-ים.

הזכרתי את גרמניה. ב-1948 לא קיימנו אי-תה יחסים דיפלמיים. דנו אפילו על איסור במגעים ציבוריים בין אזרחי ישראל וגרמנ-ים. משרד החוץ שלנו קיבל החלטה לפיה בדרכון ישראלי היו תרשם הערה: הדרכון הזה אינו בעל תוקף בגרמניה.

אך ב-1951 ממשלת ישראל התחילה במשא ומתן עם גרמניה על הפיצויים לאלה שנספו. לאחר שנה נחתם ההסכם והגרמנים הפגינו "נדיבות" ושילמו 820 אלף דולר. באות מחאה נגד העסקה המבישה הזו, רוא חשבון לא ידוע, אסיר בגיטו בשאוליאי לשעבר וגם במחנה דכאו, דב שילינסקי החליט לפוצץ את בניין משרד החוץ הישראלי.

הוא נתפס ונגזרו עליו 21 חודשים בבית הסוהר.

אחרי שנים הוא נבחר ליושב ראש כנסת ישראל.

ב-1 למרץ בשנה זו, בקבלת פנים שערכו לכבוד נשיא ליטא, אלגירדס בראזאוסקאס, דב שילינסקי, בעת סגן יושב ראש כנסת ישראל דאז, אמר:

- 250 אלף יהודים גרו בליטא לפני מלחמת העולם השניה. ב-1940 כבש הצבא הסובייטי את ליטא ושבעת אלפים יהודים גורשו לסיביר. אחר כך הגרמנים כבשו את ליטא וחיסלו 94 אחוז מהיהודים שהסובייטים לא נגעו בהם. אתם שומעים: רק 6 אחוז מאחינו ואחותינו נשארו חיים בליטא.

כשהובלתי, נער בן-16, יחד עם מאתיים יהודים נוספים להוצאה להורג, חברי מבית הספר עמד בראש הרוצחים. לא עמד לידו אף גרמני - הכל נעשה ע"י הליטאים.

נשיא ליטא מבקש סליחה בשם בני עמו, האשמים בחיסול יהודים.

איני מאשים את העם הליטאי כולו בימים אלה, כשמחציתם נולדו אחרי המלחמה.

אך איני סולח לעם, שעוד לפני שהגיעו הגרמנים, רצח את היהודים באופן חייתי, אתם היהודים שבמשך מאות שנים חיו לידו.

איני סולח לברברים שהשתתפו ברצח הורי וקרובי.

איני סולח.

אין לי ממה להתבייש. לא רצחתי. מצפוני טהור..."

ב-9 למאי 1995 דב שילנסקי צילצל לביתי:
- אני רוצה לדבר עם ישראל סגל.
- תסלח לנו, אך סבי לא מדבר עברית, - השיב לו נכדי, - אם אתה מדבר באידיש, אז הכל בסדר. אם לא, השתדל לתרגם...
- תן את השפופרת לסבך, - אמר שילנסקי באידיש. הוא הודה לי על מכתבי וספרי "נודד ביער" שהוצאתי לאור ב-1994 ושלח-תיו אליו.

שילנסקי דובר אידיש, שפתם של עשרות אלפי יהודי אירופה המזרחית, באופן יוצא מהכלל. ה"ממה-לושן" היא שפת הקודש משל יהודי ארצות רבות אך לא בישראל.

דוד בן-גוריון, חיים וייצמן, מנחם בגין, יצחק שמיר, שמעון פרס - כולם נולדו בבלורוסיה.

שמיר ופרס ביקרו ב-1992 במקומות ילד-ותם וראו במו עיניהם את מה שנשאר מאותן העירות היהודיות.

יצחק שמיר ראה ברוז'ני במחוז ברסט את בית הקברות היהודי המוזנח, שרק לקראת ביקורו חיסלו מזבלה שהיתה במקום זה.

שימעון פרס ראה את בית הכנסת, שלתוכו הנאצים הכניסו את יהודי ויישנבה וולוז'ין, כולל את סבו עם משפחתו, ושרפו.

ב-15 למרץ 1996 הטלוויזיה הרוסית הקרינה סרט דוקומנטרי בשם "הגטו בברסט". בארכיוני העיר הזו נמצאו שאלונים שמולאו על ידי המשטרה על אלה שנמצאו בגיטו ב-1941, ולכל שאלון צורף צילום. מצאו שם גם את השאלון של חסיה בגין, אמו של מנחם בגין, סבתו של חבר הכנסת בני בגין.

חשוב ביותר להסריט את הסרט הזה בטלוויזיה הישראלית. אך מי יעשה את זה? האם זה חשוב במדינה שלא חוגגת את יום הניצחון על הנאצים?

ב-20 לפברואר 1996 שידרו בטלוויזיה הרוסית סרט דוקומנטרי באורך 16 דקות בשם "הוצאה להורג". מדובר על יאלטה, עיר הנופש בחצי האי קרים, שם ב-1941 הוצאו להורג 4500 יהודים. עברו יותר מ-50 שנה, אך עד בה גופותיהם לא נקברו ובני-הבליעל המקומיים שוברים את גולגולתיהם בחיפוש אחרי שיני זהב. ולא הרחק משם נמצאים קברים מסודרים של חיילים גרמנ-ים. היהודיה היחידה הזקנה שנשארה בחיים מתרוצצת כבר הרבה שנים בכל מיני מוס-דות בבקשה אחת: לקבור בכבוד הראוי לבני אדם את אותם הנרצחים.

הכל לשווא.

היא פנתה בבקשה לקבל סכום צנוע מנשיא קרים, משלטונות גרמניה.

בכלל לא השיבו לה.

היא כתבה לישראל. את התשובה לא קיבלה

עד כה, אני מתבייש בארצי. מתי נלמד לכבד את ההיסטוריה שלנו? מתי נבין, שע-בודת קודש לחיים הוא לשמור על זכר הנספים?

עשרות אלפים הנרצחים בכל המדינות אינם קבורים.

ממשלותיהם של רוב המדינות זוכרות את זה.

כבר נחתם ומבוצע הסכם רוסי-גרמני על חיפוש וסידור קבריהם של אלה משתי המדינות שנפלו.

ההתאחדות האיטלקית של הוטרנים עוסקת בחיפוש אחרי שרידי בני-עמם, שנפלו במל-חמת העולם השניה ברחבי בריה"מ לשעבר.

בויטנם פועלת משלחת 32 לחיפוש אחר חיילים אמריקאים שנפלו. לצורך זה גם הוקמה ועדה מיוחדת של מומחים מארה"ב וסין.

גם אנו חייבים להקים קרן להגנת זכר הנספים בשואה, כפי שכבר הוקמו בארה"ב, יפן, איטליה, פינלנד וארצות מתורבתות האחרות.

ידוע שליד הארגון הציוני הבינלאומי פועל נוסף ארגון לעניני הנזק שנעשה ליהודים במלחמת העולם השניה שבראשו, עומד מר

ישראל זינגר והארגון העולמי לשמירת הר-
כוש הלאומי שהוקם על ידי נשיא מדינת
ישראל לשעבר חיים הרצוג.

קיימת קרן בכל הארגונים הללו. איני יודע
לאילו מטרות מיועד הכסף, אך ידוע לי
שהוא מיועד לחיפוש אתרי הרצח המוני של
יהודים, להצבת מצבות לניספים.

אם זה באמת היה כך, היהודיה הזקנה מיאל-
טה לא היתה צריכה להתרוצץ במש-רדים
המקומיים וישראל מיד היתה קונה את הסרט
על הגיטו בברסט שבו תמונות מיוחדות
מסרטים דוקומנטריים נאצים, ואת הסרט יו-
כלו לראות לא רק בני משפחתו של בגין אלא
גם עשרות אלפים מאלה שבזלזול מסתכלים
על הוטראנים של מלחמת העולם השניה.

עתון "נובוסטי נידלי" הודיע בכתבה מ-1
למאי 1995 שעוד ב-1986 בנק בשוויץ
העביר לצלב האדום הבינלאומי 40 מיליוני
דולרים ששייכים ליהודים שנספו בשואה.
נציג הליכוד בועדת הכספים בכנסת, דן
תיכון, דרש ישיבה מיוחדת בנושא, וחבר
הכנסת מהליכוד, אברהם הירשזון שלח
הצהרה מיוחדת לראש הממשלה ושרי חוץ
והאוצר.

לא מזמן כתב העת הגרמני "שפיגל" הודיע
שבאוסטריה שמורים 7600 דברי אמנות שה-
נאצים גזלו מהיהודים שערכם מגיע למילי-

וני דולרים. הם הועברו לשמירה לממשלת אוסטריה על ידי בני הברית נגד הנאצים ב-1948.

124 תמונות הוחזרו לבעליהן. 7079 תמונות חייבים להחזיר לניצולי השואה ולקרובי הקורבנות על פי החלטה של ועדה מיוחדת. אך הקורבנות הללו מפוזרים בקברים במקו-מות בלתי ידועים במדינות שונות, עליהן עבר מחבש של המכונה הצבאית הנאצית.

את ההון הזה חייבים לנצל רק לחיפוש נרחב אחרי קברים והצבת מצבות לקורבנות השואה.

אם בישראל תוקם הקרן, עליה אני מדבר, היא חייבת לפנות לממשלות שוויץ, רוסיה ואוסטריה ואף אחד לא יעז לדחות דרישות חוקיות של החזרת רכוש שנגזל מהיהודים על ידי הנאצים.

רצוי מאוד שבעתונות יופיעו משפטנים, מומחים בעניני חברה, היסטוריונים - בנוש-אים שבהם נגעתי כאן.

הרי זכר הנספים - זהו הקנין הלאומי שלנו, קנין מר אך נחוץ ביותר לדורות הבאים של הישראלים.

ישראל סגל.

ישראל סגל לא כתב ספרים מעולם. את סיפור שלוש השנים הללו, אשר בערו בנפשו כל חייו, הוא הסתיר במשך עשרות שנים, כי זו היתה המציאות הטרגית בבריה"מ אחרי מלחמת העולם השניה, שבה אנו נזכרים כבעל חלום בלהות.

ישראל סגל לא כתב ספרים מעולם, אך הסיפור חי בתוכו כפצע שלא החלים. בן-אדם, שבעודנו ילד ראה מול עיניו את המוות, כתב ספר זה בבגרותו. הוא תיאר את הווית השנים ההן, שהשאירו חותם על כל חייו ,בסיפור פשוט, אך קוראים אותו בתשומת לב והתרגשות גוברת והולכת, כי מכל עמוד מתרומם כרוח רפאים המוות ובקרן אור ראשונה בבוקר, מסתתרת תקווה לעתיד,וקורא רץ בשורות כמו בשולי הדרך ועוצר את נישמתו: מה יקרה הלאה. כח השרדות של ילד, שבהבדל מרובינסון לא נשאר באי בודד, אלר באי מאוכלס במפלצות דו-רגליות, מדהים. ביערות בלורוסיה, במרחבי אין-סוף של מלחמת העולם השניה, שבהם נספו מיליוני יהודים בטבח המוני של נאצים ותושבים מקומיים-בלורוסים ואוקראינים, הוא הצליח להשאר בחיים הודות לכח השרדות ולהביא את זכרונותיו אלינו - האם זה לא נס? את הספר הזה קוראים בנשימה אחת.

הספר הזה הוא עוד הוכחה לרוח העם היהודי, שלא פעם בתולדותיו עמד על סף כליה, אך עדיין ממשיך לחיות וליצר על שרידי האמפריות הנוראות, אשר רצו לחסל אותו ובעצמן נפלו לאבדון. **אפרים באוך**, *יו"ר התאחדות אגודות הסופרים במדינת ישראל*

Израиль Сегал никогда не писал книг. Историю тех трёх лет, которые прожгли всю его жизнь, он вынужден был скрывать все зрелые годы, ибо таков был трагический парадокс той жизни в послевоенном СССР, о которой мы сейчас вспоминаем как о тяжком сне.

Израиль Сегал никогда книг не писал, но книга жила в нём незаживающим ожогом, боль которого неотступна. Человек, почти ребёнок, столько раз глядевший в глаза смерти, книгу эту написал в почтенном возрасте. Сила переживаний, оставивших печать на всей его жизни, вылилась в простой, казалось бы, рассказ, но читаешь его с неослабевающим волнением, ибо с каждой страницы встаёт, подобно туману, призрак смерти и, подобно слабому свету в утренние часы, сила надежды, и читатель замирает, пока глаза его бегут по колее строки: а что будет дальше. Сила духа мальчика, очутившегося, в отличие от Робинзона, на весьма обитаемом острове, заселённом двуногими убийцами, потрясает. В Белорусских лесах, в необъятных пространствах Второй мировой войны, где в те годы погибли миллионы евреев, он сумел выжить только благодаря собственной силе духа и донести ее до нас – разве это не чудо? Эта книга прочитывается залпом. Эта книга, как бы это не звучало выспренно, ещё одно доказательство силы, заложенной в гены нашего еврейского народа, не раз стоявшего на грани гибели, но продолжающего жить и творить на обломках страшных деспотий, которые не раз в истории пытались его уничтожить, и сами канули в небытие.

Ефрем Баух,
Председатель Федерации Союзов писателей государства Израиль.

внуки – это и Его продолжение “по крови, по жизни, по судьбе... “

Конечно же, мои раздумья, одушевленные страницами повествования Израиля Сегаля, – всего лишь частный отзвук былого. Но хочется надеяться, что невыдуманный драматизм сюжета вызовет не только дорогие сердцу ассоциации, но и не позволит угаснуть святому огню нашей общей памяти. “Лесной скиталец” – одна из тех книг, страницы которой достойны Книги истории европейского еврейства. Это рассказ о нас, живых, и о тех, кого с нами нет, но о ком продолжает звонить Колокол наших тревог и надежд.

И еще несколько слов из предисловия к книге: “Уходит в историю Катастрофа... Рассказать автобиографическую правду тех страшных событий – цель исповеди. Напомнить, предостеречь. Катастрофа была”.

рой человек, как правило, не противостоял всем и всему, что его окружало, а переживал ее совокупно, потому что беда была общей, и именно это обстоятельство, как ни парадоксально, помогало выстоять. Израилю Сегалю судьба предложила другой, более жесткий расклад – все и все против одного хрупкого подростка: немцы, полицаи, предатели, трусы, лес, болота, снег, дождь, голод, смерть за каждым деревом, еврейский облик – и никого рядом ни днем, ни ночью...

За полвека наше знание о той войне пополнилось тысячами книг, но книги всегда вторичны. Тем более, что чаще в них писали о громких победах, реже – о ее черных днях и скромных, искореженных судьбах. Среди них редкие не замутнены нагромождением метафор и надуманных иносказаний. Это книги о тех, кто ушел в бессмертие или в забвение. Книги-летописи событий, сохранившие очень частные и честные впечатления, размышления, заблуждения, разочарования, не услышанные никем стоны отчаяния и неистребимое ощущение надежды. Книги, кровоточащие, как незаживающие струны невосполнимых потерь и неоплаченных счетов горя и страданий, гнетущего вот уже полвека чувства непрощенной вины за то, что случилось со всеми нами и по справедливости названо Катастрофой. Но, наверное, не только для меня лично: еще и за то, что Я (Ты, Мы) жил все эти годы, а Его (Их) нет. Разве что все еще живая память умиротворяет душу. И мысль о том, что мои

этом просто, как о бытовой детали: “Вынужден был уйти с обжитого места снова в неизвестность. Постоянные круговые облавы, напоминающие охоту на волка, долго продолжаться не могут. Чем ближе час победы, тем меньше шансов на спасение. Люди, причастные к этой трагедии, любыми путями стараются убрать немногих свидетелей...”

До этого во мне, почти ровеснике автора, жила “своя” война: ночные бомбардировки Харькова в июле-августе 41-го, горящие дома, колонны солдат, уходящих на фронт. Однажды на рассвете, после очередного налета с пропахшей дымом улицы в наш дом нежданно вошел запыхавшись старший брат Миша в командирской шинели и пилотке. Его не ждали, потому что месяцем ранее он уехал добровольцем на фронт. Оказалось, что его часть, потрепанную в первых боях, послали на переформирование, и он, отпросившись на час, заскочил домой, чтобы убедить мать немедленно эвакуировать семью. Потом Миша возвратился в часть, но к нам не вернулся ни в конце войны, ни через полвека после нее... В какой братской могиле покоится его прах? Как и останки более чем двух десятков других моих родственников, загубленных войной солдат, стариков, детей?..

Потом были эшелон, расстрелянный в упор немецкими истребителями, горящие вагоны, крики раненых, окровавленные тела убитых на откосе железнодорожного полотна, и опять эшелоны, и снова налет... Все это вошло в мой горький опыт войны, в мою формулу глобальной беды, в кото-

его читателя или останутся нераскрытыми в залежах книжных кладбищ. А можно выстрадать всего одну непрофессиональную книжку в сотню страниц, не причесанных (к счастью!) редактурой и даже не просмотренных корректором, но обжигающую драматизмом пронзительной правды каждого слова. Такую книжку написал Израиль Сегаль, назвав ее просто и недвусмысленно "Лесной скиталец". В ней живет сам автор-подросток в пространстве и времени тех обстоятельств, в которые его поставила война. Еврейский подросток из еврейского местечка, один из сотен тысяч лишенных войной крова, родительских забот, детского счастья...

Книжка прочитывается за пару часов бессонной ночи. Я закрыл ее последнюю страницу и, содрогнувшись от соприкосновения с некнижным трагизмом живой судьбы, чудом проросшей из-под обломков Катастрофы белорусского еврейства, ужаснулся от мысли, что мог не узнать об этом редком свидетельстве еврейского несчастья полувековой давности и еврейского же счастья состоявшейся личности самой высокой нравственной пробы.

Повесть Сегаля – не беллетристика о войне, а хроника более чем трехлетних страданий человека в нечеловеческих условиях жизнеобитания, где смерть – заведомый итог каждой прожитой секунды, минуты, часа, дня, ночи, а жизнь, ее продолжение за пределами этих отрезков времени – неправдоподобный подарок судьбы, счастливой звезды, предначертания Всевышнего. Автор пишет об

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАТАСТРОФА БЫЛА...

Слово о “лесном скитальце” Израиля Сегаля, или раздумья одной бессонной ночи

Семен ЧЕРНОВ

“Новости недели”, 17 марта 1995 г. Приложение “Еврейский камертон”

Сотрудник рамат-ганской библиотеки, ведущая и автор замечательных литературно-художественных передач радиостанции РЭКА Шуламит Шалит показала мне недавно изданную книгу Израиля Сегаля “Лесной скиталец” – еще один отзвук Катастрофы европейского еврейства. Но какой отзвук!.. В авторском предисловии Сегаль пишет: “Судьба распорядилась так, что мне, местечковому мальчишке, из многих тысяч евреев, оказавшихся в оккупации в 1941 году, спастись удалось одному. Три года в полном одиночестве я скрывался в белорусских лесах. Любая минута могла быть последней...”

Можно быть профессиональным литератором, написать много толстых книг, которые найдут сво-

ства, конфискованных нацистами у евреев. Сокровища оцениваются в миллионы долларов и были переданы на хранение правительству Австрии союзниками по антигитлеровской коалиции в 1948 году.

421 картина нашла своих законных хозяев. 7079 картин, по решению специальной комиссии, должны быть возвращены жертвам Катастрофы. Но жертвы эти лежат в безвестных могилах разных стран, попавших под каток немецкой военной машины.

Эти сокровища – тоже деньги погибших и должны быть израсходованы только на сохранение памяти о них, и ни на что больше.

Если будет в Израиле создан предлагаемый мною фонд, он вправе обратиться к правительствам Швейцарии, России и Австрии, и кто сможет отказать нам в законном требовании возврата награбленного нацистами?

Хотелось бы, чтобы по поднятой проблеме высказались на страницах “Новостей недели” юристы, историки, обществоведы, социологи. Ибо память о погибших – наше национальное достояние, пусть горькое, но необходимое грядущим поколениям израильтян.

У каждой из этих организаций есть материальный фонд. Не знаю, на что тратятся деньги в этих организациях, но считаю – они должны расходоваться только на розыск мест массовых убийств евреев, на их регистрацию, на установку памятников погибшим – и только!

И если бы подобная работа действительно велась, то не пришлось бы старой еврейке из Ялты обивать пороги местных контор, чтобы добиться захоронения останков жертв нацизма, а Израиль немедленно закупил бы у российского телевидения фильм о Брестском гетто с редчайшими кадрами немецкой хроники геноцида, и смотрели бы этот фильм по израильскому телевидению не только члены семьи Бени Бегина, но и десятки тысяч тех, кто презрительно косится в сторону сегодняшних ветеранов второй мировой...

В заметке "Куда исчезли деньги жертв Катастрофы" "Новости недели 1 мая 1995 года сообщили, что еще в 1986 году Швейцарский банк передал Международному Красному Кресту 40 миллионов долларов, принадлежавших евреям, погибшим в годы Катастрофы. Представитель "Ликуда" в финансовой комиссии Кнессета г-н Дан Тихон потребовал экстренного созыва комиссии по этому поводу, а член парламентской фракции "Ликуда" г-н Гиршзон направил специальное послание премьер-министру, министрам иностранных дел и финансов.

Недавно немецкий журнал "Шпигель" сообщил, что в Австрии хранятся 7600 произведений искус-

Мне стыдно за мою страну. Когда же мы научимся ценить свою историю? Когда поймем, что хранить память о погибших – святое дело живых?

Десятки тысяч погибших в разных странах до сих пор не преданы земле.

Правительства многих стран помнят об этом.

Вступило в силу российско-германское соглашение по розыску и уходу за могилами погибших в этих двух странах.

Итальянская ассоциация ветеранов войны занимается поиском останков соплеменников, погибших в годы второй мировой войны на территории бывшего СССР.

Во Вьетнаме работает 32-я (!) экспедиция США по розыску погибших соотечественников.

Создана специальная комиссия китайско-американских экспертов по розыску погибших американских военнослужащих.

Необходимо и нам создать Фонд защиты памяти погибших в годы Катастрофы, как это уже сделано и делается в США, Японии, Италии, Финляндии и в других цивилизованных странах.

Известно, что при Всемирной сионистской организации существует еще одна организация – по возмещению материального ущерба, нанесенного евреям в годы второй мировой войны. Возглавляет ее г-н Исраэль Зингер. Есть и Всемирная еврейская организация охраны национального имущества, созданная бывшим президентом Израиля Хаимом Герцогом.

ся в гетто в 1941 году. Среди документов обнаружена и анкета Хаси Бегин – матери Менахема Бегина, бабушки нынешнего депутата Кнессета Бени Бегина.

Очень важно показать этот фильм по израильскому телевидению. Но кто сделает это? Важно ли это для страны, не считающей праздником День победы над нацизмом?

20 февраля 1996 года то же российское телевидение показало 16-минутную документальную ленту "Расстрел". Речь в ней – о Ялте. В этом курортном городе в 1941 году были расстреляны 4500 евреев. Прошло более полувека, но до сего времени их тела не преданы земле. Местные подонки разбивают черепа погибших, выискивая сохранившиеся золотые коронки. А неподалеку от этого страшного места – ухоженные могилы немецких солдат...

Единственная оставшаяся в живых старая еврейка много лет обивает пороги различных инстанций с единственной просьбой – достойно похоронить погибших.

Безрезультатно.

С просьбой о выделении хоть небольшой суммы денег на погребение жертв нацизма она обращалась к президенту Крыма, к властям Германии.

Ей не ответили.

Она написала в Израиль.

Ответа нет до сих пор...

– Извините, но мой дедушка еще не говорит на иврите.

Вот если бы вы говорили на идиш, тогда другое дело. А так мне придется переводить...

– Дай, пожалуйста, трубку дедушке – я попробую на идиш, – ответил Шилянский.

Он поблагодарил меня за письмо и присланную книгу "Лесной скиталец, которую я издал в Израиле в 1994 году.

Шилянский прекрасно говорит на идиш, на этом родном для десятков тысяч восточноевропейских евреев языке. "Маме-лошн" – поистине священный язык для евреев многих стран, но, увы, не Израиля.

Давид Бен-Гурион, Хаим Вейцман, Менахем Бегин, Ицхак Шамир, Шимон Перес – все они родились в Белоруссии.

Шамиру и Пересу довелось в 1992 году побывать в родных местах, своими глазами увидеть все, что осталось от бывших еврейских местечек.

Ицхак Шамир увидел в Ружанах Брестской области заброшенное еврейское кладбище с наскоро убранной перед его приездом огромной мусорной свалкой.

Шимон Перес – место бывшей синагоги, куда были согнаны евреи Вишнева и Воложина и заживо сожжены вместе с семьей его деда.

15 марта 1996 года российское телевидение показало документальный фильм "Брестское гетто". В архивах этого города найдены анкеты, заполненные полицией, с фотографиями всех, кто находил-

Дов Шилянский, ныне заместитель председателя израильского парламента, сказал:

"– Перед второй мировой войной в Литве проживало 250 тысяч евреев. В 1940 году, когда Литву заняли советские войска, семь тысяч евреев были сосланы в Сибирь, а с приходом немцев были уничтожены 94 процента тех евреев, которых не тронули Советы.

Вы слышите? В живых осталось только шесть процентов наших сестер и братьев в Литве.

Когда меня, 16-летнего парня, вместе с двумястами евреев гнали на расстрел, убийцами руководил мой школьный приятель. Рядом не было ни одного немца – все делали только литовцы.

Президент Литвы просит простить его соплеменников, виновных в геноциде.

Я не обвиняю весь ныне живущий литовский народ, половина представителей которого родилась в послевоенное время.

Но я не прощаю народу, который до прихода немецких войск по-зверски растерзал евреев, веками живших с ним рядом.

Я не прощаю варваров, участвовавших в убийстве всех моих родных и близких.

Я не прощаю.

Мне нечего стыдиться. Я не убивал. Моя совесть чиста..."

Девятого мая 1995 года Дов Шилянский позвонил мне домой:

– Хочу поговорить с Израилем Сегалем.

Ему ответил внук:

ков, ученых, тщательно проанализировать деятельность мемориального музея и разработать его новый статус. Возможно, в Израиле должен быть создан Пантеон памяти миллионов погибших в Катастрофе, исторический и научный центр, а не музей. Ведь подобные музеи Холокоста созданы и в США, и в других странах, даже в Германии. Но Пантеон должен быть один, и должен он быть в столице еврейского государства.

Я упомянул Германию. В 1948 году у нас не было с ней дипотношений. Рассматривался даже вопрос о запрещении общественных контактов граждан Израиля с немцами. МИД нашей страны принял решение, согласно которому в израильский заграничный паспорт вносилась отметка: "Недействительно на территории Германии".

Но в 1951 году израильское правительство начало переговоры с Германией о выплате компенсаций за погибших. Через год соглашение было подписано. Немцы "расщедрились" аж на 820 миллионов долларов. В знак протеста против этой сделки безвестный в ту пору бухгалтер, бывший узник Шяуляйского гетто и концлагеря Дахау Дов Шилянский решил взорвать здание израильского МИДа.

Его схватили и приговорили к 21 месяцу тюремного заключения.

Спустя годы он стал председателем Кнессета.

Первого марта нынешнего года на приеме в честь президента Литвы Альгирдаса Бразаускаса

ДОСТОИНСТВО И ДОСТОЯНИЕ

“Новости недели”, 26 мая 1995 г.
Приложение
“Еврейский камертон”

То, о чем я собираюсь говорить, кому-то может показаться не очень приятным. Но тем не менее прошу выслушать. Речь идет об институте Яд ва-Шем в Иерусалиме, всемирно известном музее Катастрофы и героизма европейского еврейства.

В 1991–1992 годах распался Советский Союз, рухнул “железный занавес”, открылись границы бывших оккупированных государств. Появилась уникальная возможность разыскать могилы погибших, провести их регистрацию с выполнением геодезической привязки к местности, оформить соответствующие юридические протоколы, которые послужили бы неопровержимым доказательством геноцида европейского еврейства.

К сожалению, то, чем сегодня в основном занимается Яд ва-Шем, – это, скорей всего, просветительская деятельность, рассчитанная более на туристов, чем на историков. И парламенту нашей страны следует серьезнейшим образом рассмотреть эту проблему. На мой взгляд, необходимо создать компетентную комиссию из числа видных специалистов по международному праву, истори-

своими родителями до начала войны 1941 года. Очень хочется, чтобы содержание моего письма дошло до него.

Я никого не обвиняю, я только прошу: вдумайтесь в происшедшее и по своему служебному долгу, по совести, наконец, по писаным и неписаным еврейским законам сделайте все от вас зависящее.

Уважаемый господин президент!

Уважаемые депутаты Кнессета!

Убедительно прошу, разберитесь с этой проблемой, не допустите, чтобы память миллионов наших братьев ушла в небытие.

Это не должно случиться. Сегодня еще не поздно! Потомки нам этого не простят!

Израиль Сегаль

миллионов погибших, как Вы могли оскорбить нас, оставшихся в живых, у которых этот ужас постоянно стоит перед глазами? Ладно, доктор Борон, у нас демократическая страна и каждый делает, что ему заблагорассудится. Но почему официальные лица дали разрешение на въезд отпрысков этих палачей?

В Яд ва-Шеме висит фотография Эйхмана на суде. А почему только Эйхмана? Было бы справедливо после аллеи Праведников народов мира установить чудовище из мифологии и высечь на нем имена всех палачей-маньяков XX века. Каждый посетитель мог бы с презрением посмотреть в их сторону, плюнуть, наконец. Дети, внуки, правнуки палачей должны знать, кто были их предки и как к ним относятся все честные люди на земле. Это было бы хорошим уроком возможным маньякам в будущем.

Под городом Борисовом, в Белоруссии, в глубоком и длинном овраге находится могила погибших евреев. У дороги стоит высокий обелиск, на котором высечены слова на иврите и на русском языке:

“9000 – за что?”

Каждый еврей раз в жизни должен обязательно постоять у одной из многочисленных могил на территории бывших оккупированных государств.

Господин Шимон Перес – министр иностранных дел нашего государства до одиннадцати лет жил с родителями в местечке Вишнева Воложинского района, под городом Минском в Белоруссии, в двадцати километрах от того места, где я жил со

В Израиле проживают до 30 тысяч бывших узников фашизма. Существует ассоциация малолетних узников фашизма, союз узников концлагерей и гетто и т.д. – у которых нет ни средств, ни возможностей. Единственно правильное решение – объединиться во Всеизраильский союз жертв нацизма, главная цель которого – правдиво донести до ныне живущих ужасы Катастрофы и ее последствия, оказать практическую помощь музею в его благородной деятельности, представлять интересы его членов.

В газете "Новости недели" от 19 мая 1993 г. председатель еврейского совета Украины Илья Михайлович Левитас сообщил, что на Украине обнаружено 730 мест массовых захоронений. Без участия фонда общинам будет невозможно добиться от местных органов власти установки памятников.

В Израиле, как сообщалось в печати, гостил сын Мартина Бормана, тоже Мартин Борман, с группой сыновей нацистских палачей. Инициатором этого мероприятия стал психолог Беэр-шевского университета доктор Дан Борон. Сын Бормана впервые в нашей стране и считает, что не в последний раз. Не осуждает своего отца, благодарен ему за то, что тот был хорошим отцом, считает, что только Бог ему судья. Их пребывание в нашей стране было тайным. Инициаторы визита опасались за своих гостей.

Вчитываясь в газетные строки, не могу понять, как Вы, доктор Дан Борон, могли оскорбить шесть

Средства фонда создадутся за счет приватизации жилья, принадлежавшего погибшим, и на эти средства будут установлены памятники.

Розыск мест массовых захоронений должен производиться за счет средств Всемирной организации по возмещению евреям материального ущерба, нанесенного в годы немецкой оккупации, пожертвований. Благородно было бы принять участие в фонде всем жителям нашего государства, каждому еврею. Пусть каждый внесет по шекелю, агоре, кто сколько захочет. Пусть народы всех стран знают, что мы ничего не забыли и что ни один еврей нами не забыт.

Убежден, что и правительства государств, где покоятся жертвы фашизма, не откажутся выделить средства на эти цели и обяжут местные власти установить памятники.

Общественный фонд должен быть создан при музее Яд ва-Шем. Для нас, переживших Катастрофу, каждый из которых представляет десятки тысяч погибших, Яд ва-Шем не музей и даже не Институт, а Пантеон – святое место каждого еврея.

Нам не безразлична судьба музея, как через него правдиво будут донесены до следующих поколений наша судьба, наша жизнь до, в период и после Катастрофы. Создание общественного фонда только поднимет престиж Яд ва-Шема. Необходимо создать комиссию на правительственном уровне, с участием жертв нацизма, и тщательно проанализировать всю деятельность музея.

циям, чей служебный и моральный долг обязывает принять непосредственное участие в создании фонда.

Ответ, полученный из музея Яд ва-Шем, вызывает недоумение.

Закон, принятый правительством в 1953 году, обязывает музей увековечить память всех жертв фашизма. Поставлены большие задачи перед музеем, велик долг его сотрудников. Мне трудно поверить, что господин Ицхак Арад, подписывая ответ, вник в суть моего письма.

Я был в музее Яд ва-Шем с экскурсией, пробежал по его залам. У меня была определенная цель – встретиться с директором хотя бы на несколько минут. Сотрудница стала меня убеждать, что он очень занятой человек, и вообще, чего я хочу – это музей.

Сейчас, когда в отдельных государствах после опубликования письма еврейские общины стали разыскивать места массовых захоронений, очень важно создать общественный фонд. Совет фонда установит контакт с правительствами бывших оккупированных стран и добьется от них установки памятников. Установит контакт с многочисленными еврейскими общинами и будет контролировать их деятельность в этом вопросе. Фонд проведет регистрацию всех могил на бывших оккупированных территориях, что послужит юридическим доказательством геноцида еврейского народа. Будут опровергнуты доводы неофашистов всех мастей, кричащих, что Катастрофа – это миф.

“ВЕСТИ” 19 АВГУСТА 1993 г.

Прошло восемь месяцев со дня опубликования моего письма о создании Фонда защиты памяти евреев, погибших в 1941–1945 гг. на территории оккупированных фашистами государств. Необходимость создания этого фонда очевидна. Сейчас, как и в сталинский период, замалчиваются истинные данные о количестве погибших евреев. Бывшие еврейские местечки переименованы в поселки, кладбища уничтожаются. В подавляющем большинстве мест расстрелов нет ни оград, ни памятников. Прах десятков тысяч сожженных до настоящего времени даже не предан земле. Сами эти места не разыскиваются. Об их местонахождении знают считанные люди, а через несколько лет и их не станет – все они преклонного возраста.

Не иссякает поток звонков ко мне. Их много от евреев, чудом спасшихся, пройдя ад сталинских тюрем и лагерей, а родные, родственники, знакомые навечно остались на оккупированных территориях. Ваши чувства мне близки и понятны. Большое спасибо, что помните и хотите знать правду, как и где погибли ваши родные и близкие. Спрашиваете, что изменилось за это время, что сделано, чем помочь?

Мною посланы письма – директору музея Яд ваШем господину Ицхаку Араду и другим организа-

Сегодня мы являемся свидетелями странного феномена – некоторые евреи из СНГ (их не так уж мало) уезжают в Германию. Понять это невозможно. Я хотел бы рассказать людям о тех испытаниях, которые выпали на мою долю – я чудом спасся от гибели, бежал из-под расстрела во время "акции" фашистов-оккупантов в моем местечке, три года почти в полном одиночестве скрывался в белорусских лесах. Я встретился со своим братом, которому тоже удалось спастись, только спустя сорок два года, в Израиле. Перед отъездом в Израиль я побывал в родных местах, нашел братскую могилу, где среди погибших покоятся мои родители. Из многих тысяч евреев, живших в местечках Плещеницы, Логойске, Зембине, Долгинове, после войны остались в живых только несколько человек.

Мы должны помнить о жертвах Катастрофы, чтобы неонацизм, антисемитизм, которые сейчас активизируются во всем мире, не прошли.

С уважением И.Сегаль,

Рамат-Ган

требление. В статье “Визит на Итаку” приводятся данные о том, что в Белоруссии погибли 60 тысяч евреев. Но погибших было гораздо больше. Думаю, автору сообщили цифры, относящиеся только ко второму этапу уничтожения евреев.

Обращаюсь через вашу газету с предложением создать фонд защиты памяти евреев, погибших во время войны 1941–1945 гг. на территории Белоруссии и в других местах. Считаю, что следует обратиться к нынешнему правительству Беларуси по вопросу о выплате компенсаций и приватизации жилищ, строений, принадлежавших погибшим. Это могло бы дать денежные средства для увековечения их памяти. Надеюсь, что на это предложение откликнутся и Сохнут, и раввинаты, и частные лица.

Надеюсь также, что премьер-министр Беларуси г. Вячеслав Кебич, которому я намерен направить эту публикацию, также обратит внимание на эту проблему.

Память о евреях, погибших в Катастрофе, должна жить вечно, это наш долг перед нашими родными и близкими, ставшими жертвами фашизма.

Через вашу газету я обращаюсь также ко всем читателям с предложением высказать мнение о возможности организации “круглого стола” с привлечением представителей не только русскоязычной прессы и алии, но и ивритоязычных газет и коренных израильтян. Этот “круглый стол” должен быть посвящен вопросам сохранения памяти о жертвах Катастрофы.

“ПАНОРАМА”, № 285 ОТ 19 НОЯБРЯ 1992 г.

Уважаемая редакция “Панорамы”!

Большое спасибо за то, что напечатали в номере газеты от 22 октября 1992 г. мое письмо, которым я откликнулся на публикацию в “Панораме” очень интересного материала “Визит на Итаку”. Эта статья побудила меня ускорить решение обратиться к общественности через вашу газету.

И сейчас в бывшем СССР, как и в сталинский период, замалчиваются истинные данные о количестве евреев, погибших в 1941–1945 гг. Бывшие еврейские местечки в Белоруссии, например, переименованы, стали поселками городского типа, еврейские кладбища уничтожаются – на их месте разбиваются парки. В пунктах массовых расстрелов евреев фашистами нет ни оград, ни памятников, да и сами эти места не разыскиваются и не устанавливаются. Об их местонахождении знают считанные люди, а через несколько лет и их не станет – все они преклонного возраста. Тогда сложно будет опровергать доводы неофашистов и антисемитов всех мастей, кричащих, что Катастрофа европейского еврейства – это миф.

В большинстве городов и местечек Белоруссии уничтожение евреев проводилось немцами в два этапа – массовое истребление и окончательное ис-

משרד הביטחון

הקריה, ב' טבת תשנ"ח
31 דצמ' 1997

לשכת שר הביטחון

ק' 18032

לכבוד
מר ישראל סגל
רח' זלמן שז"ר 26/46
תל-אביב 68190

שלום רב,

אני מאשר קבלת מכתבך מיום 24.12.97 אל שר הביטחון.

במכתבך מאוקטובר 96 אל שר הביטחון ביקשת להפנות את ספרך "לאגף מתאים במשרד במטרת רכישתו לחיילי צה"ל".

ואמנם ספרך הועבר לקצין חינוך ראשי בצה"ל המופקד על נושאים אלה ותת-אלוף אברהם עשהאל השיב לך שהספר מענין ומרתק אך מסיבת מגבלות תקציב נבצר ממנו לרכוש הספר.

צר לנו, איפוא, שלא נוכל לסייע.

את שלושת העותקים של ספרך ששלחת שוב לשר הביטחון הננו מעבירים, ברשותך למפקדת קצין החינוך הראשי.

אתך ההבנה.

ב ב ר כ ה,

ת. ישראלי

/רר

Министерство обороны
Канцелярия министра обороны

Кирия, 31 декабря 1997 г.
18032-куф

Уважаемому
Израилю Сегалю
ул. Залман Шазар, 26/46
Тель-Авив, 68190

Подтверждаю получение Вашего письма от 24 декабря 1997 г. на имя министра обороны.

В письме на имя министра обороны от октября 1996 г. вы просили направить Вашу книгу в соответствующее управление с целью ее приобретения для военнослужащих.

Ваша книга была направлена главному офицеру, ответственному за воспитание военнослужащих – бригадному генералу Аврааму Ашаалу.

Сообщаем, что из-за ограниченности бюджета у нас нет возможности приобрести Вашу интересную и волнующую книгу.

Сожалеем, что не можем Вам помочь.

Три копии Вашей книги, снова присланные Вами министру обороны, мы, с Вашего разрешения, направляем в распоряжение офицера, ответственного за воспитание военнослужащих.

Надеемся на Ваше понимание.

С уважением
Х.Исраэли

Министру обороны Государства Израиль
господину Ицхаку Мордехаю

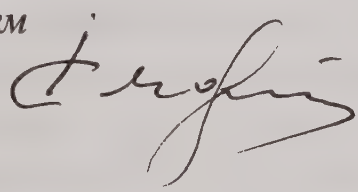
Уважаемый господин Ицхак Мордехай!

Пишет Вам репатриант из России Израиль Сегаль. Посылаю Вам мою книгу “Лесной скиталец” в переводе на иврит.

Убедительно прошу поручить соответствующему управлению ознакомиться с ней с целью ее приобретения.

Думаю, что военнослужащие, прочтя книгу, больше узнают о Катастрофе европейского еврейства, острее почувствуют свой долг перед Родиной и необходимость службы в Армии обороны Израиля.

С искренним уважением
Израиль Сегаль
14.10.96



מדינת ישראל

משרד החינוך התרבות והספורט
وزارة المعارف الثقافة والرياضة

יו"ר המזכירות הפדגוגית
رئيس السكرتارية التربوية

תאריך:
כ"ד אלול תשנ"ו
8 ספטמבר 1996
123ע

לכבוד
גב' חנה ברזילאי
רמת-גן

שלום רב.

כפי שהשר כתב לך, הוא העביר אלי עותק של הספר "נודד ביער" מאת ישראל סגל. מגיע לך "יישר כח" על מסירותך בתרגום הספר לעברית.

בתור מי שבעצמו היה ילד באירופה בתקופה ההיא (אך ניצל בקלות), קראתי ספרי-זכרונות רבים של ניצולי שואה. אך נדמה לי שהסיפור של ישראל סגל הוא ייחודי. רוב הספרים נכתבו ע"י אלה שעונו במחנות למיניהם, ועל חיי היער מסופר בד"כ כלל בהקשר לפרטיזנים או "קבוצות משפחות". להיות נודד ביער, ואף בודד ביער שונה מאלה. לכן ריגש אותי הספר.

עם זאת, הכנסת ספר לתכנית הלימודים היא תהליך ארוך. "ועדות תוכניות" ו- "ועדות מקצועי" שהן מורכבות גם ממומחים אקדמיים ומומחים לדידקטיה לומדים ודנים; ואף בודקים באיזו מידה וכיצד ספר מוצע עשוי להשתלב לתכניה הכוללת (שכבר נותנת דגש לא מעט על לימוד השואה).

ב ב ר כ ה,

עוזר שילד

Государство Израиль
Министерство просвещения,
культуры и спорта
Председатель педагогического секретариата

8 сентября 1996 года
№ 123-аин

Госпоже Хане Барзилай
Рамат-Ган

Здравствуйте.

Как Вам сообщил министр, он передал мне копию книги "Лесной скиталец" Израиля Сегаля. Очень Вам благодарен за ее перевод на иврит.

В то время я был мальчиком, находился в Европе и относительно легко спасся.

Я прочел много книг-воспоминаний о людях, спасшихся в Катастрофе.

Но мне кажется, что книга Израиля Сегаля – это в своем роде особенная история.

Много написано книг людьми, которые находились как узники. в разных лагерях. О жизни в лесу рассказывалось вообще в связи с пребыванием в партизанах или семьями.

Быть в лесу одиноким скитальцем – это совсем другая история, поэтому книга меня очень взволновала.

Вместе с тем включение книги в школьную программу – это длительный процесс. Есть Совет по программам и Профессиональный совет, куда входят высокообразованные специалисты-педагоги; они изучают и обсуждают материалы, проверяя, насколько предлагаемая книга пригодна для включения в программы школ и других учебных заведений, где изучается Катастрофа.

С наилучшими пожеланиями
Озер Шильд

סגן ראש הממשלה
שר החינוך התרבות והספורט

ירושלים

גברת חנה ברזילי הנכבדה,

תודה על מכתבך, ועל כרוך על
תרגום שירו של ישראל סגל.
אראה לקרוא בו לעיין ולהתבונן - וללמוד ממנו
וכן אמסור אותו לראש המזכירות
הפדגוגית כפי עצתך - לעיונו
באשר הנושא לגבי בחינה.
מסרי תודתי גם לישראל סגל - המחבר.

בברכה
זבולון המר

רח' שבטי ישראל 34 ירושלים 91911 טל. 02/5602330 פקסימיליה 02/5602246

Заместитель главы правительства
Министр просвещения, культуры и спорта

Уважаемая госпожа Хана Барзилай!

Благодарю за Ваше письмо, и да прибавится у Вас сил за перевод книги Израиля Сегаля “Лесной скиталец”.

Я прочел книгу с большим интересом и пользой для себя и передал ее главе педагогического секретариата профессору Озеру Шильду для ее изучения с целью включения в программу школ.

Передайте мою благодарность автору книги Израилю Сегалю.

С глубоким уважением
Звулун Хаммер

Примечание автора: При нашей встрече Хана Барзилай сказала: “Израиль, у меня есть письма Звулуна Хаммера и Озера Шильда о твоей книге. Извини, не посоветовалась. Хотела преподнести подарок. Звулун Хаммер умер. Пусть письма хранятся у тебя”.

Очень благодарен Звулуну Хаммеру, так много сделавшему для примирения нашего народа, для национального единства. Будучи тяжело больным, прочел книгу и так ее оценил.

Зихроно ле-враха – да будет благословенна его память.

לכ' שר החנוך, התרבות והספורט - מר זבולון המר.

לכ' מר זבולון המר הנכבד!

כותבת לכם חנה ברזלי החיה בארץ 70 שנה. מהן עבדתי למעלה מ-40 שנה בהוראה וחנוך. למדתי את כל המקצועות. עולה מברית-המועצות הראתה לי ספר בשפה הרוסית מאת ישראל סגל: "הנודד בוער". אני, בגיל גבוה, מצאתי להכרחי לתרגם ספר זה - שלא על מנת לקבל פרס - לשפה העברית, והריני שולחת לך ספר זה בשני עותקים. אני בטוחה שילדינו ונכדינו ובני הנוער - יקראו ספר זה בענין רב ויקבלו תועלת רבה מקריאתו.

ספר זה - מן הראוי, שיוכלל בתכנית הלמודים של בתי-הספר ושל בתי חנוך אחרים, כדי ללמד על השואה.

בכבוד רב חנה ברזלי

3.8.96

Министру просвещения, культуры и спорта Звулуну Хаммеру

Уважаемый господин Звулун Хаммер!

Вам пишет Хана Барзилай.

В Израиле живу 70 лет, из них более 40 лет преподавала в школе.

Репатриантка из России показала мне книгу на русском языке Израиля Сегаля "Лесной скиталец".

Я в преклонном возрасте, но сочла необходимым безвозмездно перевести на иврит эту книгу, которую и посылаю Вам.

Убеждена, что наши дети, внуки с интересом и большой пользой для себя ее прочтут.

Также убеждена, что эта книга обязательна должна быть включена в программу школ и других учебных заведений для изучения Катастрофы.

С большим уважением Хана Барзилай.

3.08.1996 года

Состоялась встреча с главным советником председателя Сохнута Авраама Бурга господином Цви Рамотом.

Получил письмо от заместителя председателя Всемирной еврейской организации по возвращению имущества Нафтали Лави.

К сожалению, их интересует не судьба погибших, а только их деньги.

Отписку прислал председатель Кнессета Дан Тихон.

Государственный контролер Мирьям Бен-Порат не сочла нужным даже ответить.

משרד ראש הממשלה
הלשכה לפניות הציבור

כ"ח בשבט התשנ"ט
14 בפברואר 1999
99/009

לכבוד
ישראל סגל
רח' זלמן שזר 26/46
תל-אביב 68190

לישראל סגל הנכבד שלום רב.

בהמשך למכתבנו אליך מיום 4.1.99, הרינו להודיעך כי בימים אלה קיבלנו תשובה נוסמכת בקשר לניצול כספי הבנקים השווייצריים, ולהלן תוכנה:

ההסדר אושר בין הארגונים היהודיים והבנקים השווייצריים וקיבל תוקף של פסק דין, לפיו 80% מהכספים מיועדים לניצולי השואה, ו-20% מיועדים לאיזכור, הנצחה ופעילות חינוך.

תוך מספר שבועות יתפרסמו בתקשורות הנחיות לגבי חלוקת הכספים, ואז יובהר לניצולים הנכללים בקטגוריות מקבלי הכספים, מה עליהם לעשות כדי לממש את זכאותם.

לגבי כספי חברת הביטוח "ג'נרלי", יש לפנות ל"קרן לזכר מבוטחי ג'נרלי במזרח אירופה ובמרכזה אשר ניספו בשואה", ת"ד 36311, ירושלים 91360.

אנו מניחים שקיבלת גם את המכתב ששלחה אליך מנהלת מחלקת ההסברה וההנצחה בארגון "יד ושם".

באיחולי הצלחה ובכבוד רב,

רותי הורניק
ראש ענף פניות הציבור

Канцелярия премьер-министра
Бюро общественных обращений

22 марта 1999 г.

Израилю Сегалю
ул. Залман Шазар, 26/46
Тель-Авив 68190

Уважаемый г-н Сегаль, здравствуйте!

Мы подтверждаем, что Ваше письмо от 23/02/99, включая приложения, было получено нашим бюро.

Прежде всего мы снова отмечаем, что мы ценим Вашу деятельность на благо увековечения памяти сынов нашего народа, которые были уничтожены во время Катастрофы.

Вместе с тем нам нечего добавить к сказанному в ответах, которые мы отправили Вам в прошлом. Предложения и замечания по этому вопросу Вы должны направлять непосредственно в организацию Яд ва-Шем.

Желаем успеха.

С уважением,
Рути Орник,
глава бюро общественных обращений

משרד ראש הממשלה
הלשכה לפניות הציבור

כ"ב בחשון התשנ"ט
11 בנובמבר 1998
שנ/98

לכבוד:
ישראל סגל
רח' זלמן שז"ר 26/46
תל-אביב 68190

לישראל סגל הנכבד שלום רב.

אנו מאשרים שמכתבך אל ראש הממשלה התקבל בלישכתנו ב-5.11.98.

אנו מעריכים מאד את העובדה שהנך כותב ומספר לדורות הבאים על התלאות והזוועות של תקופת השואה. בעשייה זו מתועדים ומונצחים דברי תולדות עמנו שאותם אסור לשכוח לעולמי-עד.

אנו מאחלים לך שעוד שנים רבות יעמדו לך כוחות הנפש והנחישות הדרושים למשימה הקשה שלקחת על עצמך, ושתזכה להצלחה ונחת.

באשר לבקשתך להיפגש עם ראש-הממשלה, צר לנו על שלא התאפשר להענות לבקשתך זו.

בכבוד רב,

רותי הורניק
ראש ענף פניות הציבור

ритесь с проблемами, с которыми я обратился к премьер-министру Биньямину Нетаниягу.

Предотвратите неизбежный скандал.

С искренним уважением

Израиль Сегаль

24 февраля 1999 года

Мой адрес – ул. Залман Шазар, 26, кв. 46,
Тель-Авив 68190
Теудат-зеут 310223128
Тел. 03-5189906

Главе бюро общественных обращений
канцелярии премьер-министра
г-же Рути Орник

Уважаемая госпожа Рути Орник, здравствуйте!

Получил Ваше письмо от 14 февраля 1999года за № 99/009, которое внимательно прочел. Большое спасибо.

Думаю, что Вас не полностью ознакомили с содержанием моих писем к премьер-министру Биньямину Нетаниягу.

Посылаю копии этих писем – от 6 января 1998 года и 22 ноября 1998 года.

Письмо заместителя председателя правления музея Яд ва-Шем Йоханана Бейна от 12 августа 1998 года и мое письмо к нему от 1 февраля 1999 года.

Беседа с Йохананом Бейном еще раз убедила меня в необходимости создания правительственной комиссии для проверки деятельности музея, количества евреев, погибших в Катастрофе, создания фонда по увековечению мест их гибели, использования денег погибших.

Уважаемая госпожа Рути Орник, еще раз обращаюсь к Вам с убедительной просьбой: разбе-

משרד ראש הממשלה
הלשכה לפניות הציבור

כ"ח בשבט התשנ"ט
14 בפברואר 1999
99/009

לכבוד:
ישראל סגל
רח' זלמן שזר 26/46
תל-אביב 68190

לישראל סגל הנכבד שלום רב.

בהמשך למכתבנו אליך מיום 4.1.99, הרינו להודיעך כי בימים אלה קיבלנו תשובה מוסמכת בקשר לניצול כספי הבנקים השווייצריים, ולהלן תוכנה:

ההסדר אושר בין הארגונים היהודיים והבנקים השווייצריים וקיבל תוקף של פסק דין, לפיו 80% מהכספים מיועדים לניצולי השואה, ו-20% מיועדים לאיזכור, הנצחה ופעילות חינוך.

תוך מספר שבועות יתפרסמו בתקשורת הנחיות לגבי חלוקת הכספים, ואז יובהר לניצולים הנכללים בקטגוריות מקבלי הכספים, מה עליהם לעשות כדי לממש את זכאותם.

לגבי כספי חברת הביטוח "ג'נרלי", יש לפנות ל"קרן לזכר מבוטחי ג'נרלי בגזרת אירופה ובמרכזה אשר ניספו בשואה", ת"ד 36311, ירושלים 91360.

אנו מניחים שקיבלת גם את המכתב ששלחה אליך מנהלת מחלקת ההסברה וההנצחה בארגון "יד ושם".

באיחולי הצלחה ובכבוד רב,

רותי הורניק
ראש ענף פניות הציבור

Канцелярия премьер-министра
Бюро общественных обращений

4 февраля 1999 года

Г-ну Израилю Сегаль
ул. Залман Шазар, 26/46
Тель-Авив

Уважаемый г-н Сегаль, здравствуйте!

В дополнение к нашему письму от 4.01.1999 года.

К Вашему сведению сообщаю, что нами получен официальный ответ по вопросу использования денег швейцарских банков в следующем:

Достигнутое соглашение между еврейскими организациями и швейцарскими банками вступило в юридическую силу.

В соответствии с ним 80 процентов денежных средств предназначено для оставшихся в живых жертв нацизма и 20 процентов – на увековечение памяти павших и образовательные цели.

В течение нескольких недель средства массовой информации сообщат об условиях распределения денег между спасшимися жертвами Катастрофы.

Относительно денег страховой компании "Дженерали" нужно обратиться в Фонд памяти застрахованных в "Дженерали" Западной и Центральной Европы, п.я. 36311, Ерушалаим 91360.

С большим уважением и пожеланием успехов.

Рути Орник,
глава бюро общественных обращений

***Примечание автора*:** 59 миллионов долларов (без банковских начислений), принадлежащих жертвам нацизма, погибшим и живым, получены из швейцарского фонда три года назад и разбазарены – открыто, цинично, безнаказанно.

משרד ראש הממשלה
הלשכה לפניות הציבור

ט"ז בטבת התשנ"ט
4 בינואר 1999
99/009

לכבוד:
ישראל סגל
רח' זלמן שזר 26/46
תל-אביב 68190

למר ישראל סגל הנכבד שלום רב,

אנו מאשרים שבמשרדנו התקבל מכתבך הנוסף מיום 22.11.98 המופנה אל ראש הממשלה.

לנוכח עומס עבודה עצום המוטל על ראש-הממשלה, אין אפשרות להעביר לעיונו את מכתבך, וצר לנו שניבצר מאיתנו להענות לבקשתך זו.

הצעותיך ובקשותיך בקשר לניצול כספי פיצויים נמצאות כעת בבירור, ובתום הבירור נודיע לך.

בנוסף, העלית טענה הקשורה ב"יד ושם", והצעת לשנות את פעילותו של ארגון "יד ושם". בעניין זה, עליך לפנות ישירות אל הנהלת "יד ושם" כדי לקבל את התייחסותם להצעתך. משרדנו לא יתערב בעבודתם המקצועית ובשיקוליהם.

באשר לתשובתנו אליך מיום 11.11.98, הנאמר בה התייחס לעצם כתיבת ספרך "הנודד ביערות".

אנו מאחלים לך הצלחה.

בכבוד רב,

רותי הורניק
ראש ענף פניות הציבור

Канцелярия премьер-министра
Бюро общественных обращений

4 января 1999
99/009

Г-ну Израилю Сегалю
ул. Залман Шазар, 26/46
Тель-Авив 68190

Уважаемый г-н Сегаль, здравствуйте!

Мы подтверждаем получение Вашего письма, обращенного к премьер-министру, нашим бюро 22/11/98.

В связи с огромным объемом работы, возложенным на премьер-министра, нет возможности передать Ваше письмо на его рассмотрение, и мы сожалеем, что не можем положительно ответить на Вашу просьбу.

Ваши предложения по поводу использования компенсационных средств находятся в данный момент в процессе рассмотрения, и по окончании процесса мы сообщим Вам о результатах.

Помимо этого, Вы выдвинули претензию, связанную с Яд ва-Шем, и предложили изменить деятельность организации Яд ва-Шем. По этому поводу Вы должны обратиться непосредственно к руководству Яд ва-Шем, для того чтобы Ваше предложение было рассмотрено. Наше Бюро не вмешивается в их профессиональную работу и в их соображения.

Относительно нашего ответа Вам от 11.11.98: указанное в нем касается самого написания Вашей книги "Лесной скиталец".

Желаем Вам успеха.
С уважением,
Рути Орник,

глава бюро общественных обращений

зах народов мира, сыграют важную роль в воспитании молодежи.

Убежден, что принятие этих мер предотвратит неизбежный скандал.

Надеюсь, что письмо дойдет до Вас и я получу ответ по существу.

С искренним уважением
Израиль Сегаль

22 ноября 1998 г.

До настоящего времени ничего не сделано для увековечения мест гибели жертв нацизма, которым эти деньги принадлежат по праву. На мой взгляд, правительство должно создать фонд с единственной целью: продолжить розыск могил с их геодезической привязкой к местности, оформить юридические протоколы, установить памятники там, где их нет. Это послужит и юридическим доказательством геноцида еврейского народа.

Розыск могил, проведенный на Украине и Белоруссии, данные, хранящиеся в Национальном архиве США, архивные данные КГБ, хранящиеся в музее Холокоста в Вашингтоне, доказывают, что в Катастрофе европейского еврейства погибло более семи миллионов евреев, а не шесть. Амбиции здесь неуместны. Речь идет о миллионе еврейских жизней.

Необходимо проверить всю деятельность музея Яд ва-Шем. Статус музея должен быть изменен. То, чем он сегодня занимается, это только для туристов, но не для истории.

Уважаемый Биньямин Нетаниягу, убедительно прошу Вас создать комиссию, которая изучит эту проблему и даст заключение для принятия мер правительством (хочу участвовать в ее работе).

Создание фонда, установление действительного количества погибших, изменение статуса музея в столь сложное время для судьбы нашего государства, только поднимут его авторитет в гла-

Премьер-министру
господину Биньямину Нетаниягу

Уважаемый господин Биньямин Нетаниягу!

Через десять месяцев получил ответ из бюро общественных обращений, не имеющий ничего общего с письмом, адресованным Вам.

Представляю себе Вашу исключительную занятость и все же считаю необходимым вновь обратиться к Вам.

Прошло более полувека со времени Катастрофы, унесшей миллионы жизней, но до настоящего времени десятки тысяч погибших даже не преданы земле. Их останки валяются в лесах и оврагах. Во многих местах нет могил, все заросло бурьяном, устроены свалки.

Швейцарские банки перечислили в специальный фонд 1,25 миллиарда долларов, правительство Швейцарии выделило 190 миллионов, страховая компания "Дженерали" – 100 миллионов. По сообщению американского телевидения, наше государство получило из Швейцарского фонда помощи 59 миллионов долларов.

Примечание автора: газета "Новости недели" от 20 ноября 1998 года в статье "Польша возвращает имущество евреям" пишет: "Еврейские организации и лидеры еврейских общин Польши подписали соглашение с правительством о передаче им недвижимости, земельных участков на сумму не менее трех миллиардов долларов".

משרד ראש הממשלה
הלשכה לפניות הציבור

כ"ב בחשון התשנ"ט
11 בנובמבר 1998
שנ/98

לכבוד:
ישראל סגל
רח' זלמן שז"ר 26/46
תל-אביב 68190

לישראל סגל הנכבד שלום רב.

אנו מאשרים שמכתבך אל ראש הממשלה התקבל בלישכתנו ב-5.11.98.

אנו מעריכים מאד את העובדה שהנך כותב ומספר לדורות הבאים על התלאות והזוועות של תקופת השואה. בעשייה זו מתועדים ומונצחים דברי תולדות עמנו שאותם אסור לשכוח לעולמי-עד.

אנו מאחלים לך שעוד שנים רבות יעמדו לך כוחות הנפש והנחישות הדרושים למשימה הקשה שלקחת על עצמך, ושתזכה להצלחה ונחת.

באשר לבקשתך להיפגש עם ראש-הממשלה, צר לנו על שלא התאפשר להענות לבקשתך זו.

בכבוד רב,

רותי
רותי הורניק
ראש ענף פניות הציבור

Перевод с иврита
Копия

Канцелярия премьер-министра
Бюро общественных обращений

11 ноября 1998
98/шин-нун

Израилю Сегалю
ул. Залман Шазар, 26/46
Тель-Авив 68190

Уважаемый Израиль Сегаль, здравствуйте!

Ваше письмо к премьер-министру было получено в нашем бюро 5/11/98.

Мы очень ценим тот факт, что Вы пишете и рассказываете будущим поколениям о злоключениях и ужасах периода Катастрофы. Эта работа документирует и увековечивает историю нашего народа, которую нельзя забывать во веки веков.

Мы желаем Вам еще долгие годы сохранять душевные силы и упорство, необходимые для выполнения трудной миссии, которую Вы взяли на себя, и желаем Вам успеха и удачи.

По поводу Вашего пожелания о встрече с премьер-министром мы сожалеем, что не можем ответить положительно на эту Вашу просьбу.

С уважением,
Рути Орник,
глава бюро общественных обращений

Письма аналогичного содержания были мною посланы председателю Сохнута Аврааму Бургу, председателю Кнессета Дану Тихону, государственному контролеру Мирьям Бен-Порат.

Премьер-министру
господину Биньямину Нетаниягу

Уважаемый господин Биньямин Нетаниягу!

Вам пишет репатриант из России Израиль Сегаль.

Посылаю Вам мою книгу “Лесной скиталец”, переведенную на иврит.

Из этой книги в ее ивритском варианте исключена глава “От автора”, где говорится о работе музея Яд ва-Шем, о деятельности организаций, занимающихся получением денег за погибших, о необходимости создания Фонда защиты памяти евреев, погибших в Катастрофе.

На этом материале я завершаю работу над новой книгой.

Считаю своим долгом до ее издания на английском и русском языках в Америке, ознакомить Вас о одной из ее глав под названием “Деньги, которые пахнут”.

Представляю себе Вашу исключительную занятость и в то же время убедительно прошу принять меня.

С искренним уважением
Израиль Сегаль

6.01.98

Мой адрес – ул. Залман Шазар, д. 26, кв. 46
Тель-Авив, 68190
Телефон – 5189906
Теудат-зеут – 310223128

ной комиссии из видных специалистов по международному праву, историков, жертв нацизма – тщательно проанализировать всю деятельность мемориального музея и разработать его новый статус – это и в интересах музея.

Почему мы, евреи, граждане еврейского государства, спокойно наблюдаем за второй трагедией наших родных,близких, знакомых и незнакомых – невинно погибших от рук палачей? Почему?

Уважаемые руководители нашего еврейского государства – бывшие и нынешние! Останки ваших предков и сейчас валяются на землях Белоруссии, Польши, Литвы, других стран.

Много вами сделано для процветания и обороноспособности нашего государства – бесспорно.

Но будущие поколения евреев не смогут вам простить, что вы не сделали все возможное, чтобы миллионы невинно погибших евреев в Катастрофе не ушли в небытие. Сейчас еще не поздно.

Сменилось очередное правительство и должностные лица, к кому обращался, взывал к их совести, помощи – опомниться. Но, к сожалению, отношение к Катастрофе, к трагедии нашего народа, к ее жертвам, погибшим и живым, не изменилось.

Уважаемые юристы по международному праву, адвокаты – евреи!

Кто из вас защитит невинных жертв Катастрофы?

Кто из вас остановит их вторую трагедию?

Кто из вас защитит их от грабежа любителями легкой наживы?

Кто из вас не даст миллионам невинных жертв Катастрофы уйти в небытие? Кто?

лась в процветающий бизнес, коммерческую деятельность.

В этом бизнесе нет места жертвам нацизма – их мнение и судьба никого не интересует. Они мешают. С погибшими проще. Удобней создать им образ душевнобольных.

Жертвы Катастрофы, господа исследователи, – это пожилые люди со своими болезнями. Они в здравом уме, светлой памяти, мужественны и терпеливы. Они чувствуют себя униженными и оскорбленными из-за полного безразличия к ним государства, до сих пор не подписавшего даже международную конвенцию о статусе узников нацизма, принятую большинством стран мира.

В день памяти Катастрофы и героизма звучит поминальная двухминутная сирена – замирает страна, а назавтра опять забывает – до следующей сирены.

Необходимо провести регистрацию жертв нацизма и взять их под свое покровительство.

Возглавить объединение разрозненных союзов в несколько человек во Всеизраильский союз жертв нацизма.

Финансирование всех этих программ должно производиться за счет средств, принадлежащих погибшим.

* * *

Встреча с Йоханаком Бейном еще раз убедила меня в необходимости создания правительствен-

знали, что гитлеровцы уничтожили миллионы евреев.

А когда у нас был проведен опрос – какие его результаты? Был ли он вообще?

Катастрофа стала восприниматься нашей молодежью как отвлеченное понятие, а не реальность. Встречаясь с молодежью, мне говорят: “Мы не евреи, а израильтяне – как французы, американцы, русские... и нам нечего бояться”.

Большинство вообще не знают о ней. Пройдет немного времени, и молодежь не поверит, что это было, что это вообще могло произойти.

Мы забыли страшное прошлое нашего народа – его не изменить, но мы обязаны сделать все, чтобы оно не повторилось.

В мире отмечается резкий рост антисемитизма.

Отдельные государства открыто призывают к уничтожению нашего народа. Катастрофа не исключена, и молодое поколение должно знать и всегда помнить об этом.

Недооценивать Катастрофу – это преступление перед собственным народом.

Средства массовой информации, ссылаясь на различные источники, сообщают, что в нашей стране проживают более трехсот тысяч бывших узников нацистских концлагерей и гетто, лиц, скрывавшихся на оккупированных территориях.

Элементарный анализ опровергает эти данные.

Они завышены более чем в десять раз.

Тысячи сотрудников трудятся в различных учреждениях, занятых Катастрофой – она преврати-

Какими юридическими документами Яд ва-Шем может подтвердить гибель миллионов евреев, погибших в Катастрофе?

Я подчеркиваю – юридическими документами.

Распался Советский Союз. Рухнул железный занавес. Настало время и необходимость принять поправки к закону о деятельности музея с учетом изменений, произошедших в мире.

Убежден, что святой долг и обязанность музея – принять непосредственное участие в создании и работе Фонда по увековечению мест гибели жертв нацизма.

Имеющиеся данные доказывают, что в Катастрофе европейского еврейства погибли более семи миллионов евреев, а не шесть.

Вдумайтесь в произошедшее и по своему служебному долгу, писаным и неписаным еврейским законам, совести наконец сделайте все, от вас зависящее.

Истина должна быть восстановлена. Разберитесь с этой проблемой, не допустите, чтобы память о более миллиона нашего народа ушла в небытие. Амбиции здесь неуместны.

Американский еврейский комитет исследований провел опрос о геноциде евреев во второй мировой войне.

42 процента американцев считают, что геноцида не было.

29 процентов не смогли ответить на этот вопрос, более половины подростков никогда не слышали о Катастрофе. Подавляющее большинство не

Состоялась длительная беседа с заместителем председателя Совета музея Яд ва-Шем господином Йохананом Бейном.

Он рассказал, что в музее проводится большая работа по компьютеризации документов, хранящихся в его архивах. Планируется открыть школу подготовки учителей для преподавания специального курса о Катастрофе в учебных заведениях страны. Предстоит реконструкция здания музея. Это упростит и улучшит его работу.

Я поднял те же проблемы, что и при встречах с Шимоном Пересом, Ицхаком Шамиром, в письмах к Биньямину Нетаниягу.

– Уважаемый Йоханан Бейн, нужно помнить, что музей создан на основании принятого Кнессетом еще в 1953 году закона, которым он и руководствуется до настоящего времени.

Во многих странах утверждают, что уничтожение миллионов евреев строится на свидетельских показаниях оставшихся в живых, которым нельзя верить, – это не является юридическим доказательством геноцида еврейского народа.

Строго придерживаясь буквы закона, Верховный суд Израиля оправдал убийцу Ивана Демьянюка, несмотря на свидетельские показания жертв нацизма.

Кто сейчас помнит трагедию армянского народа – миллионы которых погибли в 1915-1917 годах на территории Османской империи и как сейчас доказать количество погибших?

YAD VASHEM יד ושם

כ׳ באב תשנ״ח
12 באוגוסט 1998

לכבוד
מר ישראל סגל
רח׳ זלמן שזר 26/46
תל אביב 68190

מר סגל הנכבד,

העתק מכתבך לח״כ שמעון פרס, הועבר לידיעתנו ע״י לשכת יו״ר הנהלת הסוכנות.

הנושאים שהעלית במכתבך חשובים ומטרידים. הפתרון להם לא יימצא ע״י חילופי מכתבים. נראה לי, לכן, מתאים וראוי שנשוחח בעל פה ונחליף אינפורמציה ודעות שאולי גם יסמנו דרכי פעולה.

עם זה מקובל עליך – אשמח אם תתקשר טלפונית ונתאם פגישה לשיחה בכל הנושאים הנזכרים במכתבך (טל. 02-6751606).

תודה.

בברכה

י׳

יוחנן ביין
שגריר
סגן יו״ר ההנהלה

12 августа 1998 года
Музей Яд ва-Шем

Господину Израилю Сегалю
ул. Залман Шазар, 26, кв. 46
Тель-Авив 68190

Господин Израиль Сегаль, копия Вашего письма к господину Шимону Пересу передана нам руководителями правления Сохнута.

Темы, поднятые в Вашем письме, очень важные и волнующие. Решение этих проблем не будет найдено перепиской.

Мне кажется, нам лучше встретиться и обменяться информацией, и, возможно, мы придем к общему мнению и действиям.

Если Вас это устраивает, буду рад, если позвоните и мы договоримся о времени встречи и обсудим все поднятые Вами вопросы.

Заместитель председателя Совета
Йоханан Бейн

שמעון פרס

Shimon Peres

ישראל טבל יקיר,

תודה על מכתבך מה-18.9.98.

בהזדמנות הקרובה אשאלנו את

ברוורמן - אזכיר אותו.

ושוב אני, שנה טובה לך ולכל

בני ביתך.

23.9.98

23.09.98 года

Дорогой Израиль Сегаль!

Спасибо за твое письмо от 8.09.1998 года.

При первой возможности я переговорю с Эдгаром Бронфманом.*

А пока хорошего тебе Нового года и всей твоей семье.

Шимон Перес

---

* Эдгар Бронфман – президент Всемирного еврейского конгресса.

שמעון פרס

תל-אביב, ו׳ בשבט, תשנ״ח
2 בפברואר 1998

לכבוד
ישראל סגל
זלמן שזר 26/46
<u>תל-אביב 68190</u>

ישראל היקר,

קראתי את ספרך ״נודד ביער״. זה ספר מרתק על חיים מרתקים.

אשמח לראותך. אנא התקשר למשרדי לתיאום פגישה.

בברכה,

שמעון פרס

Шимон Перес

Тель-Авив
02 февраля 1998 г.

Уважаемому Израилю Сегалю
ул. Залман Шазар, 26/46
Тель-Авив 68190

Дорогой Израиль,

Прочитал твою книгу "Лесной скиталец". Это увлекательная книга про захватывающую жизнь.

Буду рад встретиться с тобой. Пожалуйста, позвони в мой офис и договорись о времени встречи.

С наилучшими пожеланиями
Шимон Перес



Шимон Перес, Израиль Сегаль, дочь Элла.

Да будет так. С надеждой покидаю офис крупнейшего политического деятеля, внесшего большой вклад в обороноспособность, благосостояние нашего государства, в систему международных отношений.

Он полон творческой энергии, замыслов – он моложе своих лет.

Еще раз: до свиданья, земляк.

зации по возвращению имущества. Он назначит тебе встречу. Переговорю с Авраамом Бургом.

Можешь написать по-русски, но лучше на иврите.

Все, что будет нужно, – обращайся.

Ни одного лишнего слова – все взвешенно, конкретно и красиво.

– Я послал по этой проблеме письма Биньямину Нетаниягу, Аврааму Бургу. От Нетаниягу пока ничего нет, а Бург назначил встречу.

При упоминании Нетаниягу Перес неодобрительно махнул рукой:

– О ком ты говоришь? Другое дело Авраам – мы с ним в хороших отношениях. Мой лучший друг. Скажи ему, что был у меня. Покажи мое письмо. Передай, что я готов помочь – поддержать во всем. Я не занимался деньгами жертв нацизма и не имел к ним никакого отношения. Сегодня я не все могу, но чем смогу – помогу обязательно.

Пролетело полтора часа. Фотографируемся на память. Улыбающийся, он провожает нас до дверей.

– Уважаемый Шимон Перес, здоровья вам до ста двадцати. *Зайт гезунт*.

Растроган. Говорит по-русски:

– Я тебе помогу.

И, чтобы убедиться, что я его правильно понял, повторяет, повернувшись к моей дочери, на иврите:

– *Ани томех леха* (я за тебя – переведи отцу).

В Белоруссии обнаружены могилы 820 тысяч погибших, на Украине – 1 миллиона 600 тысяч. По данным Всемирного еврейского конгресса, в Белоруссии погибло 350 тысяч, а на Украине 850 тысяч евреев.

Данные, собранные только в Белоруссии и на Украине, документы, хранящиеся в национальном архиве США, КГБ доказывают, что в Катастрофе европейского еврейства погибло более семи миллионов человек, а не шесть.

Необходимо создать правительственную комиссию, которая всесторонне изучит эти проблемы, проанализирует деятельность музея Яд ва-Шем и разработает рекомендации правительству для принятия соответствующих мер.

Я говорил медленно на русском языке, переходил на идиш и снова по-русски.

Иногда его глаза принимали вопросительное выражение, и дочь переводила это слово на иврит.

По глазам я понимал, продолжать дальше или ждать перевода.

– Откуда ты родом?

– Родился в Минске, а детство провел в Плещеницах под Минском.

– В Плещеницах? Это рядом с Вишнева – значит, земляки. Изложи коротко на одном листе твои взгляды: как создать фонд, что конкретно предлагаешь, как будет финансироваться, чем заниматься? Другие предложения. Я напишу свои рекомендации, переговорю с Нафтали Лави – это заместитель председателя Всемирной еврейской органи-

Всеизраильской и т.д. Проверить всю их деятельность. Воздать должное любителям легкой наживы – каждому по заслугам. Есть же евреи на земле, кому не безразлична судьба жертв нацизма! Есть! Никому нельзя забывать, что деньги, обагренные кровью погибших, пахнут!

За период своего существования музей Яд ва-Шем проделал большую работу. Собраны миллионы свидетельских показаний, написаны тысячи книг, созданы фильмы, Зал имен. При музее работает Международный институт исследования Катастрофы. Экспозицию музея осмотрели миллионы туристов со всего мира. К сожалению, то, чем сегодня занимается музей, – это просветительская деятельность, рассчитанная больше на туристов, чем на историю. На базе музея необходимо создать Пантеон памяти миллионов евреев, погибших в Катастрофе. Музеи Холокоста имеются во многих странах мира. Пантеон должен быть один в столице нашего еврейского государства.

После опубликования моих статей*, выступления на радиостанции РЭКА 14 июня 1996 года, издания книги – еврейские общины, союзы жертв нацизма, отдельные граждане проделали большую работу по розыску мест массовых захоронений погибших евреев.

** Газеты "Панорама" N 285 от 19.11.92 г.; "Вести" от 19.08.93 г.; "Новости недели" от 26.05.95 г.*

До начала войны 1941 года в Польше проживало 3,5 миллиона евреев, из них три миллиона зверски растерзаны.

Их тела закопаны по всей польской земле, а многие и сейчас не преданы земле.

В настоящее время в Польше живут восемь тысяч евреев. Среди них единицы – жертвы нацизма. Этот траурный список можно долго продолжать.

Лавина благодетелей развили бурную деятельность – стали проявлять сердечную заботу о возвращении средств погибших. Ни слова о самих погибших, кому эти деньги принадлежат.*

С 1951 года по 1992 год, до распада СССР, наше государство получило из Германии более 65 миллиардов долларов компенсации за евреев, погибших в Катастрофе.

Средства израсходованы на развитие экономики, на укрепление обороноспособности нашего народа – и это правильно.

Сейчас использование денег жертв Катастрофы любыми организациями, не связанное с увековечением их памяти, аморально, на мой взгляд, преступно.

Нужно выяснить, на каком основании созданы так называемые организации всех мастей, независимо от того, как они себя называют – Всемирной,

---

** Не исключено, что появились новые Чичиковы – герои романа Гоголя "Мервые души" с существенной разницей: Чичиков скупал души крепостных, а нынешние ими торгуют.*

Между тем для розыска погибших граждан действуют специально созданные организации в США, Италии, Японии, Германии, Финляндии, России...

Господин Шимон Перес, девятнадцать лет я проработал в проектном институте, занимаясь вопросами стоимости строительства. Из них четырнадцать лет, до отъезда в Израиль, был также членом градостроительного Совета и экспертом по ценам при правительстве Самарской области – одной из крупнейших в России. Знаю, что Фонду нужны будут средства и хочу высказать свое мнение по этому вопросу.

В последнее время печать пестрит сообщениями о возврате недвижимости, произведений искусства, денежных вкладов, принадлежавших жертвам Катастрофы.

В эту схватку включились и наши политики, адвокаты, Сохнут, конгрессы и им подобные.

Исполком швейцарских банков выделил 71 миллион доларов и предлагает еще 600 миллионов.

Под Веной хранятся семь тысяч произведений искусства на миллионы доларов. Румыния, Польша приняли законы о возвращении собственности жертв нацизма.

Начался торг между многочисленными организациями польских евреев, созданными в последние годы, – Всемирной федерацией польских евреев, еврейскими общинами Польши, Национальной федерацией польских евреев и т.д.

ды посетили местечко Вишнева Воложинского района под Минском – те места, где вы родились, провели детство. Побывали на старом, заброшенном Воложинском кладбище, где покоятся ваши предки.

Вам рассказали, что в местной синагоге заживо сожгли воложинских евреев и среди них – вашего деда с семьей.

Здание синагоги не могло вместить всех местечковых евреев. Где покоятся остальные?

Убежден, что только создание Фонда защиты памяти евреев, погибших в Катастрофе, не даст миллионам невинных жертв уйти в небытие – остановит их вторую трагедию.

Медлить нельзя – время будет упущено.

Главной целью Фонда должен стать розыск еще не известных могил, их геодезическая привязка к местности, оформление юридических протоколов, установка памятников там, где их нет. Это послужит юридическим доказательством геноцида еврейского народа.

Здесь нет ничего сложного, дорогостоящего, невыполнимого.

Конечно, определенную работу проделали Сохнут, "Джойнт", другие организации. Многое сделано еврейскими общинами, союзами жертв нацизма, отдельными гражданами. Но это – капля в море.

Труд этих людей, у которых, кроме благородства, нет ни средств, ни возможностей, свел к минимуму завершение этой поистине благородной, святой работы.

Совещание закончено – возбужденные участники покидают офис.

– Пожалуйста, проходите.

У раскрытой двери с распростертыми руками и доброжелательной улыбкой он встречает нас.

Ощущение – мы давно знакомы и только ненадолго расстались.

Крепкое рукопожатие.

Взглядом и руками приглашает сесть.

На меня смотрят большие проницательные глаза.

На лице следы крайней усталости – озабочен.

– Уважаемый Шимон Перес, у нас была большая еврейская семья. Пятьдесят лет я не разговаривал на идиш. Сейчас почти все понимаю и говорю, но мне легче выразить свои мысли на русском.

– Я говорю на идиш, но, если тебе легче, говори по-русски. Я пойму, а что нет – дочь поможет. Я прочел твою книгу "Лесной скиталец" – она меня очень растрогала.

– Большое вам спасибо за добрые слова о книге и приглашение встретиться.

Стал внимательно слушать.

– Прошло более полувека со времени Катастрофы, унесшей миллионы жизней нашего народа. Но до настоящего времени десятки тысяч безвинно погибших даже не преданы земле – их останки валяются в лесах и оврагах. Во многих местах нет могил, все заросло бурьяном, устроены свалки.

Многое вам известно – вы это видели своими глазами. За последние годы, как я знаю, вы дваж-

РАЗГОВОР С ЗЕМЛЯКОМ

Шимон Перес пригласил меня встретиться с ним.

Дочь позвонила в его офис.

Секретарь объяснила, что Перес сейчас за границей.

– Давайте определимся на второе марта в 10.30 утра. Если график его работы изменится, я перезвоню.

– Хана, скажите, пожалуйста, как быть с переводчиком: папа не говорит на иврите.

– Ты и переводи.

– Боюсь. Не уверена, смогу ли я переводить такой серьезный разговор.

– А ты постарайся. Не бойся.

В назначенное время мы в приемной.

Секретарь приглашает сесть и, извиняясь, добавляет:

– Возможно, встреча немного задержится – идет совещание. Он только ночью прилетел.

Нас ждали.

В канцелярии идет напряженная работа. Постоянные звонки. Слышен голос на французском языке. С кем-то переходит на английский, потом на иврит. Дает указание секретарю срочно соединить...

Повернул голову к моей дочери:

– Сколько тебе лет? Где вы живете? Какая у тебя специальность? Где мать?

По ходу разговора доброжелательно поправляет произношение слов, если она ошибается.

И опять – ко мне:

– Она знает иврит, а ты?

– Она намного моложе.

Искренне смеется:

– Это видно. Ты где работал в последние годы?

– В проектном институте.

– “В проектном институте”, – повторяет он по-русски. И добавляет: – Я поговорю с моими людьми, они тебе сообщат.

– Господин Шамир, внук мне не простит, если мы с вами не сфотографируемся.

– Ну что ж, давайте.

Я стал с одной стороны кресла, дочь – с другой. Он положил свои руки на мои. Я сказал:

–Желаю вам от всей нашей семьи крепкого здоровья и долгих лет жизни.

Пожилой человек с умными глазами сидел, не вынимая своих рук из моих. Мы волновались. Было сделано три снимка. На фото получились лишь наши очертания. Мы забыли включить вспышку. Мы этого просто не заметили...

говорить на иврите. Понимаю и немного говорю на идиш, но не настолько хорошо, чтобы изложить вам то важное, о чем хочу сказать.

– Беседер, – смеется.

Я начал рассказывать о том, где жил, где скрывался, как проходили облавы, как целенаправленно замалчивается количество погибших, не разыскиваются места массовых захоронений, нет памятников. Он внимательно слушал, задавал вопросы, высказывал свои мысли.

– Вы должны написать обо всем, что с вами произошло, что вы пережили. Это очень важно. Это должны знать все, особенно молодежь. Хотите создать фонд защиты памяти евреев, погибших в Катастрофе? Чем он будет заниматься, откуда будут поступать деньги? Фонд – только для Белоруссии или и для других стран? Вы обращались в музей Яд ва-Шем? Что они сказали?

– Они пожелали мне здоровья, успехов в моей деятельности и обещали, если будет создан такой фонд, принять в нем участие.

Умная понимающая улыбка.

– Господин Ицхак Шамир, вы очень много сделали для нашего народа. Многие поколения евреев будут благодарны вам за все, вами свершенное. Многие тысячи евреев с благодарностью оценят и ваши усилия по увековечению памяти погибших. Я верю вам и надеюсь на вас, как на Бога.

Внимательно и долго смотрит на меня. Задумчиво и очень серьезно говорит:

– Мне очень далеко до Бога.

Если вашему отцу нужен переводчик, сообщите заранее его фамилию и номер теудат-зеута.

Другой женский голос повторил все это по-русски. Дочь попросила оформить, если можно, и ей пропуск: она бы хотела присутствовать на встрече.

Последовал еще один звонок. Женщина объяснила, что будет дежурить сама, так что надобность в переводчике отпадает. Тем более что дочь будет на встрече.

Четырнадцатого июня мы явились в бюро Ицхака Шамира, прошли коридор и оказались у двери с глазком. Позвонили. В прихожей нас встретил молодой человек:

– Господин Сегаль, шалом. Дайте, пожалуйста, ваши документы.

Из-за стола вышла женщина и доброжелательно протянула руку:

– Посидите минутку. Что будете пить – воду, сок?

Без трех минут десять появилась девушка-солдатка, сказала: “Меня зовут Оля” – и открыла дверь кабинета.

За столом сидел Ицхак Шамир и с доброй улыбкой внимательно смотрел на меня. В левом углу стола стоял флаг нашего государства.

Ицхак Шамир поднялся, протянул руку – мы поздоровались. Жестом пригласил сесть и стал внимательно слушать.

– Господин Шамир, большое спасибо, что сочли возможным меня принять и, конечно, извините, что мы уже год в стране, а я с вами еще не могу

СОРОК МИНУТ С ИЦХАКОМ ШАМИРОМ

Тридцатого мая 1993 года в девять утра зазвонил телефон. Мужчина поздоровался, спросил:

– Можно господина Сегаля?

– Его нет дома. Он в ульпане, – ответила дочь. – Что ему передать?

– А кто говорит?

– Его дочь.

– Звонят из приемной Ицхака Шамира. Мы получили от вашего отца письмо с просьбой принять его. Нам нужны некоторые сведения о нем.

– Какие именно?

– Первым делом – номер удостоверения личности. Запишите наш номер телефона, пусть он позвонит.

– Вы можете подождать минуту? Я попробую найти его удостоверение, – дочь разыскала мой теудат-зеут и продиктовала номер.

– Если нам потребуется что-нибудь еще, я позвоню завтра в восемь тридцать утра.

Шестого июня – звонок. Женский голос:

– Передайте, пожалуйста, господину Израилю Сегалю, что встреча с Ицхаком Шамиром назначена на следующий понедельник в десять утра.

ЖЕРТВАМ КАТАСТРОФЫ – ПОГИБШИМ И ЖИВЫМ

Мое дитя! Мои румяна!
Моя несметная родня!
Я слышу, как из каждой ямы
Вы окликаете меня...

Илья Эренбург

От автора

Приехав в Израиль в 1992 году, я обратился к общественности через печать с предложением создать Фонд защиты памяти евреев, погибших в Катастрофе. По этому поводу я послал письма видным деятелям нашего государства: президенту Эзеру Вайцману, премьер-министрам Ицхаку Рабину и Биньямину Нетаниягу, руководителям министерств и ведомств, Еврейского агентства Сохнут – Симхе Диницу и Аврааму Бургу. Встретился с премьер-министрами Ицхаком Шамиром и Шимоном Пересом.

Евреи, погибшие в Катастрофе, нуждаются не в подачках, а в деятельном милосердии, в глубочайшем уважении к их памяти. После них осталось достаточно средств, чтобы разыскать их могилы и установить памятники. Верю: придет новое поколение руководителей нашего еврейского государства – они займутся этой проблемой.

Но жаль, очень жаль, что много тысяч безвинно погибших в Катастрофе уйдут в небытие. Они этого не заслужили.

ФРАГМЕНТЫ

моей новой книги, которая будет издана на английском и русском языках в Соединенных Штатах Америки

Встречи с Ицхаком Шамиром, Шимоном Пересом

Обращение к Биньямину Нетаниягу

В Катастрофе европейского еврейства погибло более семи, а не шесть миллионов человек

О создании Фонда защиты памяти евреев, погибших в Катастрофе

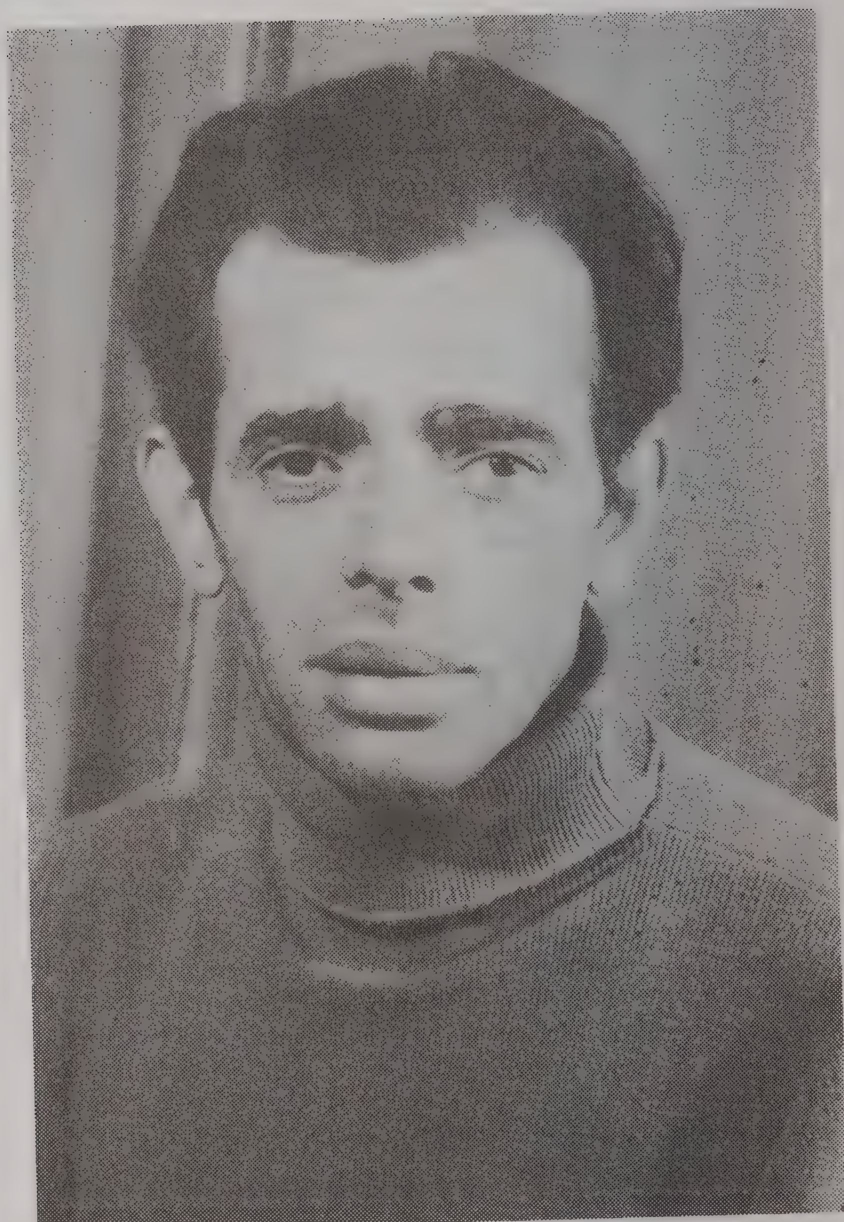
Использование средств жертв нацизма

Деятельность музея Яд ва-Шем

Содержание



Памятник — жене, тёще, тестю.



Израиль Сегаль — двоюродный брат.



Внук — Лёва.



Дочь — Элла.



Жена Зина.



Дедушка Юде, бабушка Рахиль,
мать и тётя.



Семья Сегаль — Лёва, Бася, Куне, Израиль.

И значит я должен рассказать людям о том, что видел и что пережил. Обо всём. И о кошмарах и мерзости — и о величии человеческого духа,о красоте людской, о доброте, порядочности, благородстве, которые проявились несмотря ни на что".

Уверен, что все, пережившие Катастрофу, подпишутся под каждым этим словом.

С чистой совестью делаю это и я.

Почти ничего не написал о своих земляках, чудом спасшихся. Но у каждого из них своя судьба и своя книга.

24 июня 1997 года в Тель-Авиве умер двоюродный брат — последний родственник по линии отца, с которым прожили одной фамилией, именем, отчеством более 50 лет.

Внук — единственный продолжатель рода по крови и жизни — принял нашу фамилию. Он достойно пронесет ее через свою жизнь и передаст следующему поколению.

Уважаемый читатель!

Вы закрыли последнюю страницу книги.

Посидите. Подумайте.

Почтите память миллионов евреев, погибших в Катастрофе.

Я написал о том, что пережил, что сейчас меня волнует, удивляет, возмущает.

Это — книга-исповедь. И она исчерпывающе достоверна.

жать. Спасла семья белоруссов. В 1942 году приняли в партизанский отряд. К сожалению, сейчас она тяжело больна.

Держитесь, земляки — последние мои могикане!

В Самаре в 1994 году вышла в свет книга "Дорога из Гродно", написанная Даниилом Кловским. Заслуженный деятель науки и техники России, доктор технических наук, профессор, еврей по национальности, он в годы второй мировой войны прошёл через гетто и нацистские концлагеря .Мы жили и работали рядом почти пятьдесят лет, но, к сожалению, друг друга не знали. Оба скрывали прожитые годы своей страшной юности, такова была жизнь.

В своей книге Даниил Кловский пишет:

"После войны меня неоднократно посещала мысль, что я живу как бы не своей жизнью. Что меня, настоящего, давно нет, я исчез вместе с остальными. А живёт под моим именем кто-то другой, кто не видел. не пережил ужасную трагедию двадцатого века, не испытал на себе всю жестокость и низость, на которую, оказывается, способны люди.

Ведь после такого жить нельзя.

Но я всё-таки живу!

Всё-таки это я, а никто другой — живу.

дить деревья в их честь на аллее музея Катастрофы "Яд ва-Шем" в Иерусалиме — они это заслужили. Михаил Абрамович с пониманием отнёсся к моей просьбе и заверил, что эту проблему он решит.

Член совета Ассоциации евреев, узников гетто и нацистских концлагерей Беларуси Михаил Абрамович Трейстер вместе с сотрудницей киностудии "Беларусьфильм" Аллой Владимировной Грибовой разыскали немногих оставшихся в живых узников Плещенского гетто:

Владимира Иосифовича Завальнера.

Ему было восемь лет, когда началась война. Отец учился на курсах в Гомеле. Мальчик с матерью бежал в Долгинов, оттуда в лес, в партизанский отряд. Родители погибли. Сиротой воспитывался у тёти.

Давида Израилевича Савельзона.

В 1940 был призван в армию. В июне 1941 был демобилизован по болезни. Поехал к матери в Плещеницы, где его и застала война. Скрывался в лесах. В 1943 попал к партизанам.

Софью Исааковну Капушинскую.

Жила с семьёй в Минске. Началась война. Мужа призвали в армию. С сыном вернулись к родителям. Все погибли. Ей удалось бе-

Глава четырнадцатая.

Эпилог.

Состоялась продолжительная доброжелательная беседа с послом государства Беларусь в Израиле Михаилом Абрамовичем Фарфелем. Разговор шёл о работе над книгой, о создании Фонда защиты памяти евреев, погибших в Катастрофе.

Обратился с просьбой помочь опубликовать моё письмо в центральной прессе Беларуси. Многие жители тех мест, где я скрывался, помогли мне спастись, и я перед ними в вечном долгу. К сожалению, в моей памяти не сохранились названия мест, имена, фамилии, а многих вообще не знал. Прошу жителей написать о наших встречах, где и при каких обстоятельствах они произошли. Возможно это сделают их дети, внуки, которые слышали об этом в своих семьях.

Очень хотелось бы получить письмо от семьи лесника Заянчаковского, которая, кажется, жила в Островецком районе.

Письма дадут возможность обратиться в соответствующие организации, чтобы признать этих людей Праведниками мира, поса-

Отмечая день рождения, решил удивить гостей. Достал из упаковки сверкающий медью примус и стал проверять его работу — зажёг.

Долго сидел один, завороженный этим звуком, который пронёс в сердце через всю жизнь. Нахлынули воспоминания далёкого детства, прожитой жизни. Неслышно подошли дочь с внуком — стали рядом, долго вместе слушали.

На природе, где отмечал день рождения, сварили вкусные кнейдалах(галушки), и я снова с большим волнением пережил эти минуты, полные звуками моего детства.

Дед говорил и писал на иврите и идиш.

Отец с матерью тоже не забыли родной язык. Пятьдесят лет не знал иврита и почти забыл идиш. Оказался чужим в своей стране.

Дочь с внуком уже говорят на иврите.

Я вспоминаю идиш и учу иврит. Преисполнен гордостью и радуюсь, что дожил до этого часа.

Только буду я помнить истоки
и до смертного часа беречь
Мандельштама мятежные строки,
Пастернака печальную речь.

Может раны залечит вам время
и пройдут ваши боль и беда...
Вы простите Россию, евреи,
но подонков ее — никогда.

Владимир Петров

За годы. прожитые в родительском доме, не помню случая, когда родители о чём-то спорили между собой, тем более ругались.

Искренне любили друг друга и нас. детей. В доме всегда царил дух согласия и любви. Мне было пять лет, когда в доме появился примус. Много воды утекло с тех далёких времён.

Но и сейчас помню счастливые минуты детства. Мама готовит на примусе. От него исходит мелодичный звук. Я трепетно стою, прижавшись к матери, боюсь пошелохнуться.

В магазине большая очередь: продают примусы, о которых давно забыли, очень волнуюсь — вдруг не достанется.

могилы, спросить жильцов, знают ли они что-нибудь о гибели местечковых евреев. Но пожилые люди в этот день почему-то все уехали из местечка по своим делам, а молодые ничего не знают.

Документы на руках. Позади сборы, беготня. Друзья советуют: бери больше водки, в Москве каждый шаг — бутылка. Послушал-ся. На таможенном досмотре сержант спросил: "Валюту везёшь?"

— Кажется, дочка долларов сто обменяла .

— Ну, это в норме.

В руке сетка с водкой. Думали, грузчикам пойдёт — за услуги, да обошлось. Что с бутылками делать?

Сержант доброжелательно посмотрел на меня и сочувственно сказал:"Вези, дед, с собой, вспоминай родину".

Часто вспоминаю сержанта и свою "малую Родину".

Самолёты уходят ночные.
Ни речей и ни музыки нет.
Покидают евреи Россию.
Улюлюкает "Память" им вслед

Улетаю и я на рассвете,
покидаю родное жнивье.
За Россию не стыдно мне, дети,
стыдно мне за подонков её.

В глубоком и длинном овраге могила погибших. У дороги высокий обелиск из чёрного гранита.

Высечены слова **"9000 – за что?"**

— Родители узнали вечером, что все погибли. Не могли же их угнать за пятьдесят километров?

— Я в ту пору маленьким был, не помню, — говорит местный.

— Подъедем на еврейское кладбище?

— Кладбища давно нет, на том месте разбит парк".

Теплилась последняя надежда: А где живёт Арон?

— После войны не видел его.

— А где Давид Савельсон?

— Повесился.

— Как повесился?

— С полгода назад. Соседи сняли его с петли. Может сам наложил на себя руки?

Быстро разнеслась весть, что в местечке, переименованном в посёлок городского типа, появился тот самый мальчик, о котором ходит столько легенд и небылиц. Подошло несколько жителей, которые здесь обосновались после войны. Их интересовал лишь один вопрос: в каком доме жила наша семья. Узнав, что дом сгорел, успокоились. Зашёл в несколько домов, расположенных вокруг

ню с сыном Яшей — разыскать не удалось. У дочерей фамилии мужей, которых не знаю.В Минске племянница рассказала о том, что её отец с матерью больше двух лет в Израиле.

К общей радости, встретились через сорок лет. Лёня, муж племянницы, поехал со мной в местечко, где прошло моё детство и откуда бежал. Местный житель согласился показать могилу погибших. Остановились посреди улицы, далеко от леса. Он уточнил: "Лес вырубили. Вот могила".

У стены сарая — ограда из кирпича. На могиле растут два больших дерева.Ноги дрожали. Долго шёл эти несколько метров. Опустил голову на ограду и не мог её поднять.

Вся трагедия перед глазами, и нет этих прошедших пятидесяти лет.

До меня доносятся слова сопровождающего: "Здесь лежат старики, дети, молодые — все евреи местечка. Сбежал только мальчишка. Видно и он погиб".

— Да нет, он живой! — Лёня показывает в мою сторону.

— Говори по-белорусски,я его еще не забыл.

— Здесь лежат только мастеровые с жёнами, человек тридцать, а не семьдесят, как написано на памятнике .

— Куда увезли остальных?

— Под Борисов".

Исп. вх. №__________

ЛЕНИНСКИЙ РАЙОННЫЙ ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ
города Куйбышева

« 12 » марта 1992 г.

№ 51

г. Куйбышев,
улица Ленинская, 147

С П Р А В К А

выдана мл.лейтенанту в отставке СЕГАЛЬ Израилю Владимировичу, 1924 года рождения, в том, что он с июня 1941 года по март 1944 г. пребывал на оккупированной немцами территории в лесах Астровенского района Вильнисской области Литовской ССР – не работал.

Справка составлена на основании:

- записей в личном деле № 3650;

- записей в военном билете за серией Бн № 020348, выданном 7 декабря 1955 года по окончании курсов военной подготовки при Куйбышевском строительном институте.

Справка выдана по месту предъявления.

ЛЕНИНСКИЙ РАЙОННЫЙ ВОЕННЫЙ КОМИССАР
ПОЛКОВНИК П.ЗОЛОДИН

4171—3000—85. Обл. тип. им. Мяги, г. Куйбышев.

Серия БН № 020348



Сегаль
(фамилия)

Израиль
(имя)

Владимирович
(отчество)

Б-734333

(личная подпись владельца билета)

Военный билет выдан

М. П.

7 декабря 1955 г.

Сталинский РВК г. Куйбышев
(наименование военного комиссариата)

райвоенком
полковник [illegible]
(должность, звание, подпись)

Серия БН

VIII. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Пребывание в плену, пребывание в окружении не в составе части, проживание на оккупированной противником территории, служба в белой и иностранных армиях (когда, где и сколько времени)

с 6.1941 по 3.1944 пребывал на оккупированной немцами территории в лесах Астровецкого р-на Вильнюсской области Литовской ССР

"Маша, спустись в архив,убедись, объясни этому Фоме неверующему"

Маша вернулась через несколько минут с личным делом в руках.

"Придёшь в пятницу, получишь выписку".

Пришёл в пятницу. "Выписку получил, чего ещё ждешь?" "Непонятно, откуда появилась запись — "не работал"?" Я же мальчичиком был. Разбирая вещи, нашёл военный билет пятидесятилетней давности, там нет этой злополучной записи".

"Уезжаешь, быть по сему. В 1961 тебя КГБ проверял. Пошевели мозгами: не каждый три года скрывался где-то в лесах. Сделали свою пометку, то есть не сотрудничал с немцами. Понял?"

Все годы одолевала ностальгия по родным местам. Не решался ехать. Разгром антифашистского комитета, дело врачей, реабилитация полицаев. Не исключено, что кто-то попытается убрать единственного свидетеля тех страшных событий.

Уезжая навсегда. не мог не посетить могил родных, близких, знакомых. Побывать в незабываемых местах детства.

Это было выше моих сил.

На мой запрос адресный стол Минска сообщил, где последние годы жил двоюродный брат. В Бобруйске тетю с дядей Арье Каждан,их дочерей— Лизу с дочерью Аней и Со-

"Сара Яковлевна, мы не можем ставить охрану у каждого монумента. Сотри и успокойся".

Она успокоилась и всей семьёй репатриировалась в Израиль.

Иду по центру города на любимую мною работу и думаю: что случилось с тобой, с твоей страной, если прожив большую часть жизни, ты мечешься по родному городу и ищешь выхода?

Нелегко сделать этот шаг, и причина вовсе не в отсутствии жилья, продуктов и других благ. У меня, беспартийного, всё это есть. Всю жизнь старался, чтобы от меня была какая-то польза.

Видит Бог, я желаю этой стране только добра. Появилась реальная угроза от наших доморощенных антисемитов. Правительство молчит.

Не могу даже в мыслях допустить, что с моей семьёй может случиться то, что было со мной. Мне больше ничего не надо в этой стране. В военкомате попросил выписку из личного дела о том, что находился на оккупированной территории.

"Опомнись, прошло пятьдесят лет, давно снят с военного учёта, какое личное дело?"

"Живой, должно быть личное дело, тем более с такой автобиографией".

Глава тринадцатая

Возвращение.

Одногодки внука, играя на улице, о чём-то поспорили между собой. Когда аргументы были исчерпаны, на асфальте появилась надпись "Лёвка — жид".

Плача, пришли домой внук с другом Максимкой. Спрашиваю, что случилось, друзья, чего не поделили? Они узнали, что слова эти написали их школьные друзья. Максимка стал им доказывать, что Лёвка хороший парень и никакой там не жид.

"А ты, Максимка, молчи, ты ещё хуже, ты полужид, так как мать у тебя еврейка, а отец русский".

Прибежала соседка-адвокат:"Посмотри в окно". В сквере монумент погибшим за установление советской власти в Самаре. Ночью на боковой стороне монумента зелёной краской коряво написали: "Вечная память погибшим от рук жидовских комиссаров". Позвонила в волнении начальнику милиции и сообщила о чрезвычайном происшествии.

нной немцами территории". Запись сопровождала меня всю жизнь. После демобилизации она была внесена в солдатский, а затем и офицерский билеты.

Представил себе, что случится. если выяснится, что скрыл отчество, год рождения. Кому и как объяснишь? Кто поверит?

Моя судьба быстро решится. Но что будет с родными, близкими?

Уговорил жену вернуть себе девичью фамилию под предлогом, что отец её известен в округе. Прервал переписку со всеми близкими и родными. Меня разыскал дядя Арон Шпрейрегин, который ещё до революции уехал в Америку, живёт в Филадельфии. Нашлась тётя Фрума Лазаревна Готшалк (Каждан), профессор Чикагского университета. Приезжала несколько раз в Москву, хотела встретиться.

Писали, просили;"Отзовись, сынок".

Я молчал. Может это спасло меня и многих родных и близких. Молодой умерла жена, пережив отца на один день. Перед смертью тесть раскрыл тайну, которую хранил много лет. В должности начальника инспекции округа участвовал в испытании атомной бомбы в степях под Тоцком Оренбургской области в 1954 году. Ослеп, потерял обе ноги. Хоронили со всеми воинскими почестями в один день отца и дочь.

лем. Разрешили досдать два предмета и получить второй диплом. Не стал.

Институт окончил не хуже других. Одиннадцать лет проработал в строительной организации. Прошёл путь от мастера до главного инженера.

Годы скитаний бесследно не прошли.

От отмороженных ног развилась болезнь — облитерирующий эндотерит, а следом инфаркт. С работой на стройке пришлось расстаться. Сняли с военного учёта.

Около двадцати лет проработал в проектном институте . Руководил коллективом, занимающимся разработкой нормативов, прейскурантов, смет. Был связан с руководителями многих различных ведомств и министерств.

В 1958 году женился, родилась дочь. Назвали в честь моей мамы. Мне очень сложно было объяснить родным, почему я прошу назвать внука в честь дяди, а не отца. Судьбе так было угодно, чтобы в семье жены все родные были кадровыми военными. Тесть и его брат — полковники — занимали высокие должности в штабе округа. Там же работала жена. Два других брата — подполковники, а сестра — военврач.

В моём военном билете в графе "был в плену, окружении, белой армии" записано: "три года скрывался в лесах на оккупирова-

Больше половины поступивших по разным причинам отсеялось в первый месяц учёбы. Спал по несколько часов в сутки, уволился с работы, жил случайными заработками. Добрейший учитель математики пенсионного возраста как-то, стесняясь, спросил: "Вы, дорогой, учились в восьмом классе?" "Ну, как же, Василий Павлович, конечно .

Десятый класс закончило четырнадцать человек. На выпускном вечере я подошёл к математику:

— Уважаемый Василий Павлович, хочу перед Вами исповедаться. Давайте раскроем секрет друг другу. Признаюсь Вам, дорогой Василий Павлович, что в восьмом классе я вообще не учился .

— Это нетрудно было определить: ты не знал элементарных вещей по тригонометрии, а это проходят в восьмом".

— Большое спасибо Вам за терпение и доброту ко мне .

"Не моя заслуга, сам осилил".

Служба в железнодорожном полку определила и мою будущую профессию. Поступил в строительный институт, который через год перепрофилировали в гидротехнический. После четвёртого курса кто-то опомнился, что стране столько гидротехников не нужно. Добавили полгода учёбы, и в 1956 году выпустили инженером-строите-

К счастью своему, я разыскал адрес маминого двоюродного брата, который жил в Самаре, а от него адрес родной тёти. Остаться жить у тёти в Бобруйске не смог. Уехал в Самару. Закончил курсы токаря, стал работать на станкозаводе.

Стоял в очереди за продуктами в магазине. Подошёл мужчина, спросил:"Кто крайний? Ты что, родом из Белоруссии?"

— Да. Недавно демобилизовался .

— Значит земляки. Я тоже из Минска. До войны работал директором школы. Директором и сейчас, в вечерней школе. Будем знакомы, Вечерский Иван Михайлович. Как устроился?

— Токарничаю.

— Сколько классов?"

— Девять . Взрослый парень, неудобно сказать — семь. В мои годы многие институт закончили, семьями обзавелись.

— Поступай к нам в школу. Сейчас у нас приёмные экзамены .

— Не готовился. Перерыв девять лет. Не сдам .

— Приходи послезавтра. Не можешь не сдать, ты солдат, а я директор .

До обеда группа в сорок человек сдала все вступительные экзамены. План по набору рабочих в вечернюю школу нужно было выполнить.

Я — солдат.

Нашему полку суждено было восстановить все разрушенные железнодорожные мосты через крупнейшие реки Украины — Десну и Днепр. День Победы, девятое мая 1945 года, я встретил под Херсоном, где наша часть сооружала двухкилометровый мост через Днепр.

Сообщение по радио об окончании войны, выстрелы из пистолетов и автоматов, огонь из зенитных пушек и пулемётов, поднятый бойцами охраны моста. Счастливые лица, всеобщая радость победы и горечь утрат. Всё слилось воедино и осталось в моей памяти на всю жизнь.

Демобилизовался в 1950 году после шести лет службы. Поехал в Минск выяснить судьбу дяди и его семьи, а заодно и квартиры. Нашёл дом, где дядя жил до войны, спросил у новых хозяев, не знают ли, где сейчас живёт семья Сегаль?

"Посчастливилось им, на днях переехали в новую квартиру".

Дали адрес. Радостная и горестная встреча. Двадцать шестого июня 1941 года дяде с семьёй удалось бежать из горящего города. Пешком добрались до Могилёва, а оттуда эшелоном в Мордовию. Тётя устроилась на работу, брат пошёл в школу, дядю призвали в армию. Он вскоре погиб под Смоленском.

толпитесь в коридоре. Выйдите на улицу покурить".

На улице стало темнеть. Похолодало.

Не выпуская из рук вещмешок с продуктами, направился в дом. В это время открылась дверь и вышли двое в какой-то иностранной форме.Один злобно посмотрел на меня:"Жидок, пся крев". И выхватил пистолет.

Скрипнула дверь. Он резко повернулся. В дверном проёме стояли солдаты. Я бросился в сторону. Надо было столько пережить, выйти к своим и погибнуть от пули польского антисемита.

Посадили в теплушку поезда и с сопровождающим направили в часть. Ночью приехали в разрушенный и сожжённый Смоленск. Пешим маршем дошли до места формирования Литовского артиллерийского полка. Помылись в санпропускнике. Выдали обмундирование. Стали заниматься с утра до ночи строевой подготовкой. Я упросил командира перевести меня в любую другую часть. Литовцы участвовали в расстреле моих родных и близких, и я не хочу идти вместе с ними на фронт воевать. Через несклько дней вызвали в штаб, выдали документы и отправили служить на Украину, в распоряжение мостового железнодорожного полка. Опять строевая подготовка, курс молодого бойца, присяга.

Дождался своей очереди. За столом три офицера. ”Рассказывай и покороче, работы и без тебя хватает. Всё ясно, родился в Минске, фамилия, имя, отчество(назвал дядино, добавил к возрасту два году, боялся, что не призовут). Что? Три года скрывался в Белорусских лесах? Умник нашёлся, все погибли, а он, видишь, скрывался. Ну и ребус задал”.

Долго спорили между собой какую запись сделать в личном деле. Наконец капитан сказал тоном , не допускающим возражения: ”До армии я, братцы, работал в отделе кадров одного крупного завода. в этих выкрутасах разбираюсь. Где тебя взяли, ну, в каком месте вышел на дорогу?Хоть район знаешь? Кажется, Островецкий? Так бы и сказал. записывай: Сегаль Израиль Владимирович, 1924 года рождения, находился в лесах Островецкого района с июня 1941, то есть с начала войны, по 1944 год. Допиши месяц. И ещё:бежал, скрывался от погромов. У нас есть компетентные органы —разберутся, а если потребуется — поправят”.

К всеобщему удовлетворению такая умная запись всех устроила. ”На этом и порешили. Давай следующего”. По выданным талонам поел на пересыльном пункте. На пять суток получил сухим пайком. Старший приказал: ”Не расползаться. Если восстановят путь, завтра сядем в теплушку и айда в часть. Не

Глава двенадцатая.

Вечный двойник.

Привезли меня в Вильнюс и передали дежурному. Спросил, как фамилия, имя, где скрывался, откуда родом. Велел накормить и переодеть во что-нибудь из старого обмундирования.

Подошёл сержант и выбрал четверых новобранцев: ”Ребята, получен приказ. В подвале одного дома сапёры обнаружили несколько трупов. Люди думали отсидеться во время бомбёжки, но их выдали, и немцы отравили газом. Наша задача похоронить их на месте. Лишние эмоции никому не нужны. Приказ понятен? Бегом в машину”.

В подвале лежали трупы двух евреев. У одного в руке пистолет. Похоронили.

В памяти сохранилось несколько строк:

На улице Субоч два дома стоят.
Два дома еврейские были.
Сейчас там советские люди живут.
Евреев в Панарах убили.

Я убежал. Надеялся через пару дней вернуться к своим, узнать, что случилось.

Но события разворачивались стремительно. Артиллерийская канонада уже раздавалась под Вильнюсом. Фронт обошёл нас стороной. По шоссе потоком движется военная техника, танки. В автомашинах сидят военные в погонах, на шапках — звёздочки.

Слышна русская речь, песни.

Я вышел на обочину дороги. Около меня остановилась машина. Офицер спросил:

" Кто, куда, откуда? Залезай в машину, там разберутся".

Где Герш с семьёй, что с ним случилось за два дня до освобождения, родился ли ребёнок?

Как сложилась судьба лесника, перед которым склоняю свою старую голову.

Вечная тебе память, лесник пан Заянчаковский.

ляске. Поговорил с лесником, попил холодной воды, наполнил флягу. Вдвоём пошли к выходу со двора. Немец исподлобья посмотрел на меня и пошёл дальше. Лесник показал немцам наиболее короткий путь к деревне.

"Беги, предупреди своих. Видно поехали за полицейскими. Могут каждую минуту нагрянуть".

Дрожали коленки и руки. Из последних сил добежал, только и выговорил: немцы!

Быстро собрались и дошли до просёлочной дороги. Переобули лапти. Детей посадили на плечи и, запутывая следы, ушли в глубь другого леса. Наскоро соорудили шалаш, обложили его толстым слоем снега.

Через несколько дней встретились с лесником.

"Выясню. Мне сподручней. Землянка не на моём участке".

Лесника того участка вместе с семьёй сожгли полицейские в прошлом году. Лес остался бесхозным.

В деревне немцы взяли полицейских, местных жителей, окружили землянку, забросали её гранатами и уехали

Рано утром пошёл в кусты, услышал приближающиеся шаги. Прижался к дереву. К землянке подошли трое с винтовками в руках.



дя с семьёй погибли в Минске. У них там осталась квартира. У тебя та же фамилия и имя. как у твоего двоюродного брата. Вы почти одногодки. Запиши в документах отчество дяди, и дело сделано. Приезжай в Минск и живи. Наверняка соседи сменились. В любом случае ты наследник, сирота, пожалеют, а там утрясётся, сменишь отчество обратно, большая проблема".

Стали мы замечать, что жена Герша, намного младше его, не по харчам стала поправляться. На семейном совете секрет был раскрыт: жена Герша беременна, жизнь есть жизнь. Пан Заянчаковский уговорил повивальную бабку укрыть у себя жену Герша, пока не родит. Никто не знал, куда он увёл её, так будет лучше для всех.

Прошло много времени, лесник не появлялся. Решили пойти выяснить и заодно принести продукты.

Рано утром я подошёл к хутору, немного подождал и направлися к дому лесника, который вышел мне навстречу. Не успел я к нему приблизиться, как из-за поворота показался мотоциклист, за ним —крытая машина. Немцы. Успел отскочить к погребу, но было уже поздно. На погребе стояла бочка от солений. Быстро опустил голову в бочку, делая вид, что мою её. Мотоциклист направился к колодцу, двое немцев остались в ко-

Я рассказал ему, как бежал, где скитался, как пережил зиму. Герш Магидс с семьёй жил до войны в Вилейке. До прихода советской власти был маклером, торговал лесом. В первый день войны собрал всё, что смог унести и вместе с семьёй бежал на хутор.

Он хорошо знал окрестные леса, а ещё лучше лесника Заянчаковского, с которым его связывала многолетняя дружба. Рискуя жизнью, лесник укрывал их, кормил, передавал новости.

Гершу понравилось место, выбранное мной для землянки. Немного расширили и перешли в неё жить. Через пару дней пришёл лесник, похвалил место и землянку. Несколько раз пробовали от него скрыться, не подвергать лишней опасности его и себя. Неким внутренним чутьём он всегда находил нас. Махнули на это рукой.

Стала доноситься артиллерийская канонада, фронт приближался с каждым днём. Постоянные разговоры шли вокруг одного — как выжить. Удастся спастись, а что делать дальше?

Для себя Герш решил давно, что поедет в Израиль или в Америку. О России и слушать не хотел. Я боялся капиталистов. В душе теплилась надежда, может кто-то из близких спасся, как их оставить?

"Слушай, ты же сам рассказывал, что дя-

Одному ох как несподручно. Нужда-то какая заставила прийти в этот неровный час? Без соли остался?"

Разговор всё вокруг да около.

"В хату не зову, бабу напугаешь, тяжело больна. С собой ничего нет, в лесу перекусил. Погоди. Соберу чего-нибудь в хате и принесу".

Вернулся с едой и солью: "Будешь в этих краях, заходи".

Лесник дал понять, что в лесу кто-то скрывается. Недоговаривает. За хутором надо понаблюдать. Следить за стариком не стал.Обнаружит, будет неудобно. Но каждый вечер подбирался к хутору. Когда и с кем дед пришёл на хутор, не заметил. Из дома вышли лесник и какой-то мужчина. У калитки попрощались, и неизвестный направился в лес. Лесник заметил меня.

"Отойди к дереву — испугаешь. Герш, вернись. Объявился заблудший. Ну, я в хату, старуха заждалась, волнуется".

"Старик рассказал мне о вашей встрече, но решил сначала получить моё согласие на знакомство. Был убежден, что придёшь к нему. Очень рад, ещё один мужчина в семье много значит. Пошли, нужно засветло добраться до землянки. Там у меня жена, двое детей-подростков. И ещё Рашель — женщина лет сорока, тоже подобрали в лесу".

Убивали исподтишка, не выставляя себя напоказ. Свирепствовали полицейские и их прислужники, Но шла и ширилась молва о боях с партизанами, взрывах железнодорожных мостов, поездах, спускаемых под откос, о расстрелах полицейских, об отступлении немцев на всех фронтах.

Чувствовалось: освобождение не за горами. Как выжить? Лето и осень прожил дарами леса, собирал с огородов, редко заходя в деревни.

Тропа вывела к хутору. Узкая просёлочная дорога, кругом непролазные места. Несколько дней наблюдал за хутором. Старик занимался хозяйством, часто куда-то уходил. Иногда его подменяла дочь, как-то вышла жена: больная сгорбившаяся женщина. Из леса, опираясь на палку, шёл уставший старик. Лицо у него спокойное, доброе. Подошёл к нему. Поздоровались.

"Посидим. Лесник я в лесах этих. Родился и состарился на хуторе. Власти меняются, а лес, как дитя, глаз требует. Ты, кажется, на Соколиной балке обитаешь, тихое место, правильно решил. Да и родничок рядом, чистой воды попить — тоже удобства".

Он знал. где я скрываюсь. Как и когда обнаружил?

"Бывает в этих местах, твои наведываются. Понаблюдай, может, свидитесь. Добро бы

Глава одиннадцатая.

Маклер Магидс с паном Заянчаковским.

В относительной безопасности прожил весну и лето 1943 года. Исколесил вдоль и поперёк все Белорусские леса и оказался под Вильнюсом. Крестьяне здесь более зажиточные. Небольшие деревни, множество хуторов,густые леса, непролазные болота.

Местные жители ненавидят советскую власть, которая ничего им не принесла, кроме разорения, лагерей и тюрем. В районных центрах, местечках, деревнях полицейские с местными добровольцами поголовно побивали всех евреев самыми изощрёнными способами и, в основном, ещё до прихода немцев. Подвижные полицейские отряды из литовских и латышских головорезов разъезжали по всей Беларуссии и принимали непосредственное участие в погромах.

Были единицы, которые спасали евреев — честь им и вечная память. Подонков, проливших море еврейской крови, было гораздо больше.

Шло время. Меньше стало облав.

семья староверов. Сменял сапоги, которые чуть не стали причиной моей гибели, на соль, и муку, немного несолёного гусиного жира. С огородных чучел снял рваную тёплую одежду, нашлись и лапти.

Глубокие ямы обложил сухими ветками, засыпал картошку, ямы эти хорошо замаскировал. Рядом сделал небольшие землянки. В снегу заморозил клюкву, яблоки, груши, капусту. В минуту грусти как-то закурил папиросу из мха. Приятный дым пронзил всё тело. Не помню сколько времени пробыл в непробудном сне. Помогли,очевидно, морозный воздух и клюква.

За всю жизнь только в студенческие годы выкурил ещё несколько папирос. Боюсь и глубины, хотя более сорока лет прожил на Волге — великой и прекрасной русской реке.

Обмораживал лицо, ноги, но всегда выручал гусиный жир.

Прошла зима с морозами, снегопадами, вьюгами. Наступила весна. Снова нужно менять обжитое место.

Добрался до шалаша, упал на подстилку и долго не мог отдышаться. Разжёг огонь, высушил одежду, почистил винтовку с патронами и взялся за гранату — она была прострелена навылет. Вынужден был уйти с обжитого места — снова в неизвестность.

Постоянные круговые облавы, напоминающие охоту на волка, долго продолжаться не могут. Чем ближе час победы, тем меньше шансов на спасение. Люди, причастные к этой трагедии, любыми путями стараются убрать немногих свидетелей .

Прошло лето. Наступила осень, не за горами зима 1942 года. Единственный небольшой шанс на спасение — построить запасные землянки в разных местах, запастись едой на всю зиму и не ходить в деревни. Исчезнуть в лесной глухомани, подальше от людских глаз. Я просто стал одержим этой спасительной идеей. Спал урывками. Решил — пока не убран созревший урожай, надо успеть до холодов запастись продуктами. По утрам собирал грибы, ягоды, лесные орехи, насушил зёрна и семечки. Иногда крестьяне оставляли на ночь выкопанную картошку, свёклу, морковь. Делился с ними. Собирал всё съедобное. Нашёл в старом пне рой лесных пчёл — выкурил их водой, а соты с мёдом забрал. Вопросом жизни стала соль. Вынужден был зайти на хутор, где жила

в этом знали — любили друг друга. Крепкий парень да и она не промах, подстать ему, навалились на мою спину. Пытался выползти из-под этого пресса с отбойным молотом одновременно, но безуспешно. С большим трудом ухватился руками за лестницу, подтянулся до лаза и резко поднялся. От неожиданности они потеряли дар речи.

"Подымитесь — убью, чёрт бы вас побрал".

Быстро спустился, сунул в запор ворот подвернувшуюся палку. Добежал до брода и услышал прицельные одиночные выстрелы. Пригибаясь, зигзагами, добрался до противоположного берега. Снова стрельба, теперь уже с крыши дома. Присел у берега, несколько раз выстрелил в сторону дома и бросился в густой лес. За лесом деревня — не уйти.

Вернулся ползком к реке, подальше от брода лёг в воду, по дну реки почти добрался до кустов. У самого берега провалился в глубокую яму, сапоги, заполненные водой камнем потянули вниз — я стал тонуть.

Из последних сил оттолкнулся от дна ямы, ухватился за ветку куста, подтянулся и выполз на берег. Вылил воду из сапог и, еле волоча ноги, вымокший, пошёл, не останавливаясь, подальше от места любви и смерти. Ревность до добра не доводит. За это время любовник с парнями добежал до края леса.

Глава десятая.

Прерванный секс, сапоги и граната.

Сутками льёт дождь. В лесу сыро. Дымит хворост. Решил укрыться на пару дней в сеновале. Услышать живой голос. Засветло подошёл к деревне.Забрался на высокое дерево, осмотрелся, в какую сторону лучше бежать, если придётся.

На отшибе стоит дом, к нему примыкает сарай. По другую сторону улицы густой лес за речкой, за ним другая деревня.

Перестал дождь, птицы защебетали предвестьем к хорошей погоде. На дворе молодая дородная женщина занята детьми и хозяйством.

Ночью по лестнице забрался на чердак сарая. Лёг вниз животом, головой к выходу, зарылся в свежее пахучее сено и крепко уснул.

Раннее утро. Закукарекал петух, что стало большой редкостью в этих местах. Мужчина поднялся на чердак, подал женщине руку, помог ей подняться. Постелили вдвоём подстилку и стали заниматься любовью. Толк

гости в дом, чем наша встреча закончится? Жалел, что подался детским эмоциям. По крыше и окнам барабанил проливной дождь. Тепло от печи, от тела соседки, безмятежный их сон — всё это удерживало.Поднялись на рассвете.

Хозяйки увидели винтовку с гранатой — удивились: "Стрелять научился?"

"Немного".

"Молодец, с винтовкой надёжней".

Покормили, собрали немного еды, соли.

Дуся задумчиво заговорила: "Мог бы с нами пережить это проклятое время. И тебе хорошо было бы и нам. Мужик в доме, лишние руки в хозяйстве, ох, как пригодились бы Да боимся. Случится с тобой беда, и нам не сдобровать. Не простим себе этого. Прости. не можем брать грех такой на душу. В нашей деревне никто не выдаст. Все друг друга с малолетства знают. Многие породнились. В полицаи никто не пошёл, староста свой — надёжный мужик. Не задерживайся в этих лесах. Всякий люд бродит. Неспокойно. Столкнёшься на тропе с недобрыми людьми, худо будет. Твоих не встречали. Иди с Богом, как никак с мужиком переспали и то радость".

Обе от души смеялись, каждая думала о своём сокровенном.

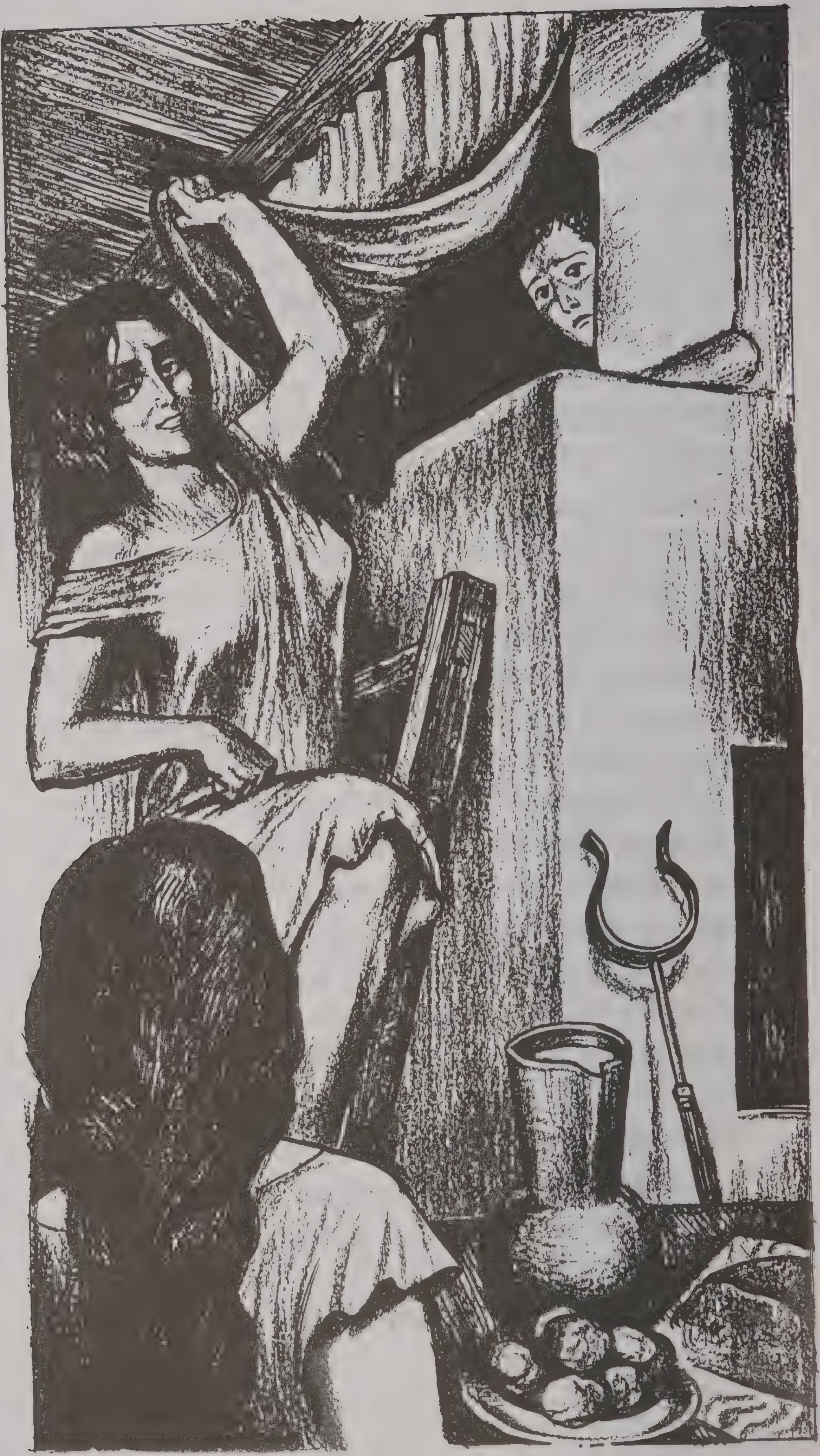
Не испугались, видно, не впервые встречают таких гостей: ”Ну ладно, в гости не звали, но раз пришёл — оставайся. В такую погоду хороший хозяин свою собаку на улицу не выгонит. Двигайся, всем места хватит”.

Легли рядом, укрылись одним старым покрывалом. Пошли разговоры: сколько лет, где жил, что стало с семьёй. Дуся спохватилась: ”Извини, хлопец, от неожиданности даже покормить бессовестные забыли. Спустись к столу, перекуси и залезай обратно”.

”Да я уже немного перекусил”. Рассмеялись: ”Спускайся, поешь. Место на печи за тобой”, — и снова рассмеялись. Хорошо поел, забрался под одеяло, и снова разговоры.

”Анюте не повезло, не подыскала подходящего, всё привередничала. Деревенька у нас маленькая, с мужиками не шибко, а на стороне искать некогда, всё работа да работа, от зари и до зари. Может, инвалид какой с фронта вернётся. Не стара баба, в самом соку. А мой Николушка прошлой зимой по дрова в лес поехал да так и не вернулся. Неделю всем селом искали. Как сквозь землю провалился — ни коня с санями, ни его. А детей не успела нарожать. Так вдвоём и кукуем в этой глухомани. Ну давайте спать. Завтра полно дел”.

Ночью часто просыпался. Подумывал потихонько уйти. Нагрянут ещё непрошеные



ки. На столе кувшин с молоком, в тарелках хлеб, сваренная в мундирах картошка, в баночке соль. У входа деревянное ведро с водой. По всему видно — в доме нет мужиков.

Закралась навязчивая мысль: залезть на печь. За занавеской ничего не видно. Переспать в тепле, а на рассвете незамеченным уйти в лес, тем более, что он совсем рядом.

Не удержался, отрезал кусок хлеба, взял картошку и, запивая молоком, перекусил. Отсыпал немного соли, убрал крошки со стола. Залез на печь, прижал к себе винтовку, затянул шторку, натянул подстилку. От сытости и тепла задремал.

Пришли хозяева: две молодые статные женщины. Похожие друг на друга.Вероятно, сёстры. Сняли верхнюю одежду, лапти, сели за стол ужинать.

”Знаешь, Дуся, полезу я, пожалуй, на печь, погрею старые кости. Несколько дней спина ломит, не даёт покоя. Сквозняком продуло, а может простуда или другая хворь прицепилась”.

”Давай и я за компанию. Поблаженствуем вместе”.

Не спеша разделись. Старшая поднялась по лесенке. Отдёрнула шторку. Наши глаза встретились. Я смотрел с испугом, она с удивлением.

”Глянь, Анюта, гость у нас”.

Глава девятая.

Непрошенный гость.

Шло время —я всё дальше уходил от страшного болота. Тропка вывела к деревушке в несколько дворов, огороженных невысокими заборами из жердей. На верхушке высокого дерева старое колесо от телеги — опустевшее гнездо аистов. Кругом густые девственные леса. Течёт речушка. Покрапывает дождь

Опасно заходить в деревню. А вдруг встретишь там пришельцев из леса. Кто они? Что у них на уме? А может, выпадёт счастье поесть домашнего, обогреться, услышать человеческий голос? Соблазн велик. И он берёт верх.

В сумерках ползком добрался до двора. Заглянул в окно — никого. В доме тихо. Зашёл в сени, прислушался. Легонько приоткрыл скрипучую дверь. Оглядываясь, зашёл в дом.

Большая комната. Чисто застланы две кровати, несколько подушек. Икона с вышитыми рушниками. Деревенская печь. Посредине большой стол со скамейками, табурет-

по болотам. Ещё миг — разорвёт на части. Осталось ему сделать последний прыжок.

Я выстрелил.

Собака завизжала и навзничь опрокинулась в болото.

Только сейчас я заметил, что вдали стоит немец с винтовкой. Растерян моим неожиданным для него выстрелом. Был уверен, что собака сама справится со мной.

Я стал уходить в глубь болота, немец – в деревню. Потемнело, заквакали лягушки. стало сыро. С трудом выбрался из топкого болота и укрылся в ржаном поле.

По просёлочной дороге в сторону болота мчалась крытая машина с солдатами. Пешком и на лошадях спешили полицейские и местные парни, чтобы быстро окружить болота и утром начать погоню.

Полем дополз до опушки леса. Вся деревня на ногах, в окнах горят лучины. Прошло несколько часов пока всё стихло.

У меня нет сил сдвинуться с места. Кремень с кресалом в кармане, вокруг сушь. Из последних сил хотелось подползти к дому, поджечь его. В мгновение и вся деревня заполыхает, как факел. Перед глазами сгоревшие дети, невинные крестьяне. Еле волоча ноги, ушёл в глубь леса и свалился. С открытыми глазами пролежал до утра. Проклинал себя за слабость и жалость.

зяин лет сорока:"Иди в сарай. Неровен час, соседи увидят. Пойду в хату, хозяйка чего-нибудь соберёт".

"Мне соли немного".

"Поделимся".

Проводил меня до сарая. Я зашёл в раскрытые настежь ворота. Не успел оглянуться — ворота на запоре.

Я в ловушке.

По лестнице — на чердак. Всеми силами стал вырывать солому между обрешёткой. Изодрал всю спину. Наконец вылез на крышу. Вижу, хозяин быстро бежит по улице. Я прыгнул вниз, в навозную кучу у стены сарая, с трудом вытащил ноги и — бежать.

В глубь топкого болота. Перепрыгивая с кочки на кочку. Попеременно подкладывая под ноги пучки веток. Добрался наконец до сухого островка. Между кочками непроходимая топь, опустишь ногу — заживо затянет. Попасть на островок можно только с ближайшей кочки, ухватившись за ветку.

Нужно быстро уйти с болота, добраться полями до края леса, обратно к сараю, где запер меня хозяин. Начинались сумерки, но было ещё довольно светло. Стал осматриваться, как незаметно уйти с болота.

Увидел. Перепрыгивая с кочки на кочку, несётся на меня большой рыжий пёс. Разъярён. Из пасти — пена. Натренирован бегать

поиграть. затвором, предохранителем, поцелиться в движущуюся мишень.

Зарядил и поставил винтовку на предохранитель. На всякий случай вытащил из гранаты запал и положил его в верхний карман рубахи. Надел ватные штаны, подложил мох в большие сапоги с широкими голенищами. На ремень надел патронташ, ручную гранату, застегнулся. Оставшиеся вещи тщательно завернул и надёжно спрятал — возможно пригодятся. Сложил шалаш — укрытие от дождя, мошек и комаров.

Появились картошка, овощи, ягоды — легче жить стало. Как всегда, мучило одно — кончилась соль. Пошёл осматривать лес и вышел к пересохшей речке. Небольшие лужи — всё, что от неё осталось. Мутная вода кишела. Подумал: змеи, лягушки или ещё какая-либо тварь. Оказались щучки.которых без труда стал вылавливать руками. Где поглубже, рыл узкий канал, а воду спускал по просохшему дну. Варил и жарил рыбу, ел доотвала. Пахла тиной, но была вполне съедобна. И снова окончательно иссякло терпение всё есть без соли.

С восходом солнца в деревне все уже на ногах и уставшие засветло ложатся спать. Затих гомон детей, стук ведер и кастрюль. Осторожно осмотрелся, подошёл к сараю. В доме чужих не было. Постучал. Вышел хо-

Глава восьмая.

Гибель пса.

Начал собирать сушняк для костра, поднял голову, ветки куста едва заметно зашевелились. Маскируясь и хорошо ориентируясь, парень стал уходить. В последние дни участились облавы, слежка.

За мной стали охотиться.

Собрал пожитки и, заметая следы, двое суток шёл на восток. Иссякли силы, ноги стали неподьёмными. Настелил веток и лёг отдохнуть у ствола дерева. Заметил, что с другой стороны дерева к стволу привязан какой-то длинный предмет, завёрнутый в плащ-палатку. На ствол и приклад винтовки натянуты кирзовые сапоги, привязан патронташ с четырьмя обоймами патронов, ручная граната и солдатское обмундирование. Очевидно всё это богатство припрятал красноармеец, бежавший в примаки*.

Мальчишками мы бегали на стрельбище пограничного отряда за местечком. Смотрели как учат новобранцев стрелять, бросать ручные гранаты. Добряки иногда разрешали

* *Примак— мужчина, живущий в доме жены.*

гревать. Решили пойти на луг, погреться на солнышке, полежать на сухом сене в сарае, сменить лесную обстановку и заодно подобрать новое место под шалаш. Резко остановились у края леса.

Около сарая спинами к нам стояли двое мужчин. Один в кожаном пальто, на поясе пистолет, красная повязка на рукаве. Второй в хорошей деревенской одежде с винтовкой за плечом. Всем своим видом они показывали: подойдите, не бойтесь, свои. Нет, это не партизаны.

"Арон, отползай в одну сторону, а я — в другую. Если не облава, встретимся у запасного входа в землянку".

Отползая, заметил, что полукольцом, на видимом расстоянии друг от друга стояли немцы с полицейскими и, очевидно, лишь ждали команды. Я замер. Наконец они медленно двинулись в сторону болота. Я — ползком в другую сторону.

Обратно идти к землянке — попасть в ловушку. В мешочке немного еды, в кармане ножик, кремень с кресалом.

Я снова один.

вещей тебе. В хозяйстве всё пригодится. Привези их к себе домой, а мы потом заберём. Сделаешь доброе дело и мне и себе. Да, у тебя имеется бумага от старосты?"

Может, полицай. Кто знает? Извлёк из кармана замусоленную бумажку:"На, глянь".

Запомнил его фамилию и деревню, где живёт. Рассказал ему, как лучше разыскать дядин дом.

"Сделаю. Через пяток суток вернусь".

Отрезал по куску сала с хлебом.

"Будь здоров. Счастливо тебе вернуться".

Несколько дней следили за его хозяйством, пока он не выехал на санях со двора. Остановили его у леса. "В дом заходить не рискнул. Покормил лошадь напротив окон. Евреи там не живут. Видно поубивали, как всех".

Своим появлением в этом лесу мы уже себя выдали. Нужно уходить, и чем быстрее, тем лучше. У края леса обнаружили задранного волками лося. О такой роскоши и не мечтали. Нагрузились срезанным мясом, жиром, внутренностями. Уставшие и очень довольные вернулись в землянку. На всякий случай разложили вокруг себя сухой хворост: если волки приблизятся, мы его подожжём.

Наступила середина марта. Дни стали длиннее, появились прогалины, стало подо-

Дали они нам немного муки, подсолнечного масла, соли. Довольные, мы вернулись в землянку. Но скоро снова кончилась соль. Мы перебрали много вариантов и всё же решили, что в данное время выход один — пробираться в сарай за солёной землёй. Набрали два ведра солёной земли и в обратный путь. Подозрительным показался большой куст. Видны глубокие следы ног, с корнями вырван молодняк, небрежно всё замаскировано. Копнули поглубже в этом месте и обнаружили яму, в которую зарыли картошку. Набрали полные рубахи картошки и, скрывая следы, вернулись в землянку.

Что-то гложет, неспокойно на душе. Решили подстраховаться, сделать запасную землянку, часто переходить из одной в другую — обезопасить себя на всякий случай.

Пошли на поиск подходящего места. Услышали стук колёс. Заволновались. Кто это в лесу? Почему зимой на телеге? Не приманка ли, может, следят за нами? На повороте остановили возчика, поздоровались.

"Решил ехать в Минск напрямую через лес, обменять там сало на мыло и соль. На телеге в городе сподручней. Кабана удалось заколоть".

"Слушай, на Старажевской улице живёт мой дядя с семьёй. Давай на телеге наскребу их адрес. Заберёшь у них весь скарб , часть

вая нас жаром. До утра не сомкнули глаз: воспоминания, тревога. Оба были рады неожиданной встрече.

Бомбёжка началась на рассвете. В суматохе Арон схватил документы, немного вещей и — бежать из горящего города. По дороге встретил таких же беженцев. У крестьян обменяли немного вещей на продукты и несколько недель вместе скрывались. В округе разнеслась молва, что в лесу появились богатые евреи. Начались облавы. Ему удалось бежать. По дороге к родителям узнал. что все погибли. Так оказался здесь. Дальше оставаться в лесу было опасно — могли заметить дым, выследить. Погасили огонь, собрали пожитки и ушли на розыск нового укрытия.

Кругом непролазные топкие болота, густые кусты, девственный лес. На возвышенном месте, недалеко от болота, вырыли просторную яму, перекрыли её валежником, обволокли грунтом, устроили запасной выход, замаскировали, получилась хорошая землянка. Подкладывая под ноги попеременно пучки веток, уходили в глубь болота.

Школьный друг Арона успел эвакуироваться, а родители его остались в деревне. Иногда он бывал у них в гостях. Наше неожиданное появление напугало их. Мы попросили обменять ненужные нам вещи на продукты.

баню, залезал в печь, отогревался, а с рассветом уходил.

Голод заставил идти в село. После трудового дня жизнь в деревне рано замирает. Решил отлежаться день на чердаке в сарае, а на рассвете уйти в лес. Скрипнули ворота. Хозяйка принесла ведро мятой картошки, смешанной с отрубями. У стены разбросала солому. В стойле захрюкала свинья. Вылила в корыто корм и обратно укрыла. Под хрюканье свиньи я забрал корм в ведро, забросал стойло соломой и ушёл. Несколько дней пёк лепёшки. Как-то вечером с поляны заметил вьющийся дымок над лесом.

Только вооружённая группа могла такое себе позволить, или же одиночка, не знающий, что дым в лесу виден за много километров. Велик риск, но выжить вдвоём намного легче. Найти огонёк в лесу, что иголку в стогу сена. Помог запах дыма. Мужчина неумело пёк картошку, трещали сырые ветки, валил дым. Испугается — сбежит.

Осторожно подполз, резко поднялся у его ног и схватил за руку.

"Арон, не бойся, это я, Израиль".

Много лет мы жили рядом. Родственники по матери. После учёбы он работал в Минске. Часто навещал родителей. Считался самой заметной фигурой в местечке.

Горел маленький костёр, тлели угли, обда-

го комочек мягкого хлеба. К ивовому удилищу привязал крючок и готовую удочку опустил в воду. Долго ждать не пришлось. Здоровая утка подплыла к поплавку и проглотила крючок с хлебом. Подтянул удочку до куста, и утка оказалась в моих руках. То же повторилось со второй.

Иногда делал ночёвку в стогу сена, на лугах. Устраивал гнездо в стогу и забирался туда, головой к выходу, чтобы при необходимости быстро выбраться наружу. В прелом сене жарко, что может быть лучше в трескучий мороз? Вторые сутки блаженствовал в стогу сена.

Проснулся от скрипа саней. Подъехал хозяин. Я был убеждён, что подрывать стог с начатой стороны никто не станет, так как ветер может опрокинуть стог. Несколько раз вилы чуть не врезались мне в голову, а при попытке выползти, я мог бы оказаться поддетым ими. Наконец возчик добрал сено с нетронутой стороны, перевязал сани верёвкой и уехал. Успокоившись, решил остаться в стогу ещё на несколько суток. Подумал, что хозяин в ближайшие дни не приедет опять за сеном. Следы лошади и саней скрыли мои. Но случай преподал мне хороший урок. Решил, что нужно обязательно делать в таких случаях второй выход. Ночью иногда заходил в чью-то истопленную утром

Глава седьмая.

Неожиданная встреча.

Стал немного лучше понимать лес. Безошибочно находил место привала.Больше не таскал на себе весь скарб. Перестал сутками кружить по лесу и приходить обратно к месту, откуда вышел. Брал только необходимое для разжигания огня и ножик. Шёл к деревне в два-три перехода с ночёвкой в пути. Сооружал шалаш из веток и обсыпал его толстым слоем снега. Даже в трескучие морозы было терпимо в нём находиться.

Выходил и входил в лес только с дорог, просек, тропинок, не оставляя никаких следов.

Однажды в полынье, на озере, заметил двух плавающих уток. Одна была с простреленным крылом. Через несколько суток полынью затянет льдом, гибель их неминуема. Говорят: "Голь на выдумки хитра". На огне отпустил шпильку и немного её загнул. Камнем заточил конец и надрезал ножом — получился рыбацкий крючок. Протащил его через кусок сосновой коры и нацепил на не-

"Держись. Прижмёт — приходи. Захвати харч, хватит, пока оправишься".

Был октябрь 1941 года, эйфория охоты за уцелевшими евреями только началась.

Роскошью считалось погибнуть от пули.

Сколько душевной теплоты, мужества надо было иметь . Чем им отплатить?

Шли дни, недели, месяцы — в погонях, холоде, голоде. Мыкался, но пока жил.

ком загляни — сделаю перевязку. Может послезавтра? Нет, присохнет повязка к ране, больней будет".

Выбрал сухое место на бугорке и лёг. Не было сил сделать шалаш, настлать ветки. Проспал до утра. Незаметно подошли подруги. Сделали перевязку. "Надя, больше не приходи: сама управлюсь. Зачем рисковать. Штаны и телогрейку оставь себе: тебе нужнее.Не за горами зима. Вернётся мужик— наживём. Богатство небольшое. Возьми еду, — отдельно завернула чеснок, лук, — от хвори. Люди всякие бывают. Лучше обходи. На всех злобу не держи. Ну, ни пуха ни пера. Скажи — к чёрту".

Сама пошла по дороге.

Валя разоткровеничалась: " Привёз мужик с поля гнилую солому, на сечку срубить, не дать корове сдохнуть. Дали ему три года и этапом в Мордовию угнали. Он там мыкается, а я тут. Думали, новая власть пришла, облегчение будет. Да хрен редьки не слаще. Последнее грабят — лесные волки, подонки-полицаи, уголовники, немцы".

Больше трёх недель она делала мне перевязки, кормила. Раны стали заживать. Оставаться дальше было опасно для всех. Могли выследить.

"Ухожу. Большое вам спасибо". Ком подступил к горлу, хлынули слёзы.

прижми её". Намочила самогоном тряпку, присохшую к ране, говорит: " Обнял беззащитную бабу и трясётся, как осиновый лист. Положи голову на плечо: сподручней будет. Стреляли — не убили, а тут бабу обнял и задёргался".

Говорила она без умолку, стараясь меня отвлечь. Сильно рванула присохшую тряпку, хлынула кровь, всё тело пронзила ужасная боль. Обработала одеколоном рану, завязала холщовым бинтом.

"Кости целы, а мясо и кожа до свадьбы нарастут. В рубашке, парень, родился. С одним делом управились. Дай передохнуть мужику, прилипла — аж завидно. Какой никакой, а мужик".

С пальцем левой руки управилась быстрее. От выпитого самогона кружилась гололова, потеплело, хотелось лечь.

"Пока вожусь, вынь, Настя, из сумки кусок сукна, сшей чехол на палец. Иначе даже по нужде не сходит, не то, чтоб с бабой, — и миролюбиво добавила: "Откуда ты на наши бабьи головы свалился?" Иди, Настя, домой, да будь осторожна. Сами что-нибудь придумаем. Ты, как всегда, права. Давай покормлю и засветло побегу: дети заждались. Посушу дома одежонку и вечером забегу".

Натянула чехол на палец и крепко завязала: "Уходи подальше в лес, а завтра вечер-

вздохнула: " Мужика в Харьков послали трактор получать, да так и не вернулся. Замаялась одна с детьми, стариками, да хозяйзяйство впридачу на плечах".

"Харьков тоже у немцев. Вернётся".

"Добро бы. Надо спешить к подруге в соседскую деревню, час ходу. Она фельдшер. Без неё не обойтись, может начаться гангрена — ни за осьмушку табака погибнешь. Подремонтирует — будешь как новый пятиалтынный. Я пойду дорогой, а ты лесочком. Не выпускай меня из виду. Как говорится, бережёного Бог бережёт".

В морозный ясный день легко идти по сырому лесу. Быстро оказались у околицы села.

"Пойду в хату, а ты подожди. Возьми кошёлку с харчами, если сможешь, перекуси".

Фельдшер посмотрела на завязанные руки: "Пошли на поляну — там светлее, да и подальше от чужих глаз. Вот что, хлопец, не пугайся нас. Стала бы Настя тебя ко мне приводить, семьи под такой риск ставить. Наркоза нет, что-нибудь придумаем. С какой начнём?Обе хороши. Давай с правой: она посерьёзнее. Берегла флакон тройного одеколона, думала: муженёк появится — приукрашусь. Не судьба. Выпей остаток самогона. Мутный, да нет первачка. Стань, горемыка, сзади к Насте, сунь руку за пазуху, а ты по-

Глава шестая.

Подруги.

У леса молодая женщина перекапывала огород. Поставил ведро и подошёл: "Только что бежал от расстрела. Видите: обе руки ранены, хотите — можете выдать".

" Господи, укройся за куст".

Сняла с окровавленных рук тряпки, выжала их и туго перевязала раны. Сняла рубашку, штаны, дала одеть свою куртку, а выжатую набросила себе на плечи. Не спеша пошла к дому, бросила на ходу:"Немного погоди, я скоро вернусь".

Вспомнил слова деда Талаша: "Свет не без добрых людей".

С тяжёлой сумкой и котомкой в руках женщина вышла со двора и направилась в сторону леса. Подошла ко мне: "Возьми, вот ватные штаны, телогрейку, холщовую рубашку. Переоденься. Мужик зимой на лесозаготовках работал, дали спецодежду".

Подтянула сзади штаны и подвязала верёвкой. " Не стесняйся, я отвернулась. Твоё барахло суну в кусты, высохнет — оденешь". Застегнула фуфайку на все пуговицы, тяжко

Медлить нельзя ни минуты, нужно уходить. Солнце стоит высоко над головой. С одежды течёт холодная вода, до костей пронизывает холод. От усталости и потери крови кружится голова. С большим трудом разрезал ножиком тряпку, заменявшую носовой платок, замотал ею руки.

Полицейскому, у которого была винтовка, помешала лошадь соседа. Пока он снимал с плеча винтовку, я успел добежать до дерева. Целился в голову, но в момент выстрела я упал, и разрывная пуля попала между кистей рук. Второй полицейский промахнулся из нагана. Спасло ещё и то, что, обойдя деревню, я вышёл на то место, где оставил ведро.

Понял главное: при погонях, облавах нужно создать видимость, что уходишь в густой лес, болото, кустарник, а самому незамеченным, скрывая следы, пробираться к месту, где тебя выдали, откуда сбежал. Очень страшно, но это единственная ниточка спасения — другого не дано.

Скрыться от местных полицейских, знающих леса и болота, почти невозможно.

Успел добежать до дерева, хотел за него ухватиться, но поскользнулся на сырых листьях, стал падать, удерживаясь поднятыми руками за ствол. Прогремели винтовочные выстрелы. Падая, успел бросить в густой куст понизу попавшийся в руки кусок палки. Ветки куста зашевелились. Осторожно пополз вокруг дерева к дороге. Полицейский с наганом в руке спокойно слез с лошади, не спеша дошёл до куста: "Вылазь!"

Второй доехал до края просеки, стал наблюдать за лесом и ельником. Он знал, что только лес моё спасение.

"Улизнул сопляк, прочеши ельничек".

Я переполз через дорогу, с которой только что бежал. У самой колеи была небольшая ложбина, заполненная дождевой водой и талым снегом. Быстро заполз в неё, и вода укрыла всю спину, снял шапку, голову опустил в воду.

"Жди, поеду за хлопцами, а ты не давай ему уйти в лес".

Они ни разу не посмотрели в мою сторону. Вылез из ложбины и задом стал отползать в обход деревни. Наконец с большим трудом добрался до куста, где спрятал свои пожитки. Взялся за дужку ведра и почувствовал жгучую боль. Обе руки по локоть в крови. Сорвана фаланга с пальца левой руки, разорвана кисть правой.



Амбар срублен из добротного леса по-хозяйски. Потолок подшит толстыми досками и настлан пол, сделаны засеки для зерна. Присел в угол, снял лапти: дать ногам отдохнуть.

Не спалось.

Пришёл и мой черёд, чем я лучше остальных?

Открылась дверь. "Выходь!" Наскоро натянул лапти.

Морозное утро. Природа пробуждалась.

Два полицейских сели на лошади. Один буркнул: "В район". Это был конец. Недалеко лес. По обе стороны просёлочной дороги скошенные поля. Меня вели впереди лошадей по разбитой колёсами грунтовой колее с тонкой ледяной коркой. На ходу затягивал лапти. Ноги постоянно проваливались через тонкий лёд в холодную воду. Недалеко от дороги лесозащитная полоса из молодых ёлочек. Узкая просека отделяет её от леса. Мелькнула мысль: дальше края леса не поведут. Лучше уж пусть убьют на бегу.

Немного замедлил шаг. Оказался между шеями лошадей. Подтянулся и бросился под шею правой лошади. Побежал к ближайшему дереву у ельника. Полицейский выхватил наган и несколько раз выстрелил.Второй замешкался: мешал ему бок первого полицейского.

Глава пятая

Расстрел, спасший мне жизнь.

Нужда опять заставила идти в деревню.

Короче стали дни, быстро темнело, похолодало. Засветло подошёл к околице деревни. Запрятал в кусты ведро со скарбом. Ножик, кремень с кресалом оставил в тайнике.

Дотемна следил за домами.

В одном дворе весь вечер играли дети, женщина возилась по хозяйству. Ласково дала поручение: ”Петро, набери на ночь ведро воды, не облейся”. Мужика в доме не было.

Подошёл к крыльцу. Девочка меня заметила. Вышла мать. ”Заходи, налью похлёбки”. Дети с любопытством стали меня рассматривать. Налила черпаком миску супа, положила ломоть хлеба. Сел за стол, взял в руку деревянную ложку. Не успел поднести её ко рту.

Вошёл полицейский с винтовкой за плечом: ”Пошли”.

Повёл в сени соседнего дома, открыл дверь амбара, закрыл меня на засов.

Ты, верно, в сорочке родился,
Что всё ещё жив до сих пор,
И смерть тебе меньшею мукой
Казалась, чем этот позор.

Из четырёх мучителей, возможно, к сожалению, кто-то ещё жив. Кем-то и где-то работал, жил, состарился, есть дети, внуки, правнуки. Может быть, они иногда вспоминают с сожалением этот эпизод из своей молодости. Может быть.

Но я проклинаю вас, всех четырёх, независимо от того, кем вы стали.

Пусть мучает вас совесть, если она у вас есть, до последних минут вашей подлой жизни.

Покаяния не принимаю.

Нет вам прощения.

Я презираю вас.

Ухватившись левой рукой за верёвку, правой подтянулся и отрезал её, не выпуская конец из руки, ибо ослабевший конец сразу бы заметил ездок. Доехав до края леса, парень разогнал лошадь и на полном скаку стал разворачиваться.

На повороте я успел срезать второй конец и отпустить оба. Меня резко отбросило, несколько раз перевернулся и быстро, ползком в лес. Лошадь галопом, не останавливаясь, неслась вниз.

Не чувствуя боли, бегом от этого страшного места.

Бежать, бежать и бежать.

Несколько дней отлеживался, не мог в себя прийти: кровоподтёки по всему телу, лицо и ноги распухли, до рёбер и спины не дотронуться, трудно дышать.

Снова пошёл мелкий холодный дождь, но вскоре прекратился. С трудом разжёг костёр, обсушился.

Мучил голод.

Вышел на убранное картофельное поле. Насобирал немного подмороженной картошки— на большее не хватило сил. Снова разжёг костерок у пня, и, не дожидаясь, пока картошка испечётся, жадно глотал её полусырой.

В одном из стихотворений Константин Симонов писал:

Один радостно крикнул: "Смотрите, Стёпа скачет".

Стёпа соскочил с коня и, довольный, выговорил! "Прихватил два конца верёвок. Жаль вожжи мазать".

Верёвкой дважды обкрутили кисть одной руки и затянули удавкой, чтоб легче было потом снять. Затянули вторую кисть. Гурьбой пошли к лошади привязывать концы верёвок к гужам хомута.

Это были единственные несколько минут, чтобы успеть вытащить ножик из тайника. Когда лошадь поволокёт по земле, уже будет поздно. Превозмогая невыносимую боль во всём теле, немного согнул руки в локтях, напрягся и из последних сил приподнялся. Зубами вытащил из-под себя край куртки, выпрямил руки и обессиленный лёг. Быстро извлёк ножик и зажал в ладони правой руки.

Лошадь трусцой поволокла меня в гору.

Верёвка, обмотавшая кисти рук, мешала вспороть вену, а подтянуть руку с ножом к груди было невозможно.

Пока лошадь мелкой рысцой бежит в гору, нужно попытаться перерезать верёвки и сбежать в лес. Хлопцы поодаль стоят гурьбой, кричат и свистят, подзадоривая ездока и лошадь.

Решают секунды.

Срезал четыре палочки разной длины и зажал их в кулак: "Кому достанется самая длинная, скачет первым, короткая — скачет последним".

Каждый вытащил свой жребий.

"Беги, Стась, быстренько за конём, не забудь хомут набросить и вожжи прихвати".

Пришёл в сознание — вернулась память.

Полузакрытыми глазами, не поднимая головы, осмотрелся. Лежал лицом в мокрой траве на большой гористой поляне. Кругом мелкий лес. Обычно на склонах таких полян мы, дети, ранней весной любили собирать сладкие ягоды — землянику.

Как-то набрёл на большой шероховатый камень и хорошо заточил ножик. Боялся, что из кармана он может случайно выпасть, не хватало еще и порезаться, и потому засунул его в пазуху подшитого подола куртки. Камень с кресалом спрятал в другой подол. Это были самые необходимые вещи. Без них в лесу не выжить — пропадёшь.

Нужно попробовать вытащить ножик и вспороть вену или вонзить в сердце — избавиться от страшных мук.

За дни бегства впервые позавидовал погибшим.

Смерть казалась меньшей мукой.

Дважды не умирают.

ревенские парни и обсуждают, что со мной делать.

”Лучше бросить жидка в яму с водой да закопать или повесить на дереве — хай сохнет, и никаких хлопот”.

”Это неинтересно, — заметил второй, — несколько дней выслеживали, и никакого удовольствия”.

”Давайте сбегаю в село за лошадью, хомут с вожжами захвачу. Привяжем этого чёрта одной ногой к дереву, а другой к коню и разорвём, а потом можно оттащить в яму”.

”Какой резон, — вмешался ещё один, — ты себе удовольствие справишь, а мы — гляди только. Нет, так не пойдёт”.

После долгих споров договорились обвязать каждую руку верёвкой, а другой её конец зацепить за гуж хомута, где крепится оглобля с дугой. Если связать их вместе, немного пропашет землю и быстро скапутится. А так будет дольше болтаться.

Каждый сделает круг по краю поляны. Под гору медленнее, трусцой, чтобы не загнать лошадь, а с горы галопом. Кому по второму кругу не достанется, самогон на вечеринку не приносит, а пьёт за их счёт.

Трое до поляны не дошли, струхнули и сбежали. Может ещё подойдут?

”Ну и хрен с ними. Трое одного не ждут— обойдёмся, ” — заключил рослый детина.

Глава четвёртая

Испытание

Несколько суток подряд лил мелкий осенний дождь. Кругом распутица. Промок до костей. Наконец однажды под утро небо прояснилось, дождь перестал. Выглянуло затянутое облачной дымкой осеннее солнце. Стало подогревать.

Разжёг небольшой костёр — обсушился. вышел на маленькую полянку, окружённую густым лесом, и под лучами осеннего солнца крепко уснул.

Проснулся от сильных ударов, которые сыпались на мою голову, по всему телу, от площадной брани. Мешочек старика удариллся об дерево и его содержимое разлетелось во все стороны. Теряя сознание, услышал последние слова: ”Бей под дых, Михась”.

Очнулся на поляне. Лежал вниз лицом на мокрой холодной траве. Больно пошевелить рукой, ногой, вздохнуть, голова гудит, во рту пересохло, пытаюсь сосать мокрую траву.

Доносятся отдельные слова. С трудом приоткрыл один глаз. Вокруг меня стоят де-

Банька — это праздник на селе.

— Чего, хлопец, задумался?

— Нет, дед, не хочу подвергать себя опасности. Переживу и без баньки.

— Ещё раз запомни. На глаза лесным супостатам не показывайся. Иди к вдовам: они добрее. Держись на Западную Беларусь, а не к Москве. Деревеньки в несколько дворов, хутора, больше там верующих — легче выжить.

Показал, как по мху на деревьях не сбиться с дороги, также — по звёздам.

— Зимой в снегу под дичками раскапывай мороженые яблоки, груши, рябину. Опять же, на болотах клюква, какая никакая, а еда и подкрепление. Заметишь белку — не пугай, может к дуплу приведёт, орешками побалуешься. Лес любить и понимать надо: он и поможет. С другой стороны, свет не без добрых людей. Время бежит быстрее зайца. Может выживешь — старайся.

Дед, дай Вам Бог дождаться своих сыновей и внуков. Крепкого здоровья Вам со старухой. Выживу — детям и внукам расскажу о доброте и смелости Вашей.

Через пятьдесят лет сделал это.



брось хлам, вижу. не пригодились". Сколько сам ни завязывал шнурки, стоило пройти с десяток шагов, лапти спадали. "Понятливый малый, с этими супостатами быстро наловчился. Лапти в лесу лучшая обувка, тепло, мягко ходить, не слышно, пока не ступишь на сухую ветку. Возьми старую шапку-ушанку, самотканную куртку, штаны, всё спотребуется".

Из куска крепкой верёвки связал петлю и показал как взбираться по стволу дерева.

В холщевом мешочке было сложено немного соли, муки, хлеба, баночка топлёного масла. "Да, запамятовал. На, возьми ножик, из отточенного куска пилки. Бери, чего уставился, выживёшь — вернёшь. В деревне без крайней нужды не показывайся. Слухай, хлопец, давай утречком баньку стоплю. Напаришься, когда ещё придётся".

Баня в деревне — это целая наука. Рубится сруб из отборного леса. Внутри складывается печь из камней. Топится по-чёрному(без дымохода). Дым уходит через открытую дверь. Парятся берёзовыми вениками, смоченными водой. От перегретого пара горит всё тело — благодать, терпеть нужно.

Зимой смельчаки бросаются в прорубь или в снег, летом — в речку. У каждой семьи свой секрет: из каких камней сложить печь, какой веник — лучший лекарь от простуды.

растут. Ну, младший тоже офицер, под Ярцевым, тоже есть внучка. Приезжали каждое лето стариков навестить. Куда всех война разнесла? Стар стал, заболталася, вот, возьми, перекуси. Раз путь в деревню держишь, значит голод из лесу выгнал".

Развернул скатерку с кусочком сала, луковицей, хлебом. Поставил бутылку клюквенного морса. Грустно улыбнулся: "Наведались бандюги, закололи свинку. Ждал опороса. Чтоб подавились. Бросили голову и требуху. Ешь. Дома перекушу.Не к спеху. По правде сказать, вид у тебя хреновый. Погоди немного на опушке, захвачу с хаты потребное и вернусь".

Пришёл с мешком за плечами. "Спасибо не говори, может и мои так мыкаются".

Вытащил из кармана кожаный мешочек из-под махорки, а там — кремень, кресало, фитиль.

"Без огня в твоей шкуре — гибель". Показал как и заставил высечь искру, пока фитилёк не задымился. Понемногу стало получаться. Я сжёг кончики пальцев, но он этого не замечал.

"Ладно, с одним делом управились, доучиться жизнь-матушка поможет".

Из мешка выложил лапти, подшитые кожей, тёплые портянки. Научил обматывать ноги и правильно затягивать шнурки. "Вы-

приезжали, собрали подать и уехали пьянствовать, спасать шкуры".

Бежавшие в лес работники НКВД, милиции, райкомов и другая нечисть под видом спасения родины приходили днём и ночью с оружием , нещадно грабили, забирая всё, что попадалось под руку. Грабили и новые власти. Крестьяне не знали, куда податься, у кого искать защиты. Через несколько месяцев всё подмели: скот, птицу вырезали. Начался голод.

Дальновидные крестьяне, наученные горьким опытом, попрятали в ямах одежду, картошку. Насушили лебеду и другие травы. Смешивали отруби с картошкой и пекли горький сырой хлеб. Из муки варили похлёбку. Пьянки и песни закончились. Люди стали трезветь.

Однажды в лесу раздался слабый стук топора. Хотел незамеченным подойти поближе. Услышал:"Мил человек, не от каждого надо прятаться и бежать. Як кажуть*, от судьбы не сбежишь". Подошёл с оглядкой. Старик не стал расспрашивать: кто, куда, откуда? Видел меня насквозь: " Не пужайся, живу на отшибе один со старухой. Видишь, за банькой дом, это мой. Старшой в Челябинске служит офицером. Два внука с внучкой

** Як кажуть(белорус.) — как говорят.*

На рассвете в озере стала плескаться рыба. Птицы начали петь. Лес ожил. Решил попробовать порыбачить. Разделся, залез в неглубокое озеро с тёплой водой и илистым дном. В дуплах, между корнями деревьев, у берега, наловил немного рыбы и раков.

Разжёг костёр, на рогатки повесил ведро и сварил вкусную уху. В банке с водой размешал немного солёной земли, дал отстояться и по вкусу посолил. Илом постирал и просушил одежду.

Шли дни. Ловил рыбу, варил уху, пил чай, заваривая листья малины, ел ягоды. Жил.

Всё имеет начало и, к сожалению, конец. Кончилась еда, стало холодно ловить рыбу.

Голод выгнал в деревню, к людям.

Вечером постучал в окно хаты. Заплакали дети. Женщина подошла к окну, вышла на улицу. Без зла буркнула: "Господи, быстрей уходи, нехристь, сирот пожалей".

Повернулся.

"Погоди". Вынесла ломоть хлеба, испеченного из лебеды, картошки и отрубей, немного муки, щепотку соли, несколько спичек. "Возьми, зробыш затирку... Вчерась ночью приходили лесные супостаты. Подчистую вымели, увели коровёнку — как жить будем?" — Заплакала. "Лесным иродам на глаза не появляйся — убьют. Днём полицаи

Зробыш(белорусский)— сделаешь.

До войны крестьяне жили в беспросветной нищете, бесправии, голоде, Ходили в самотканной одежде, лаптях. Многие с радостью встретили новую власть.

Клич "Бей жидов, спасай Россию" восприняли как спасение от всех бед. Смертельно опасным было заходить в деревни.

На огородах стояли крестовины для отпугивания птиц от созревшего урожая, на которые навешивали старые штаны, рубахи, шапки. Глубокой ночью подполз к пугалам и снял одежду поцелее, а с забора — старые лапти с портянками.

Собрал на поле оставленные головки подсолнухов и сложил их в перевязанные штанины. На картофельном поле нашёл укрытый соломой бурт картошки, два ведра, сломанную лопату. Семечки пересыпал в вёдра, набрал полные штанины картошки. С большим трудом перебросил через плечо картошку, вёдра — в руки, и на рассвете добрался до реки. Немного отдохнул, вылущил семечки из головок подсолнухов.

Оставаться дальше на этом месте было опасно.Чтобы найти дорогу обратно к речке, я надламывал ветки. По ним нетрудно было меня найти.

Осторожно, без отдыха и остановок, уходил в глубь леса. Измученный, добрался до небольшого озера, расположился на ночлег.

небольшой сарай, в котором валяются старые вёдра, кусок верёвки. Из рамы разбитого окна вытащил несколько осколков стекла. В углу когда-то лежала груда кормовой соли для скота. Попробовал землю на язык — была горька. Собрал в ведро несколько кусочков крупной соли и верхний слой земли.

Тропинка вывела к узкой речушке. Попил холодной воды. В кустах сложил небольшой шалаш из веток, выгнал комаров, ветками прикрыл вход, лёг на подстилку из сухой травы и крепко уснул.

Проснулся рано.

Собрал ягод, грибов, сорвал куст крапивы. Нужен огонь. Как добыть?

Вспомнил игру с солнечными зайчиками. Кусок стекла намазал с одной стороны толстым слоем ила, просушил, а с другой стороны хорошо протёр. Положил бумагу, сухие веточки,расчесал кусочек верёвки.

Сфокусировал в одну точку пучок солнечных лучей.

После долгих попыток пакля задымилась. Раздул огонь. В банку насыпал зерна, положил грибы, крапиву,посолил и сварил кашу. Долго сидел у огня и думал, где достать одежду, обувь — ведь холода не за горами.

Засветло подошёл к деревне.Доносились песни пьяных мужиков, смех, лай собак.

Глава третья

Дед Талаш

Вечерело, наступили сумерки, надо было что-то делать. Раздвинул густой кустарник, постелил ветки и лёг немного отдохнуть. Ужасно устал. Напуган. Пережитое стояло перед глазами. Долго не мог уснуть, кусали комары, ползали под рубахой мошки, пели птицы, где-то квакали лягушки — лес жил своей жизнью.

Под утро уснул непробудным сном.

Проснулся, дрожа от сырости и холода.

Солнце стояло высоко над головой, потеплело. Хотелось есть. Долго плутал, пересекая холмы, поля, перелески, болота. Часто возвращался к тому место, которое недавно покинул.

Наконец лесная тропа вывела к колхозному полю. Рожь была скошена и убрана. Одна-две необмолоченные копны. Набрал полную рубашку колосков. На краю поля, под дикой яблоней, нашёл большую ржавую банку, в которую сложил яблоки.

На поляне стоял огороженный загон, куда на ночь сгоняют скот на ночлег. Рядом

С большим трудом, обходя полицейские посты, мне удалось выбраться из местечка.

Остался один в глухом лесу, гол и бос. Долго и горько плакал. Не знал, куда идти и что делать.

На рассвете взяли еду, воду и спустились в погреб. Тёща хозяина наотрез отказалась спуститься с нами. "Найдутся помоложе",— убеждала она. Закрыла погреб досками от дна шкафа.Поставила сверху старые вёдра, кастрюли, насыпала картошки.

Рано утром услышали беготню по дому. Выносили, стучали, сбрасывали на пол.

Наступила тишина.

Несколько часов просидели в погребе. Потом осторожно поднялись на кухню. На полу валялись разбросанные вещи, фотографии, книги, бумаги. Тёщи нигде не было.

Нас заметил полицейский и буркнул: "Арон, иди с малым к сараям, подсоби. Наделали делов заезжие".

В бывшем сарае была навалена груда сгоревших трупов — всё, что осталось от евреев местечка. Привели ещё нескольких спасшихся. Заставили рыть траншею вокруг сарая, сталкивать останки тел и зарывать их.

Я стал убеждать Арона: "Бери семью. Пока не поздно, убежим в лес".

"Беги сам. Мы пойдём в село к знакомому. Тебя он не примет и не оставит у себя".

Подошёл к полицейскому, сказал, что сбегаю к первому дому за лопатами, так как без них нам быстро не управиться.

"Не задерживайся, видишь сколько дел," — сказал он добродушно.

шаком, самотканных штанах , лаптях. Гнали лошадей в сторону местечка.

Уставший, разбитый горем, я лёг в кусты отдохнуть.

Через несколько часов подводы, груженные вещами, домашней утварью — всем, что может пригодиться в хозяйстве, возвращащались обратно. Все спешили обернуться несколько раз.

В сумерках подошёл к окраине местечка. В крайнем доме долго горел свет, слышался стук ведер, кастрюль, голоса. Из дома вышел мужчина и направился в сарай. Убедившись, что это еврей, я окликнул его. От неожиданности он испугался, но, увидев, что это мальчик, успокоился. Я стал его расспрашивать, где остановились наши местечковые евреи, как их найти. Он сказал: "Успокойся, расскажи ещё раз всё по порядку". Он внимательно меня выслушал. Поняв смысл сказанного мной, растерялся. "Иди в дом, поешь, я сбегаю, предупрежу соседей". Вскоре он вернулся. Стали думать, что делать дальше.

Решили расширить и углубить погреб под кухней. Втроём выносили вёдрами землю, обсыпали ею завалинки вокруг дома и хорошо замаскировали. Под утро все работы были закончены. Оторвали дно кухонного шкафа, поставив его над лазом в погреб.

назад не вернулись. Мама от нас не отходила ни на минуту и всё причитала: "Фейгелех майне". Отец за эти сутки не вымолвил ни слова. Прошло несколько дней.

Рано утром сильно толкнули в дверь. Вошли двое полицейских: "Одевайтесь потеплее". Полицейские стали рыться в шкафах, в комоде, выбрасывать на пол ненужные вещи.

Отец глазами стал показывать мне на дверь.

Неслышно, босыми ногами, пятясь, я потихоньку стал отходить к выходу. Ступил на крыльцо. Пригнувшись, дошёл до огородов. Лёг в картофельную борозду и быстро пополз к кустарникам.

Вывели отца с матерью. Полицейские посмотрели по сторонам и повели их по пустынной улице в сторону леса. В конце улицы, недалеко от последнего дома, были вырыты три ямы. В них сбрасывали погибших животных. Заполненную яму зарывали и выкапывали новую.

Их повели в ту сторону. Я услышал одиночные выстрелы. Потом они прекратились.

Весь день, хоронясь, шёл вдоль просёлочной дороги, в сторону Лагойска. Часто раздавался стук колёс. Я прятался в кустах. На подводах проезжали крестьяне в холщёвых рубашках, подпоясанных красным ку-

По отдельным словам понял, что всех вывезли в лес и там расстреляли. Утром пришли более достоверные слухи. Лесными дорогами, якобы сокращая путь, подъехали к сараям на лугу Палик, в двадцати километрах от местечка.

В пунях, как называли эти сараи местные крестьяне, складывали осенью болотное сено, которое зимой, когда болота замерзали, развозили по дворам.

Все очень устали, перенервничали, хотели есть. Проверяя по списку каждого, пропускали в сарай.

Отобрали драгоценности, золотые и серебряные изделия, валюту. Ворота сараев закрыли на замки.

Появились незнакомые полицейские-литовцы, торопили: нужно успеть приехать на место дотемна. Все устали, валились на пол передохнуть.

Сараи, крытые соломой, сложенные из сухих брёвен, облитые бензином, мгновенно вспыхнули, как факел.

Через полчаса всё было кончено.

Ценные вещи, изделия из драгоценных металлов, валюту полицейские взяли себе. Оставшиеся вещи возчики разобрали по домам.

Прошли сутки — никто не ложился спать, не хотелось верить случившемуся. Подводы

Полицейские помогали, следили за порядком.

Уезжающие прощались с остающимися. Слёзы, напутствия. Проверили всех по списку и тронулись в дорогу.

Гриша Арончик, фотограф, наотрез отказался остаться с женой Рахиль, двоюродной сестрой моей мамы, даже на несколько часов без детей и тёщи. Староста уговаривал его, просил: "Войди, Гриша, в моё положение, пришла новая власть: без фотографа не обойтись".Гриша стоял на своём, был непреклонен. Староста махнул рукой. Гриша с женой бегом догнали уходящий обоз и пошли рядом с подводой.

За несколько минут до отъезда прибежал мой друг Стасик и мы пошли на речку поиграть. Когда, запыхавшись, вернулись обратно, подвод уже не было. Староста сделал моему отцу замечание: "Что же ты, Лёва, так плохо воспитал сына. Не ожидал от тебя этого. Ладно, беда поправима, отправим с оказией". Инцидент на этом был исчерпан.

Улицы опустели, жизнь замерла, наступила гнетущая тишина.

Поздно ночью постучали. Оглядываясь по сторонам, вошёл знакомый возчик. Меня выпроводили в другую комнату. Сбиваясь от волнения, он рассказал родителям, что всех, кто уехал, расстреляли.

Прошло несколько недель в ожидании и тревоге. В один из дней на базарной площади собрали всех мужчин, вдов и зачитали приказ: "Всё еврейское население переселяется в местечко Зембин или Лагойск, где создаётся гетто для всей волости. Окончательное место будет уточнено позже. В оставшиеся часы необходимо собрать все ценные вещи и что-нибудь съестное в дорогу. Утром подъедут подводы со всего района, погрузитесь – и с Богом. Обратно на этих подводах вернётся население других национальностей. Остальные вещи, мебель, кухонную утварь, не брать. Их привезут в следующий раз. Временно с жёнами останутся только мастеровые — сапожник, портной, столяр, жестянщик, фотограф(набралось человек тридцать). Когда мастеровые будут подобраны из местных,оставшиеся также уедут к сво им семьям. Без спецов не обойтись",— закончил староста свою речь.

На рассвете подводы уже стояли на площади. Община распределила их по дворам. Началась суматоха, как это обычно бывает, когда собираются в дальнюю дорогу.

Грузились семьями. Что не помещалось на подводу, аккуратно связывали и складывали в один угол. На повозки сажали немощных стариков, больных, маленьких детей, беременных женщин.

Вывесили приказ, запрещающий евреям под угрозой смерти выходить из дома без нашитых желтых магендавидов на груди и спине, и ходить только по середине улицы.

Председатель общины и раввин обязаны были в течение двух суток составить списки всех евреев,проживающих в местечке, включая младенцев. Указать специальность мужчин.

На следующий день болевший до этого ребе прилёг после обеда отдохнуть и скончался во сне. Авторитет ребе никогда и никем не подвергался сомнению. Советы, даваемые им, никогда не обсуждались. Ребе был совестью, законом и конституцией одновременно. Хоронить его вышли все от мала до велика. Шли посредине улицы с опущеными головами, неподдельным горем и плачем.

Был ясный солнечный день. Вдоль тротуаров стояла празднично разнаряженная толпа. Среди них выделялись два немецких офицера в чёрных костюмах и сапогах , начищенных до блеска. У каждого на рукаве была повязка с вышитым на ней черепом.

Похоронная процессия сравнялась с толпой. Офицеры с каменными лицами встали по стойке смирно. Подтянулась и толпа.

Днём расстреляли банщика и офицера милиции.

солдат. В новом обмундировании, холёных, самоуверенных. Стояла гружёная машина, несколько повозок со строительным инструментом. Большие упитанные лошади жевали овёс. Ароматный запах щей и каши исходил из походной кухни.

Солдаты разговаривали, смеялись, ели. Я полностью понимал их язык. Повар в белой шапочке и фартуке подозвал меня, положил в тарелку каши и велел есть.

Я поел с большим аппетитом, запил галеты компотом, поблагодарил.

Вдруг молодой солдат схватил меня за руку: "Ты - юде?!" Я подтвердил. Он раскричался, стал трясти меня. Сбежались солдаты. "Он хотел стащить у меня винтовку, его нужно отправить в гестапо".Пожилой немец стал его убеждать: "Мальчик не трогал винтовку, он просто стоял и смотрел, я это видел. Отпусти его к родителям".

Солдат стоял на своём. Тогда пожилой вырвал у него из пальцев мою руку, сильно ударил меня по мягкому месту и зло крикнул:"Люс!" Обиженный, с плачем я побежал домой. После обеда немцы уехали.

Жизнь стала понемногу налаживаться.

Отец сходил в деревню, принёс хлеба, муки, картошки.

Появились — староста, полицейские,поп. В бывшем клубе начали служить молебен.

ные выломали двери тюрьмы и вышли на свободу. Архивы НКВД, милиции, райкома валялись разбросанными в кабинетах и на улице. Магазины были разграблены, стёкла витрин разбиты, двери взломаны.

Война прошла стороной, наступила зловещая тишина.Ночью родители раскопали яму. Уцелевшие вещи, домашний скарб перенесли в опустевший дом на базарной площади.

Из разбросанных архивных документов многие узнали о своих пропавших родных, близких, знакомых. Среди бумаг валялась папка с делом голубятника-трудяги дядьки Зарембы, любимца детворы.

Во дворе Зарембы стояла голубятня — домик на высоких столбах. Часами он гонял голубей длинным шестом.Голуби были его страстью. В многочисленных протоколах допросов было записано, что гражданин Заремба много лет являлся агентом разведок Польши, Германии и других вражеских государств и подрывал мощь нашего государства.

Расстрелян по приговору "тройки".

Приложены фотографии расстрелянного и его многочисленных сообщников — голубей. Это вызвало гнев и возмущение всех жителей местечка.

Утром, на четвёртый день войны, впервые увидели на базарной площади немецких

Глава вторая

Начало

Рассвет двадцать второго июня 1941 года разбудил нас сплошным гулом тяжёлых бомбардировщиков. Самолёты лавиной летели на восток. Отбомбившись, возвращались обратно. Так продолжалось несколько суток. Радио передало правительственное сообщение и надолго замолчало.

Началась война.

Доносился сплошной гул артиллерийской канонады, разрывов бомб. Отец с матерью вырыли ночью в сарае яму и запрятали в неё все ценные вещи.

Работники НКВД, милиции, райкомов, районных служб побросали архивы, документы, оружие, заключённых — и разбежались кто куда. Жители попрятались в ближайших лесах.

Утром артиллерийская канонада затихла, все вернулись домой. В местечке сгорели церковь, наш дом и соседский. Заключён-

жизнь: в труде, в нужде, в заботах. В 1940 году в местечке впервые появился автомобиль, вызвавший переполох среди жителей местечка, сравнимый только с появлением первого космонавта. Из кабины вылез шофёр в кожаном костюме, крагах и яловых сапогах.

Все мальчишки захотели немедленно стать шофёрами.

Не был исключением и я.

У отца на этот счёт были свои соображения. Он видел во мне помощника — продолжателя его ремесла.

Закончился учебный год; я перешёл в восьмой класс.

Началась радостная пора летних каникул.

Краги — рукавицы с нарукавниками из кожи.
Яловые сапоги—сапоги из кожи рогатого скота.

У огородов протекала речушка с прозрачно чистой водой, которую переходили, не замочив коленей.

На утренней зорьке и вечернем клёве, если повезёт, ловили несколько рыбок, величиной с палец, и раков.

Местечко окружали со всех сторон удивительной красоты леса с озёрами, речками, речушками, лугами и болотами, обилием грибов, ягод, которых запасали впрок.

Осенью в большие чаны засыпали клюкву, заливали водой и пили морс до весны.

Ходили в синагогу, ели кошерное, соблюдали еврейские обычаи и праздники.

Отец был прекрасным мастером-жестянщиком, славился на всю округу, содержал семью.

В тридцатые годы местечко стало районным центром. Построили больницу, клуб, пожарную часть — кирпичное здание, что было большой редкостью в те годы, новые жилые дома.

Местечко разрослось.

Появились НКВД, торгсин, милиция.

Потом началось раскулачивание, аресты, лагеря, расстрелы, как и по всей стране.

Крепла советская власть.

Закрыли синагогу, хедер, лавки.

Умирали старики, рождались дети.

Монотонно протекала местечковая

Глава первая

Юность

Детские годы и юность отца прошли в городе Двинске, который он искренне любил.

Проездом через город Минск случайно познакомился с девушкой Басей. Вскоре поженились.

Шли годы. Отец и мать оставались вечными молодожёнами с влюблёнными глазами и постоянной улыбкой на губах.

Родилась первая дочь — Куне.

Мне было четыре месяца, когда отец построил большой деревянный дом, и семья переехала жить на мамину родину, в местечко Плещеницы под Минском.

Родились ещё две сестры: Соня, Хая — и брат Ицик.

После смерти дедушки в 1938 году из Латвии приехала жить к нам бабушка.

Местечко было в несколько улиц, с синагогой, церковью, базарной площадью в центре, многочисленными лавочками. Одна, булыжником мощённая улица с деревянными тротуарами и непролазной грязью весной и осенью, была центральной.

Ужас прожитого постоянно в моей памяти — в минуты радости и печали.

Уходит в историю Катастрофа.

Из памяти людей стирается трагедия нашего народа.

Музей **Яд ва-Шем** стал восприниматься как обыкновенный музей, а не как **Пантеон** памяти миллионов погибших.

Исполнить долг перед погибшими и живущими.

Рассказать автобиографическую правду тех страшных событий — цель исповеди.

Напомнить, предостеречь — **Катастрофа была.**

Израиль Сегаль

Дочери и внуку посвящается

Вместо предисловия

Судьба распорядилась так, что мне, местечковому мальчишке, из многих тысяч евреев, оказавшихся в оккупации в 1941 году, спастись удалось **одному**.

Три года в полном одиночестве я скрывался в Белорусских лесах.

Любая минута могла быть последней.

Могла быть последней и после Катастрофы.

Более полувека прошло со времени тех трагических событий. Очень тяжело вновь пережить всё это.

В прошлом я никогда не брался за перо.

Пришла пора — за плечами прожитая жизнь.

Стефан Цвейг сказал: ”Состариться — значит перестать бояться прошлого”.

Время не сохранило в моей памяти многих имён, названий тех мест, а многих я вообще не знал.

Хорошо помню, как и при каких обстоятельствах эти события происходили.

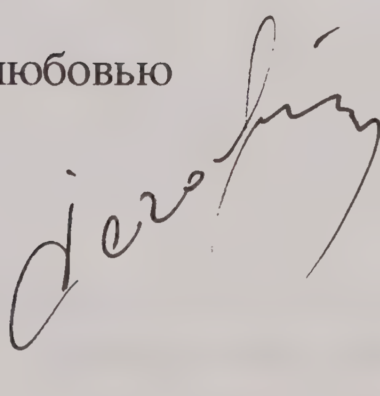
Дорогие друзья!

Молодежь — защитники, надежда и будущее наше.

Любите Родину — такую маленькую и такую большую.

Будьте — мечтателями, целеустремленными и хладнокровными.

Счастья, благополучия Вам, родным и близким.

С любовью  Израиль Сегаль

ידידי היקרים!

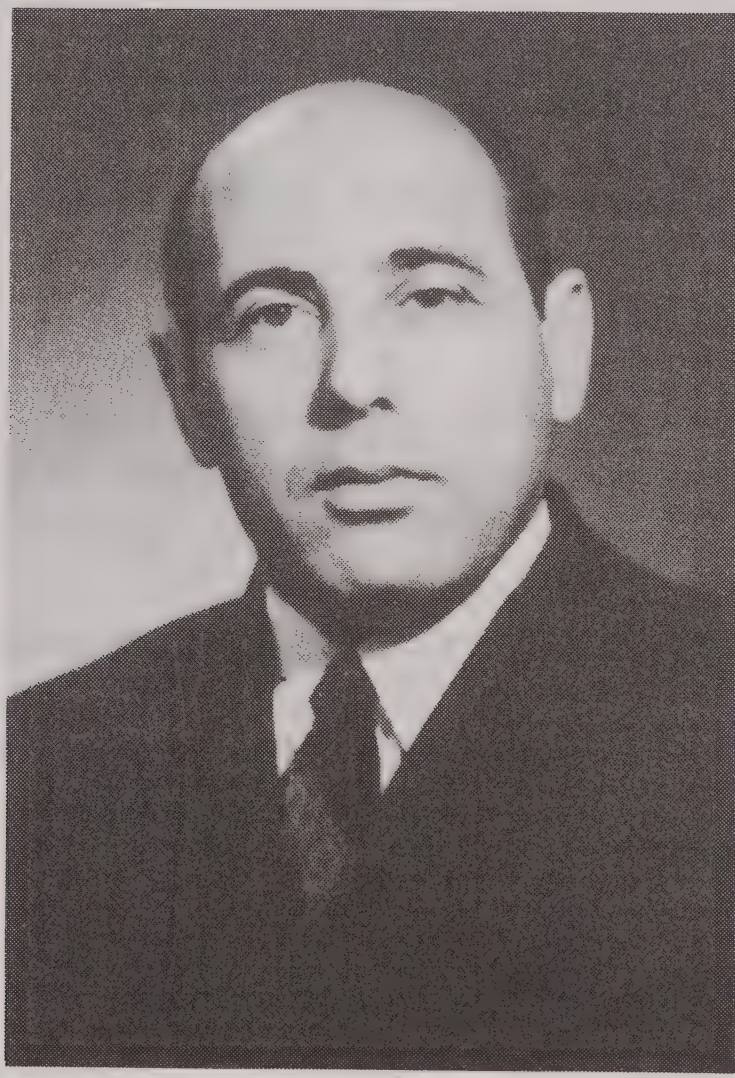
הנוער הוא מגננו, תקוותנו ועתידנו.

אהבו את המולדת- הקטנה והגדולה כל-כך.

ראו את העתיד, היו קרי רוח והתמקדו במטרותיכם.

אושר והצלחה לכם, להוריכם ולקרוביכם.

באהבה
ישראל סגל.



Израиль Сегаль.

Израиль Сегаль. Лесной скиталец.

ישראל סגל. נודד ביער.

Izrail Segal. The Forest Wanderer.

Художник Аркадий Острицкий

Издание второе, дополненное

Издательство "Мория"

Отпечатано в типографии "Сдар-цалам",
ул. Агра, 41, Тель-Авив

Израиль Сегаль

Лесной скиталец

Второе издание дополнено - страницами 4,5,90,91,96,99,103
Разделом "От автора"
О жертвах Катастрофы - погибших и живых
На русском языке страницы 105 по 181.
На иврите страницы 1 по 75.

Израиль.
2001 год.

Израиль Сегаль

Лесной скиталец

